

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье
Рассказывается о первой попытке построения капитализма в России. Время действия – три последних царствования: Александра II, Александра III, Николая II. Место – Санкт-Петербург. Тогда в столице России складывалась ситуация похожая на нынешнюю московскую: Петербург был городом приезжих. Но столетие назад российские города пополняли не мигранты из Средней Азии и Кавказа, а русские деревенские мужики. Какие механизмы помогали или препятствовали переработке крестьян в столичных жителей? Как городской уклад жизни воспринимался сельскими жителями? Как мужики становились купцами? Как из купцов выходили в «олигархи»? Этим вопросам и посвящена книга.

Предисловие.

ПИТЕРЩИК (простореч. устар.) – бывалый человек, бывавший и промышлявший в Петербурге (Питере). Филипп Корчагин – питерщик, По мастерству печник. Некрасов.

Толковый словарь русского языка Ушакова

Русскому капитализму дали три шанса. Рыночные отношения бурно развивались в стране с середины прошлого века, после освобождения крестьян. Строились железные дороги, быстро росли города, а на их окраинах – краснокирпичные здания фабрик. По темпам роста экономики Россия стояла на одном из первых мест в мире. Закончилось революцией 1917 г. Ленинский НЭП продолжался каких-нибудь семь лет. Разрушенную, умиравшую от голода страну накормили, дали пожить, и тут наступил сталинский великий перелом: коллективизация и индустриализация. На наших глазах столь же быстро и столь же противоречиво проходит третья попытка построения капитализма в России.

В этой книге мы пытаемся описать первый русский капитализм. Время действия – три последних царствования: Александр II, Александр III, Николай II. Место – Санкт-Петербург.

Итак, начинаем 1860-ми. Как писал Борис Пастернак:

«Ездят тройки по трактам
Но, фабрик по трактам настроив,
Подымаются саввы
И зреют викулы в глуши.
Барабанную дробь
Заглушают сигналы чугунки.
Гром позорных телег,
Громохание первых платформ.
Крепостная Россия
Выходит
С короткой приструнки
На пустырь
И зовется
Россию после реформ».

Савва и Викула Морозовы – москвичи. Но колоссальный кризис, прежде всего аграрный, гонит деревенское население и в Петербург. Сначала дворян: Родионы Раскольниковы и Настасья Филипповны еще недавно жили в своих имениях. А за барами ринулись в столицу и оставленные без хозяйского пригляда бывшие крепостные.

«Великие реформы» 1860-х обогатили немногих и не лучших. Материальное неравенство растет, капиталы утекают на Запад, большинство горожан превратились в люмпенов. И все это на фоне безудержного демонстративного потребления. Город классических ансамблей Карла Росси за несколько лет превращается в какой-то северный Константинополь.

Анна Ахматова:

«Торгуют кабаки, летят пролетки,
Пятиэтажные растут громады
В Гороховой, у Знаменья, под Смольным.
Везде танцклассы, вывески менял,
А рядом: "Henriette", "Basile", "Andre"
и пышные гроба: "Шумилов-старший".
<...>

Все разночинно, наспех, как-нибудь...

Отцы и деды непонятны. Земли
Заложены. И в Бадене – рулетка».

Петербург растет как на дрожжах. Численность населения за 65 лет возрастает в пять раз. И прежде всего за счет деревенских мужиков, выгнанных из деревни нуждой. Петербург Евгениев Онегиных и Макаров Дежушкиных все больше становится городом Ванек Жуковых. К началу XX века на

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
80 % – это город приезжих, на две трети – мужиков.
Численность населения Петербурга в 1865–1915 гг.

Городская инфраструктура решительно не подготовлена к такому бурному росту. Стоимость аренды жилья не по карману подавляющему большинству «питерщиков». Трамвай в городе появляется только в 1907 г. (уже есть в Жмеринке и Киеве), метро нет. Поэтому в Петербурге практически отсутствует так называемая «горизонтальная сегрегация», когда социальные классы разделены между разными районами. В городе существует вертикальная сегрегация. В одном и том же доме в лицевой части, на бельэтаже – барские квартиры, выше и ниже, в дворовых флигелях – своеобразные «номера», где жильцам сдаются комнаты. И, наконец, в подвалах и в задних комнатах трактиров, лавок, ремесленных мастерских вповалку спит по ночам «молчаливое большинство» – «питерщики».

Понятно, что такой социальный динамит рано или поздно должен был взорваться. И это случилось скорее поздно, чем рано по одной причине. Большинство «питерщиков» и в городе жили как в деревне. Земляческий принцип трудоустройства, проживания и общения, тесные непрерывающиеся связи с родной деревней создавали своеобразный купол, переходную зону. В столице, в конце концов, оседали наиболее успешные и приспособившиеся. Так было у ремесленников и торговцев.

Другое дело – промышленные рабочие. Они быстро переставали быть деревенскими и становились заводскими. Для них окружающий город, пахнувший кофе и хорошими духами, в гвардейских мундирах и нарядах по последней парижской моде оставался чужим и враждебным. Они его и разрушили.

Какие механизмы помогали или препятствовали превращению крестьян в петербуржцев? Как работал «социальный лифт» в стране, где статус в значительной степени определялся общественным положением? Как деревня вращалась в город? Этим вопросам и посвящена книга.

В главе 1 рассказывается о петербургских олигархах, частью вышедших из простонародья, а частью – из дворян, иностранцев, инородцев. Государство и бизнес – главные опасности и пределы роста в стране, где «булат» всегда побеждал «злато».

Глава 2 – о петербургских старообрядцах и единоверцах, выходцах из русских крестьян – относительно небольшой конфессиональной группе, занимавшей важное положение в столичном деловом мире.

Глава 3 – собственно о «питерщиках»: откуда они шли в Петербург, сколько их было, где они селились.

Глава 4 – крестьяне в петербургской торговле и трактирном промысле.

Глава 5 – крестьянско-земляческие ремесленные группы.

В главе 6 рассказывается об официальных земляческих обществах, представлявших в Петербурге интересы уроженцев различных губерний и уездов.

Наконец, глава 7 – о тех, для кого социализация в городе шла не через земляческие братства, а в заводских цехах. Промышленный пролетариат, социальный класс, взорвавший империю и Петербург.

Эта книга вышла из двух источников. Очерки о Василии Кокореве, Степане Овсянникове, братьях Елисеевых, Николае Путилове, семье Нобелей и Самуиле Полякове – переработанные сценарии телевизионного документального сериала «Булат и Злато», вышедшего на канале ТВЦ в 2005 году. Я работал над ним с моими соавторами – продюсером Александрой Матвеевой, редактором Риммой Круповой, режиссером Валерием Спириным и режиссером монтажа Еленой Копалкиной.

Вторая, основная часть – предмет долгих занятий автора. Частично результаты этих исследований были опубликованы в исторических сборниках «Невский Архив», «Английская набережная, 4» и в журнале «Неприкосновенный запас». В этой работе мне помогали мои ученики и соавторы Владимир Тарантаев и Алексей Хитров, которых я горячо благодарю.

Глава 1 Олигархи

Миллиардер из Солигалича

Знаменитый русский предприниматель Василий Александрович Кокорев родился в 1817 г. в Солигаличе – старинном городе на севере Костромской губернии. Местные жители называли свою родину «концом света». Здесь почтовый тракт упирался в тупик; дальше до Вологды шли непроходимые хвойные пуши. Герб Солигалича – три белые солонки на золотом поле – указывает на солеварение – промысел, дававший горожанам основной доход.

Все соляные источники города, к тому времени, впрочем, уже истощенные, принадлежали местным купцам Кокоревым. Отец Василия умер рано; с юности будущий миллионер вместе со своими дядьями управлял предприятием,

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org где работало около 100 человек.

Местный уезд богат дворянскими усадьбами, где собиралось разнообразное и просвещенное общество – Кавелины, Шиповы, Макаровы, Черевины. В помещичьих домах хранились прекрасные библиотеки, там звучала музыка, и все были в курсе последних столичных новостей. Молодой купчик – частый и желанный гость в усадебных гостиных. Завязавшиеся здесь знакомства пристрастили его к чтению, сделали светским человеком, снабдили обильными и разнообразными сведениями, а позднее существенно помогли в карьере.

Семейство Кокоревых принадлежало к одному из старообрядческих толков (направлений –

Ред.), поморцам – значительное преимущество для будущего предпринимателя. К началу прошлого века староверы контролировали торговлю хлебом и рыбой по Волге, хлопчатобумажную промышленность Москвы и Подмоскovie. Старообрядцами являлись миллионеры Морозовы, Рябушинские, Гучковы, Солдатенковы, Громы, Сапожниковы.

Василий Кокорев унаследовал деловую хватку своих единоверцев. Первым его деловым начинанием была попытка превратить едва сводивший концы с концами солеваренный завод в общероссийский курорт с минеральными источниками. Двадцатилетний Кокорев решил сделать Солигалич эдаким Баден-Баденом в костромских лесах. На его деньги была пробурена скважина, из которой забил минеральный источник. Открыли водолечебницу. Сам наследник, приехавший в Кострому, пожелал видеть двадцатилетнего купца. Сверстники встретились в 1837 г. – будущий царь-освободитель Александр II и его самый богатый (в дальнейшем) подданный. Но русская знать не пожелала лечиться в костромской глуши. Проект рухнул.

У Кокорева нет формального образования, капитала, он не дворянин и не чиновник. Купец в николаевской России – пария и фигура страдательная. В то время любой городничий мог послать держиморду и отобрать задаром любой приглянувшийся ему товар. Однако молодого Василия Александровича сжигало бешеное честолюбие, в его голове роились феерические проекты обогащения. Время романтическое, дух Бонапарта еще витает над Европой, в соседних имениях живут герои 1812 г., ставшие генералами в 30 лет; в его возрасте они входили в Париж [1].

Откупной служащий

Россия 1840-х годов – бедная страна. Содержать армию в 800 тысяч человек, мириады чиновников, блестящий двор, строить столицу, возводить храм Христа Спасителя – для этого нужно выжимать из многомиллионного крестьянства деньги, которые у самого многочисленного русского сословия не водились. Крестьяне покупали только два товара – соль и водку. С солью у Кокорева не вышло, и он решает заняться водкой. Кабацкая денга – доход от алкоголя – это почти половина государственного дохода того времени.

Как получить эти деньги в бюджет? Отдать торговлю частнику – будет утаивать доходы, подделывать акцизные марки. Сделать торговлю государственной? Красть станет чиновник.

Казна пошла по третьему пути: сдавала право продажи спиртного на откуп. Объявлялись торги, мы бы сейчас сказали – тендер, и тот, кто обещал больший доход, получал монопольное право торговать вином и водкой в определенной губернии. Все, что откупщик получал сверх обещанного государству, он оставлял себе. Откупщики – самые богатые купцы николаевской России.

На доходное место пристроиться трудно, но соседи-помещики знают Кокорева как честного и энергичного молодого человека. Один из них, Шипов, приглашает 24-летнего будущего миллионера стать его помощником по откупу.

Сами откупщики не могли доглядывать за каждым сидельцем в кабаке, каждым корчемным стражником (своего рода частная полиция по борьбе с незаконным винокурением и торговлей спиртным – Л. Л.), поэтому они действовали через управляющих. Таким управляющим и стал Василий Кокорев.

Служба требовала постоянных разъездов, приходилось вступать в деловые и неформальные отношения с сотнями лиц разных сословий и состояний, уметь отличить честного человека от вора, давать взятки, идти на компромиссы со служащими, чиновниками, собственной совестью. Молодой романтик с томиком Пушкина отправляется на Урал и погружается в чудовищный мир откупного дела.

«Русский человек пьет не желудком, а карманом», – говаривал Кокорев. Откупное дело хлопотное, требующее жесткости, практической сметки и умения ладить с местными властями. На подкуп губернских чиновников откупщики тратили в среднем в год до 20 тыс. рублей (жалованье губернатора в это время – от 3 до 6 тыс. в год), в маленьком городе поставляли в виде взяток до 800 ведер водки городничему, частным приставам и квартальным надзирателям (местной полиции). Иначе откупных денег не собрать.

«Питейные заведения в Великороссии отличаются безнравственным и неприличным характером, там находятся многочисленные семейства обоого пола

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org с малолетними детьми», – гласит официальный документ. Закуски не полагалось. Пили стоя. Повальное пьянство в некоторых губерниях приобрело характер эпидемии [2] .

Цена спиртного вздута неимоверно. Водку разбавляли, смешивали с суррогатами. Почти пятая часть заключенных в России сидели за корчемство – пивоварение, изготовление браги, медовухи, привоз водки из другой губернии. Взятки чиновникам, которые должны наблюдать за качеством спиртного и его ценой – повсеместны.

Служили по откупам отставные офицеры с испорченной репутацией. Вечно пьяные, они носились на тройках, загруженных алкоголем, по кабакам. Против воровства сидельцев – торговцев спиртным – откупные служащие применяли одно средство: битье нагайкой по лицу. Но сидельцы как воровали, так и продолжали воровать, а откупные деньги пропивались, проигрывались в карты, транжирились на псов и любовниц.

Кокорев проявил себя блестяще, преобразовал откупа в Оренбургской губернии, и вскоре стал поверенным богатейшего казанского откупщика полковника Лихачева, и привел в порядок откупа огромной и густонаселенной Казанской губернии. Он еще не стал самостоятельным откупщиком, но уже был лучшим управляющим России.

Для Кокорева спаивание народа – не особый грех. Пьянство – порок личный. Откуп приносит казне деньги, но надо стремиться к пристойным нравам. А воровать грешно.

В июле 1844 г. Кокорев подает записку министру финансов графу Вронченко, в которой предлагает способ резко поднять доход от продажи напитков [3] .

Водочный король

В 1844-м Кокореву 27 лет. В этом возрасте Пушкин написал «Бориса Годунова», Наполеон взял Тулон, Петр начал войну со шведами.

Огромная голова, мощный торс, копна русых волос, прирожденный лидер, блестящий рассказчик, кладезь сведений, историй, анекдотов, стихов – человек, рожденный для успеха и власти. Он мог поговорить и поладить и с томной светской дамой, и с сибирским каторжником-варнаком. На все у него свой взгляд. Он был, как сейчас говорят, креативен. Будь он дворянином, мог бы стать дипломатом, военачальником, министром, писателем. Но купец в России мог только делать деньги. Притом в России миллионерами не становятся, в России миллионеров назначают. Русские миллионеры рождались в провинции, а умирали в столицах.

Действительно, в классическом западном капитализме человек рассчитывает только на себя. У русской удачи три составляющих. Успех, особенно в сфере бизнеса, зависит от связей. Коммерческий гений умрет в нищете и безвестности, если нет тех, кто тянет его вверх, доверяет, покровительствует. Один в поле не воин. Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

Вторая составляющая успеха – талант, работоспособность, сметка, обаяние, ум, характер. Без них ни в России, ни в Америке деловая карьера невозможна.

Но все это пропадет втуне, если не поможет счастливый случай. Надо оказаться в нужный момент в нужном месте, привлечь внимание сильного покровителя. Деловой успех зависит от подписи нужного чиновника, стечения благоприятных обстоятельств, неожиданно возникших потребностей государства.

Кокорев посылает самому министру финансов графу Вронченко проект переустройства всей откупной системы. Министерство получало ежедневно множество прошений. Они терялись, пылились, их держали под сукном. Без взятки или рекомендации решение никакого вопроса не представлялось возможным. Кокорев заручился поддержкой земляка, казанского генерал-губернатора Шипова. Проект Кокорева Вронченко прочел и немедленно вызвал к себе автора.

Кокорев советует министру «придать торговле вином приманчивое увлекательное направление». Идеи его просты. Часть денег «остается не выбранной из капитала, обильно обращающегося в народе». Крестьянин может пить еще больше. На каждом углу должен стоять кабак, где самый бедный человек может потратить последнюю копейку. Чтобы избавиться от воровства сидельцев, Кокорев предлагает платить им больше, но за любую провинность выгонять.

Вронченко дает Кокореву шанс – ему отдают на откуп Орловскую губернию, прежде не приносившую казне дохода. Кокорев беззастенчиво увеличивает цену водки, открывает новые и новые кабаки. Худший сорт водки – сивуху – он продает по цене лучшей – пенника.

Качество кокоревской водки вошло в поговорку. «Кокоревской слезой» в народе называли самое отвратительное пойло. Кокорев покупал ведро водки на заводе за 40 копеек, а продавал его распивочно за 20 рублей. Тысячи

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org орловских крестьян томили в тюрьме по обвинению в корчемничестве. Мужики пропивались догола, оббивались до смерти.

Все орловское чиновничество получало от Кокорева регулярные взятки и бесплатно пило за его счет. В Петербурге смотрели на кокоревские безобразия сквозь пальцы: из Орловской губернии впервые за много лет в казну пошел доход.

Откупные служащие благословляли начальника: не дает в обиду, вежлив, рукоприкладство исчезло, все получают регулярное жалование и знают, старание и честность вознаградят дополнительно. Из 10 тысяч человек, в разное время служивших у Кокорева по откупам, ни один никогда на него не жаловался.

Кокореву предоставили в управление еще 23 убыточных откупа – от Оренбурга до Рязани и от Перми до Брянска. Систему его приняли – она стала законом.

Кокорев проявлял необычайное искусство при откупных торгах. Имея обширные связи, он знал, в какой губернии будут строить шоссе или железную дорогу, т. е. соберется много мужиков, получающих жалование, и кабаки будут переполнены. Договорившись с другими откупщиками, он устранял конкурентов и получал откуп в этих самых выгодных регионах.

Состояние его росло с феноменальной скоростью. К середине 1850-х годов оно исчислялось 30 миллионами рублей, весь бюджет России – 200 миллионов, командир гвардейского полка имел 2000 рублей в год. Кокорева называют «откупщицким царем». Он скупает каменные дома в Москве и Петербурге, дворянские имения. Большой успех для молодого купца невозможен.

Но ему мало быть самым богатым в России. Он хочет преобразовывать, он выламывается из своего класса. Его мнение стремятся узнать и шеф жандармов граф Орлов, и главноуправляющий Кавказом граф Воронцов, и победитель горцев фельдмаршал Барятинский. Но большинство советов остаются втуне. Решает не он. Ему не быть ни министром, ни фельдмаршалом. Выше себя не прыгнуть.

Герой перестройки

И тут декорации меняются. Николай I умирает посередине несчастной для России Крымской войны. На престол вступает старый знакомец и сверстник Кокорева – Александр II. Начинаются долгожданные реформы. Провозглашена гласность. Пресса ополчается на откупщиков.

Слово «откупщик» – ругательство, народ отказывается пить разбавленную сивуху, громит кабаки. К делу перестройки общественного строя с высоты трона зовут всех – дворян, купцов, крестьян. Перед Василием Александровичем открываются необычайные перспективы: никакой торговли водкой – он вступает на общественное поприще.

В феврале 1856 г. Кокорев совершает поступок неслыханный в России. Он решает организовать торжественную встречу в Москве героев обороны Севастополя. Впервые частное лицо за свой счет организует политическое событие. Василий Александрович привозит из Петербурга 80 морских офицеров, 400 матросов пришли пешком из Николаева.

Современник вспоминал: «Он встретил морские экипажи за заставой, одетый в русскую шубу и бобровую шапку, поднес морякам хлеб-соль на серебряном блюде, повалился на ноги, благодарил за славные подвиги». Десять дней поил и каждому офицеру дал 400 рублей серебром.

Тосты, произнесенные Кокоревым, издали отдельными брошюрами: «Севастополя не стало, нам нужен другой Севастополь, который никто не одолеет, – Севастополь любви и истины, где все старались бы действовать на всех поприщах жизни с таким же чувством самопожертвования в борьбе с ложью и невежеством, как действовали защитники Севастополя».

Кокорев красноречив, умет высучить, уломать, убедить, понравиться. На очередь встают освобождение крестьян от крепостной зависимости, отмена откупной системы. Василий Александрович печатает множество статей; в частности, проект выкупа крестьян на волю с помощью купеческого капитала. А за откупы постоянно в печати и устно кается.

Он открывает в Москве первую общедоступную картинную галерею, создает «Хранилище русского рукоделия» – постоянную выставку изделий крестьянских народных промыслов. Он становится покровителем специального патриотического русского стиля в искусстве. На столе у Кокорева стоит золотая чернильница в виде мужицкого лаптя [4].

Он благодетельствовал или попытался благодетельствовать каждую отечественную знаменитость. И слава о нем пошла по всей России.

Историк Константин Кавелин: «Вот человек, рожденный оратором! У него есть мысли, от которых не отказались бы и древние». Профессор Михаил Погодин: «...русский купец Василий Кокорев, которого имя сделалось у нас народным, и пронеслось теперь по всей стране». Поэт Николай Струговщиков: «Кокорев – величайший гений русской земли». Писатель Сергей Аксаков: «Это русское чудо» [5].

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org

В глухих деревнях о Василии Александровиче толковали крестьяне: «Василий Александрович Кокорев выкупил всех помещичьих крестьян Московской губернии и отдал деньги государю, потому что он, не имея денег, не мог это сделать; потом купцы делали по этому случаю обеды, на которых пили за здоровье государя и крестьян; а когда дворяне предложили, чтобы выпили за их здоровье, то купцы отказались, говоря: если бы вы отпустили крестьян даром, тогда мы бы вас поблагодарили, а теперь не за что».

Но верили Кокореву далеко не все. Многие считали: он хитрит, ищет новых доходов, занимается саморекламой. Севастопольские офицеры, облагодетельствованные Кокоревым, чувствовали неловкость и говорили, что их возят и показывают по Москве, как зверей. Грубый Щедрин называл Кокорева «князь Полугаров» и «Васька Поротое Ухо – сиделец кабака, заслуживший репутацию балагура» и утверждал, что все его разнообразные идеи – «проекты об эксплуатации собачьего помета». Некрасов вывел Кокорева в поэме «Современники» под именем Саввы Антихристова, Добролюбов написал о нем статью «Опыт отучения людей от пищи» [6].

Итак, как публичный политик он, скорее, потерпел поражение. В России не любят, когда слишком много болтают. А властных полномочий ему никто не собирався давать. Необходимо было искать новое приложение своих сил.

Купец в эпоху концессий

При Александре II в кратчайшие сроки делались огромные состояния. Прежде дворяне считали зазорным заниматься бизнесом, выходцы из первенствующего сословия служили государю на бранном поле или, на худой случай, в канцелярии. Теперь правоведа, путейцы, лицеисты – выпускники привилегированных дворянских учебных заведений ринулись в учредительство, прежде всего железнодорожное. У них множество связей в министерствах и при дворе. Они знали, как написать устав акционерного общества, как подать жалобу в суд, они были близки к молодым реформаторам из окружения императора. На рынке стали активно действовать иностранцы.

В результате дельцы николаевского времени, в том числе и Кокорев, оказались в дураках. Большинство бывших откупщиков разорилось, часть отошла от дел.

Но Василий Александрович не сдаётся. Он строит железные дороги, торгует битой птицей, разводит племенной скот, возводит оптовые склады, сдает дачные участки, занимается страховым делом, покупает и продает пароходства. Он создает Общество Волго-Донской железной дороги, Закаспийское торговое товарищество, Северное страховое общество, Российское общество пароходства и торговли, Общество пароходства «Кавказ и Меркурий», солеваренный завод в Соликамской, эксплуатирует золотые копи в Сибири, основывает Северное телеграфное агентство, Горно-Уральскую железную дорогу, Московский Купеческий банк. Но больше всего его занимала бакинская нефть.

В начале века крестьянин покупал соль и водку, к концу века стали покупать еще и керосин, который стал новым предметом массового спроса. Свечу и лучину заменяет керосиновая лампа.

Первую скважину пробурили американцы в Пенсильвании в 1859 г. В России Кокорев догадался, почувствовал раньше всех: на рынок пришел новый товар. В том же году Василий Александрович заложил керосиновый завод под Баку. Он нанял технического консультанта самого Дмитрия Менделеева, построил трубопровод, организовал перевозку керосина нефтеналивными судами.

В сущности, именно Менделеев и Кокорев придумали русскую нефтехимию. Дело требовало новых и новых вложений. Но русская таможенная политика строилась чудовищно глупо: американский керосин стоил дешевле бакинского. А когда появилась первая прибыль, появился сильный конкурент – компания Нобеля. Посеянное Кокоревым пожал алчный швед.

Новые затеи требовали огромных денег, которых в России чувствовался недостаток; они имелись или у иностранцев, или в казне. Василию Александровичу нет доступа ни в ложи Михайловского театра, ни в отдельные кабинеты ресторана «Донон». Там теперь решаются судьбы железнодорожных концессий и оборонных заказов. Старозаветное московское купечество тоже косится на Василия Александровича – слишком разбрасывается, суетится, стремится быть на виду.

И к концу 1860-х годов Кокорев – фактически банкрот. Ему 40. Его ожидают позор и долговая тюрьма.

Он должен казне огромную сумму. Ему отказывают в обещанных кредитах. Он продает за бесценок свою картинную галерею («Всадница» Брюллова, картины Айвазовского, Тропинина и пр.), расстается с паями и акциями большинства компаний.

Новый шанс

Грустный приходит Кокорев к своей старушке матери, проживавшей в Москве на покое. Матушка видит: сын в тоске-кручине, начинает расспрашивать: «Что да как?» Сын рассказывает: дело плохо. Матушка и

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org говорит: «А разбей, Васенька, мою копилку. Помнишь, ты мне все прежде к праздникам и к именинам деньги присылал. Так я их не тратила, а в копилку складывала». Как ни сопротивлялся коммерции советник, разбила матушка копилку, и оказалось там 75 тысяч рублей. Кокорев добавил из своих, внес пай и его избрали в 1870 г. председателем правления нового Волжско-Камского банка. И тут, наконец, ему улыбнулась удача. Он снова оказался на плаву.

Волжско-Камский банк – совершенно новый для России тип кредитного учреждения. Он не вкладывался в ГКО (государственные краткосрочные облигации, памятные нам по 1990-м – Л. Л.), не спекулировал иностранной валютой, не занимался размещением портфельных инвестиций. Он строился на прочной купеческой основе. Главной торговой артерией России издавна служила Волга и ее притоки, по ним шли грузы в столицу и на экспорт. Главным русским товаром становился хлеб. Нужда в кредите огромная. Помещики брали деньги под урожай, купцы – под будущие сделки, судовладельцы – под фрахт...

А банков не было, деньги давали под честное слово. Волжско-Камский банк перевел всю систему частного кредита на цивилизованную основу. Его конторы открылись на главных пристанях, он быстро стал крупнейшим коммерческим банком страны и оставался им до революции [7].

Между тем, неудачная для Кокорева эпоха реформ заканчивается. В воскресенье 1 марта 1881 г. народоволец Гриневицкий смертельно ранил себя и императора Александра II. Мало кто оплакивал Царя-Освободителя. Итоги реформ неутешительны. И крестьяне, и помещики разорены. Деньги, полученные за освобождение крестьян, потрачены дворянами в парижских кафешантанах, за рулеткой Монте-Карло, хранятся в иностранных банках.

В результате реформ выиграли немногие и не лучшие. Коррупция пронизала двор и высшее чиновничество.

Новый император Александр III обещает навести в стране порядок. Среди тех, кто больше всего приветствует смену власти – Василий Кокорев.

Ему казалось, что все его прошлые неприятности в делах связаны именно с неудачными реформами. Молодых реформаторов 1860-х он называл «они» – «те народопочитатели, которые устраивают Россию по иностранным сочинениям и по своим личным соображениям, не простирающимся далее этажей Невского проспекта», те, кем «руководило желание изобразить из себя единственных и необходимых людей, знающих какую-то финансовую науку, которую якобы никто кроме них не знает. В деле финансовом мы пали духом и, наконец, до того приубожились, что во всех действиях наших выражается лишь одно рабоподражательное снятие копий с европейских финансовых систем и порядков» [8].

Мысли Кокорева – защита отечественного товаропроизводителя от иностранной конкуренции, активное вмешательство государства в железнодорожное строительство, дешевый кредит для помещиков – реализуют новые министры финансов Остроградский и Витте.

Но самому Кокореву уже не удалось воспользоваться итогами изоляционистского реванша. 23 апреля 1889 г. он умер, и его единоверцы, поморы, выделявшиеся на фоне столичной толпы необычными старорусскими одеяниями, вынесли из роскошного особняка на полотенцах дубовый гроб, долбленный, без единого гвоздя, и на руках донесли до Малой Охты. Семейное захоронение Кокоревых до сих пор сохранилось в восточном углу Малоохтинского кладбища.

Некрологи были немногочисленны и немногословны. Сын предпринимательство бросил, стал дворянином, служил в гвардии. Дочь вышла замуж за крупного чиновника. И только вдова вплоть до смерти сохраняла память о муже – давала огромные деньги петербургской поморской общине [9]. Сегодня имя Василия Кокорева помнят только историки.

Между тем, Василий Кокорев – настоящий русский гений. Время то улыбалось ему, то обходилось жестоко. Но он не изменил себе, не разорился, не сдался. Ему принадлежало множество новаторских деловых начинаний. Он создал десятки тысяч рабочих мест. Был предприимчив и деловит, как любой «титан» Драйзера. Родись в Америке, кончил бы великим капитаном индустрии. В России его смерть почти никто не заметил. Остались нефтепромыслы Баку, церкви, приюты, дома, железные дороги, крупнейший в стране частный банк.

колониальщики [10]

Немногие магазины сохранили в советское время память об именах прежних владельцев. Но и в Ленинграде, и в Москве гастрономы на Невском и

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org улице Горького по традиции называли «Елисеевскими». И хотя ассортимент их к началу 1980-х годов мало отличался от других продмагов с их тремя сортами колбасы и двумя – сыра, а жители уже не могли помнить, чем здесь торговали до 1917 г., память о бывших хозяевах странным образом держалась.

В Ленинграде «Елисеевский» (переименованный в «Центральный гастроном») долго находился на ремонте, а когда наконец открылся, произошел скандал: посетители утверждали, что за время реконструкции исчезла роскошная люстра, висевшая в центре главного торгового зала. Как ни доказывали историки, что люстры никакой с роду не водилось, что это какой-то оптический обман, она таилась в общественном бессознательном как признак богатства и изысканности.

И действительно, для императорской России и для ее блистательной столицы «Торговый дом братья Елисеевы» – эксклюзивен.

В 1813 г., через год после изгнания Наполеона из России, «казенный поселянин» деревни Новоселки Ярославской губернии Петр Елисеев открыл в доме Котомина на углу Невского и Мойки торговлю вином и колониальными товарами. Откуда у Петра Елисеева нашлись средства для аренды лавки в одном из самых фешенебельных кварталов города – история умалчивает. Но думается, что его не миновала участь большинства «питерщиков» – мужиков, находивших заработок в Петербурге. Судьба этих безымянных деревенских мальчишек хорошо нам известна по чеховскому «Ваньке Жукову».

В 12 лет Петра Елисеева с оказией отправили в столицу к земляку. Здесь он стал «мальчиком» в лавке – прислужгой за всеми: убирал, бегал на посылках, нянчил хозяйских детей, ходил по воду, ставил самовар. Жил в хозяйской квартире вместе с приказчиками, работал за харчи.

Лавки открывались обычно на рассвете, закрывались поздним вечером. Зимой их не отапливали. Выходных в году четыре: Пасха, Троица, Рождество, Прощеное воскресенье. Чтобы выжить и выдержать, надобно обладать недюжинным здоровьем и терпением.

Закончил многолетнее ученичество, получил от хозяина первую получку, сапоги, городскую одежду и с подарками родне отправился на короткую побывку в родную деревню Новоселки. Одарил родных, стал первым женихом на деревне. Деньги в деревне редки и особенно дороги – можно заплатить подати, поправить хозяйство.

Петербург пушкинского времени – город, тон в котором задают гвардия и двор. Петербургские дворяне – русские европейцы – одеваются по последней парижской моде, чередуют русский с французским, пьют заморские вина и потребляют самые изысканные кушанья из-за границы. Даже декабристы в «Евгении Онегине» ведут свои разговоры «между лафитом и клико», т. е. за обедом. Из русских продуктов на обеденном столе рыбные, мясные и овощные блюда; из-за границы везли в Петербург цитрусовые, виноград, ананасы, сыры, паштеты, копчения, колбасы, устрицы.

Не случайно образец шика для Хлестакова – «суп в кастрюльке», который «прямо на пароходе приехал из Парижа: откроют крышку – пар, которому подобного нельзя отыскать в природе».

Экономить на столе считается мещанством, повара – французы (или обученные ими крепостные), также и рестораторы. К каждому блюду подавали особое вино, и нарушить этот раз и навсегда заведенный порядок считалось в высшем кругу просто неприличным. Херес подают к супу; белые французские столовые вина – к рыбе; к главному мясному блюду – красные вина; к ростбифу – портвейн; к индейке – сотерн; к телятине – шабли. К жаркому идут малага или мускат. Ну, и, наконец, шампанское, полагавшееся по любому торжественному поводу. Лавки, торговавшие деликатесами и винами, назывались «Магазинами колониальных товаров»: в одной из них и стал приказчиком Петр Елисеев.

Приказчик должен уметь завлечь покупателя, не дать ему уйти с пустыми руками. Постоянные посетители могли рассчитывать на кредит. «Не обманешь – не продашь», – гласит русская поговорка. Конечно, приказчики торговались до хрипоты, обмеривали, обвешивали. Обычно товары покупали не сами хозяева, а повара и буфетчики. Вместе с приказчиками и лавочниками они обсчитывали легкомысленных бар – те переплачивали за товар – а выручку делили. Но во всем должна быть мера. Солидные покупатели, обнаружив обман, могли уйти к конкуренту. В колониальной торговле, рассчитанной на прихотливого и обеспеченного покупателя, требовалась особая квалификация.

Современник вспоминал: «То и дело один из приказчиков ныряет в святую святых и является оттуда с лежащим на кончике ножа тонким, как лепесток, куском дивного слезоточивого швейцарского сыра, или с ломтиком божественной салфеточной икры, или с образчиком розовой семги. Приносятся и черные миноги, и соленые грибки, а в рождественские дни... крендели, румяные яблочки. Всякую вещь приказчик старался охарактеризовать с тонкостью, с вежливой строгостью отрекомендовать».

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org

От подручного к младшему, потом к старшему приказчику и, наконец, доверенному, заключавшему от имени хозяина сделки – путь, пройденный Петром Елисеевым. Обманывать хозяина нельзя. Раз пойманный за руку вор отправлялся не солоно хлебавши в деревню. Все ярославцы-хозяева прекрасно знают друг друга, и провинившийся равен прокаженному. Его никто на работу не наймет.

Хозяин играет по отношению к своим «молодцам» роль строгого, но справедливого отца. Жили приказчики в отдельной квартире под присмотром старшего приказчика. После пасхальной заутренней разговлялись все вместе дома у хозяина. Приказчикам лавочник жаловал по пятерке, мальчикам – по двугривенному.

Пройти путь от мальчика до доверенного приказчика доводилось немногим. Доверенный – менеджер по продажам, как сказали бы сейчас. Он вел переговоры с поставщиками, разбирался в сортах и цене вин, брал и давал под честное слово товар на тысячи рублей. Такой приказчик мог рассчитывать и на хорошее жалование, и на кредит от земляков для открытия собственного дела, за таких часто выдавали замуж купеческих дочерей с хорошим приданым. Приданое и составило первоначальный капитал Петра Елисеева – он женился на ярославке, уроженке Ростовского уезда Анне Гавриловне, дочери содержателя зеленой торговли.

Петр Елисеев затевает собственное дело: открывает магазин на Невском, затем еще один на Васильевском острове, арендует склады для импортных товаров рядом с портовой таможней, переходит в купеческое сословие. Умирая в 1825 г., основатель династии оставил вдове и троим сыновьям процветающую виноторговлю.

После смерти Петра Елисеева два десятка лет торговое предприятие возглавляла его вдова, а затем вплоть до конца XIX века – сыновья основателя: Сергей, Степан и Григорий.

С 1842 г. Елисеевы обладали собственным торговым флотом: вначале три парусника, а затем и пароход «Александр I». Начало навигации означало для петербургских гурманов привоз остепенских устриц к Елисееву, и они со страстью поглощали их в его магазине у таможни.

Елисеевы купили винные подвалы на острове Мадейра (где производилась мадера), в португальском Оporto (родина портвейна) и в Бордо. В Петербурге доставленные из-за границы вина разливались (по 15 тысяч бутылок в день) в огромных принадлежавших Елисеевым подвалах на Васильевском острове.

Елисеевские вина, в особенности шампанское и Токай, вытеснили конкурентов в городе и при дворе. Братья начали ввозить в Россию и другие импортные продукты – прованское масло, сыр, табак, кофе, чай. К концу века через их фирму в Россию доставлялась четверть всех иностранных вин (120 тыс. ведер в год), 15 % сыра, 14 % прованского масла.

Никто из второго поколения Елисеевых не получил формального образования. Между тем, им приходилось вести конкурентную борьбу с английскими и немецкими негодьями, проводить переговоры с капитанами кораблей, покупать недвижимость за границей и заключать сделки с представителями чуть ли ни всех европейских народов. Выручала, видимо, природная сметка и мощные связи в петербургском купеческом мире. Елисеевы много благотворительствовали, строили церкви и богадельни.

Получив максимально возможные для русских купцов почести – звания коммерции советников и поставщиков императорского двора, они и не пытались переменить участь, войти в высший свет. Им было чем гордиться. А вот их сыновья и внуки, которые пришли на все готовое, думали по-другому.

Купец в России, особенно в Петербурге, по своему общественному положению уступал и дворянину, и человеку свободной профессии – интеллигенту.

Гоголевский городничий не случайно называл купцов «самоварниками», «аршинниками», «протобестиями» и даже «надувалами морскими». С предпринимателями чиновники встречались в служебных кабинетах, но невозможно представить себе купеческое семейство на дворянском балу.

Купеческий сын не мог поступить в лицей или Пажеский корпус. Гвардейский офицер, женившийся на купчихе, обязан был выйти из полка.

У Островского не имеющий и копейки за душой гусар говорит влюбленной в него купеческой дочери: «Кому нужно даром-то вас брать! Можно было, я думаю, догадаться, не маленькая! <...> Видимое дело, что человеку деньги нужны, коли он на купчихе хочет жениться!»

Когда Александр II во время коронации посетил Москву, купечество устроило ему торжественный обед в Манеже. Потратили огромные суммы, так что пир был верхом совершенства по убранству и кулинарному искусству. Почтенные миллионеры-купцы с трепетом ожидали приезда государя, стоя на пороге Манежа с хлебом-солью. Незадолго до прибытия императора к Манежу подъехал генерал-губернатор граф Арсений Закревский. Граф спрашивает купцов:

– Вы зачем здесь?

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
– Как же-с, ваше сиятельство! Даем обед государю, желаем поднести хлеб и соль нашему дорогому гостю.

– Ах, вы, мужичье! Пошли вон отсюда! – закричал граф. – Без вас это будет сделано!

Так и не удалось купцам побывать на обеде с государем, ими же оплаченным.

Со времен французской революции господин Бонасье чувствовал себя равным господину д'Артаньяну. В Российской империи Шереметевы, Нарышкины, Палены пренебрегали Морозовыми, Гучковыми и Рябушинскими. Мужик для них мужиком оставался навсегда.

Богатство Елисеевых вызывало при дворе иронию, смешанную, должно быть, с завистью. Когда фрейлины злословили о фаворитке Александра II Екатерине Долгорукой, которую государь поселил прямо в Зимнем дворце над покоями умиравшей императрицы, то говорили, что у нее вкус, как у мадам Елисеевой, то есть пошлый, склонный к вульгарной роскоши.

Отсюда непрочность русских купеческих династий; потомки пытались переменить участь, уйти из мира своих отцов и дедов. Среди купечества начало развиваться чиновесие – стремление во что бы то ни стало стать дворянами. Добивались этого обширными жертвованиями и связями с нужными людьми.

Третье поколение Елисеевых уже было похоже скорее не на ловких ярославских торговых мужиков, а на петербургских чиновников. К торговле колониальными товарами добавилось руководство банками и страховыми компаниями, государственная служба, заседания в многочисленных важных комитетах.

Внук Петра Елисеева Александр Григорьевич дослужился до звания тайного советника (выше только действительный тайный и канцлер); Григорий Григорьевич (ему отошло руководство елисеевской торговлей) и Петр Степанович стали статскими советниками. Все они получили вожделенное дворянство.

Пока русский правящий класс считал хлебосольство необходимой чертой человека из общества, торговый дом мог рассчитывать на постоянное увеличение своих оборотов.

В Петербурге люди «хорошего тона» вообще покупали только в определенных магазинах: деликатесы не от Елисеевых могли скомпрометировать. На такого господина начинали коситься, он выпадал из круга.

«Кирасир его величества не боится вин количества, – наставлял старый служака юного гвардейского корнета князя Трубецкого. – Пей в своей жизни только Moët, только Sec и только Cordon Vert – всегда будешь в порядке. Об одном умоляю: никогда не пей никаких demi-sec (полусухое вино)! Верь мне, князь, всякий demi-sec, во-первых, блевантин, а во-вторых, такое же хамство, как и пристежные манжеты или путешествие во втором классе».

Визитной карточкой елисеевской торговли становятся новые магазины в Москве и Петербурге.

О московском магазине тогдашние газеты рассказывали чудеса: «Индийская пагода воздвигается, мавританский замок, языческий храм Бахуса». Золото и лепные украшения интерьера, огромные английские часы, шедшие совершенно бесшумно. Открытие магазина на Тверской в 1901 г. стало настоящим событием – военное начальство, штатские генералы в белых штанах, духовенство в дорогих лиловых рясах.

7 сентября 1903 г. был освящен не менее роскошный магазин в Петербурге, на Невском – настоящий дворец, палатцо: зеркала, красное дерево, ярко начищенная медь, на втором этаже ресторан и театральный зал.

Покупать деликатесы у Елисеевых аристократы считали не только приличным, но и обязательным, но над вкусами «сарафанных дворян» продолжали посмеиваться. Они заседали в комиссиях, но их не звали в гости. У них брали товары в кредит, но породниться с купцами... об этом не может быть и речи.

«Петербургский листок» о бале у Елисеевых: «Дамы, как подобает богато петербургскому купечеству, щегольнули роскошными платьями. Одна из присутствующих дам явилась даже в корсаже, сплошь сделанном из бриллиантов. Ценность этого корсажа по расчетам одного из присутствующих равняется ценности целой приволжской губернии».

«Во время котильона всем гостям розданы очень ценные сюрпризы: дамам – золотые браслеты, усыпанные камнями (причем блондинки получали браслеты с сапфирами, брюнетки же с рубинами. Кавалерам раздавали золотые брелоки с надписью».

У американцев есть такой термин «old money» [старые деньги – англ.]. Он означает капиталы, переходящие от поколения к поколению и делающие их обладателей представителями своеобразной финансовой аристократии – Дюпоны, Кеннеди, Рокфеллеры, Вандербильды. Продолжать дело прадеда не только выгодно, но и престижно. Что же в России?

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org

В 1913 г. торжественно отмечали 100-летие Торгового дома Елисеевых. Выяснилось, что за 15 лет (с 1898 г.) Елисеевы заплатили государству 12,5 миллионов рублей налогов и таможенных пошлин. Казалось бы, такое торжество, но в зале Благородного собрания ни государя, ни великих князей, ни премьера, ни министров не дождалось. Явились только постоянные клиенты – пара адмиралов, несколько командиров гвардейских полков. Российскому благородному дворянству не с руки брататься с купечеством.

В Петербурге только два рода, Лейкины и Меншуткины, продержались в купеческом сословии более века, да и то к тому времени Меншуткин стал академиком-химиком, а Лейкин знаменитым писателем-юмористом. Даже московские текстильные короли, больше других гордившиеся своими купеческими корнями, перед революцией почти все одворянились. Дела переходили к приказчикам, а потомки создателей торгово-промышленных империй становились профессорами, гвардейцами, чиновниками, коллекционировали живопись, чурались фабричных цехов, амбаров, лавок.

Елисеевские правнуки не желали торговать. Дело уходило в чужие руки. Григорий Елисеев поступил в Военномедицинскую академию, Сергей окончил Берлинский, а затем Токийский университеты, Николай стал адвокатом, Александр – геологом.

Дольше всех продолжал заниматься делом предков Григорий Григорьевич, но в 1914 г. 60-летнему кавалеру Ордена Почетного легиона ударил бес в ребро. Он и раньше был подвержен чарам актрис и шантаных певиц; это, впрочем, в купеческой среде считалось делом более или менее обычным. Но перед самым началом Первой мировой войны владелец елисеевских магазинов заявил своей жене, урожденной Дурдиной, дочери знаменитого пивовара, с которой он жил 30 лет и имел 9 детей, что полюбил другую, разведенную ювелиршу Васильеву.

Григорий Григорьевич Елисеев попросил у жены развода – явление в купеческой семье прежде немыслимое. Та отказала, и Елисеев ушел к любовнице. Покинутая жена повесилась. Через три недели Елисеев обвенчался со своей любовницей в провинции и навсегда уехал в Париж. Сыновья, похоронив мать, публично отказались от наследства. Елисеевское дело закрылось.

Экономика страны сильна тогда и только тогда, когда предпринимательство пользуется общественным уважением. Первыми богатеют люди талантливые, энергичные, пробившиеся из низов. Им часто не хватает образования, они неотесанны, грубы и жестоки. Каждое следующее поколение в деловом клане становится более цивилизованным, образованным, лощеным. Сомнительные новые деньги превращаются в престижные и почтенные старые. Если же этот процесс постоянно прерывается, образ предпринимательства определяется первопроходцами-грубиянами, престиж которых в обществе не слишком высок. Так случилось в дореволюционной России.

По прозвищу «СТО»

От трудов праведных не наживешь палат каменных. Стремительное восхождение от нищеты к богатству редко удается людям добродетельным. «Собственность есть кража», – провозгласил француз Прудон. Крупнейшие мировые состояния выросли из пиратства, работоторговли, прямого разбоя. Русские купцы – не исключение.

2 апреля 1875 г. в 5 часов утра загорелась паровая мельница Фейгина, находившаяся в Петербурге на Обводном канале, напротив Варшавского вокзала. Огромная, самая большая в России четырехэтажная мельница была объята пламенем от подвалов до чердака. К ней неслись пожарные части со всех концов города. Но их старания были тщетны. Пожар продолжался двенадцать часов, мельница сгорела полностью [11].

Мимо пожарища проезжал министр юстиции граф Пален. Его поразила грандиозность бедствия; прибыв в свой рабочий кабинет, он вызвал прокурора петербургского окружного суда Анатолия Федоровича Кони, знаменитого своей беспристрастностью. «Не знаете ли вы что-нибудь о причинах пожара огромной паровой мельницы? – спросил министр. – Возьмите это дело под собственный контроль, оно наверняка заинтересует государя».

Предварительные сведения, собранные Кони, указывали на возможный поджог. В уничтожении мельницы был заинтересован ее арендатор – коммерции советник, первой гильдии купец, хлебный король Петербурга, владелец состояния в 18 миллионов рублей Степан Тарасович Овсянников [12].

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
Имя Овсянникова в хлебном мире произносить вслух опасались. Говорили «СТО» – по первым буквам имени, отчества и фамилии. Это был человек страшный.

В селе Кавернино, что в Костромской губернии, мужиков из семейства Овсянниковых звали горланами. Взбалмошные драчуны, они вечно ссорились с односельчанами и, в конце концов, отселились на отдельный хутор.

Летом кавернинские крестьяне бурлачили на Волге. Степан Овсянников не был исключением. Огромный, обладавший чудовищной физической силой, он быстро выделился в своей бурлацкой артели.

Костромские бурлаки прозывались томойками. Они через слово приговаривали: то мой (братец-то мой, сердечный-то мой) – отсюда и прозвище. Томойки, в отличие от ягуток (те шли на Волгу с Цны и Оки) и бурлаков-татар, считались робкими и послушными. Но грубый и буйный Овсянников бивал в кулачных боях и нижегородских крючников, и татар, и ягуток. Он не боялся и страшных жигулевских разбойников, грабивших караваны.

К тому же был он грамотен, за словом в карман не лез, к пьянству был равнодушен. Быстро стал он коренным, кадровым бурлаком, потом шишкой – передовым в лямке, а потом и дядей – главным в артели. Несколько лет таянул по две большие путины – водил баржи от Самары до Рыбинска, пока не попал с хлебным караваном в столицу.

Петербург был самым большим речным и морским портом России. Сюда по трем системам каналов – Мариинской, Тихвинской, Вышневолоцкой – тянулись грузы с бассейна Волги, прежде всего зерно и мука.

По дороге от поля до столичных пристаней стоимость зерна возрастала раза в четыре. От волжского хлебного пути питались миллионы работников – крестьяне-землепашцы, мельники, плотники, бурлаки, коноводы, крючники, капитаны, лоцманы, крестьяне, делавшие рогожные кули, матросы, кабатчики и лавочки волжских пристаней, рабочие шлюзов. Но больше всех наживали хлеботорговцы, с каждым годом их барыш увеличивался.

Овсянников осел в Петербурге за сорок лет до пожара на мельнице Фейгина. На Волге только появлялись первые пароходы, еще достраивалась Мариинская система через Онегу и Ладогу, русское зерно только начало вывозиться за границу, но на Калашниковской набережной – главной пристани и хлебной бирже столицы – уже заключались сделки на сотни тысяч рублей и делались целые состояния. К концу царствования Николая I бурлак превратился в первой гильдии купца, коммерции советника и кавалера.

Взятки в николаевской России брали повсеместно. Казнокрадство вошло в привычку. «Брать» стало синонимом слова «мздоимствовать». Главноуправляющий путями сообщения граф Клейнмихель украл деньги, предназначавшиеся на заказ мебели для сгоревшего Зимнего дворца. Директор канцелярии Комитета о раненых Политковский на глазах и при участии высших сановников прокутил все деньги своего комитета. Мелкие сенатские чиновники сплошь строили себе в столице каменные дома и за взятку были готовы и оправдать убийцу, и упечь на каторгу невинного. Но чемпионами в коррупции являлись интенданты, отвечавшие за снабжение армии продовольствием и обмундированием. В результате за 25 первых лет царствования Николая I от болезней умерло 40 % солдат русской армии – более миллиона человек (при этом военное министерство беззастенчиво врало императору, что улучшило довольствие солдат в девять раз). Степан Овсянников стал главным поставщиком муки для русской армии и флота.

После восшествия на престол Александра II новый военный министр Дмитрий Милютин, возмущенный произволом интендантов, принял решение: систему снабжения армии хлебом следует поменять. Прежде казне поставляли грубо помолотую, часто отсыревшую муку низшего сорта по цене лучшей. Навар делили интендант и купец. Купцом этим чаще всего бывал Степан Овсянников.

Милютин приказал, чтобы мука для войск Петербургского военного округа мололась на специальной паровой мельнице, где технология обеспечивала бы высокое качество. При этом цена муки рассчитывалась таким образом, что обсчитать военное ведомство стало практически невозможно. За дело взялся подрядчик Фейгин, который и построил мельницу на Обводном канале. Подряд уходил у Овсянникова из рук. Допустить этого он не мог [13].

Кони вызвал судебного следователя по особо важным делам – сурового и невозмутимого петербургского немца Книрима по прозвищу Длинный Фридрих. «Возьмитесь за это дело, Фридрих Вильгельмович, есть все основания считать *is fecit cui prodest* – сделал тот, кому выгодно. Особенно смущает поведение полиции, я получил от полицмейстера странное поспешное письмо: "Пожар – результат самовозгорания". Учтите это, дорогой Длинный Фридрих, и принимайтесь за дело, не боясь последствий».

Генерал-губернатору и Городской думе Овсянников был известен как щедрый благотворитель: на его деньги разбит сквер с фонтанами, получивший

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org официальное название Овсянниковского, он построил и содержал инвалидный дом своего имени. Интендантских чиновников Степан Тарасович держал на регулярном и большом жалованье. Особенно благополучно складывались его отношения с полицией.

Степана Тарасовича называли хлебным королем, и он действительно обладал в этой сфере огромной властью. Бывший бурлак при случае запросто вынимал из-за голенища сапога по три миллиона рублей. В Рождественской же части, где жил он с многочисленным семейством и приказчиками, где помещались овсянниковские амбары и овсянниковская пристань, он был, как говорится, и царь, и бог, и воинский начальник. Пристав (начальник местной полиции) Тарасов только в 1874 г. получил от него 12 тысяч рублей серебром – на эти деньги можно было бы содержать двух генерал-аншефов. Само здание Рождественской полицейской части построено было на деньги Овсянникова.

Поэтому до того, как за дело взялась петербургская прокуратура, Овсянников был неприкасаем для правоохранителей. Он собственноручно избивал до полусмерти не угодивших ему своих и чужих приказчиков, не платил долги, если не считал это нужным, торговать хлебом на пристани могли только те, кто относился к Степану Тарасовичу с надлежащим почтением – иначе им не давала жить полиция, или вдруг загорался амбар с мукой.

Он был миллионер и коммерции советник, но с подчиненными и домашними оставался бурлаком. В то время слово «бурлак» было синонимично «грубияну». Вспомним у Пушкина: «В сраженье трус, в трактире он – бурлак».

Овсянников не давал спуска и своим четырем уже взрослым сыновьям. За малейшую провинность он хватал их за волосы, таскал по полу, приподнимал избитого в воздух и швырял в угол, как котенка. «Пусть трепещут родителя», – говаривал он при этом. Роман Овсянников не выдержал постоянных издевательств и выстрелил в отца: «Я убью этого варвара; лучше жить в каторге, чем дома».

Степан Тарасович пятнадцать раз состоял под судом и всякий раз бывал оправдан. Если бы он захотел, дело сына тоже было бы замято. Но он потребовал для сына вечной каторги, а когда другой его сын Федор, подросток, пошел к Роману в тюрьму на свидание, Степан Тарасович избил его до потери сознания, и убил бы, наверное, если бы его уже бесчувственного не отняла жена.

5 апреля 1875 г. в палатку Овсянникова нагрянули следователи во главе с Кони и Книримом. Миллионер встретил их при полном параде: в генеральской шинели с орденom. Огромный старик, косая сажень в плечах, руки-лопаты, нос величиной с кочан цветной капусты. Очки его были подняты на лоб, а глазищи ходили кругом. Он бросал свирепые взгляды. Овсянников не ожидал ни обыска, ни тем более ареста, и не готовился к ним. Между тем, изъяты были любопытнейшие документы, например, список, озаглавленный «Опись экстренных» – отчет о взятках инженерам, писарям, казначеям интендантства, смотрителям магазинов (хлебных складов), вахтерам на сумму 41 460 руб. 26 коп. После допроса Овсянникова Кони принял решение арестовать подозреваемого, иначе при своих средствах и связях тот мог бы влиять на свидетелей и уничтожать улики. Миллионер был взбешен: «Да вы шутить что ли изволите? Меня под стражу? Первостатейного именитого купца под стражу? Нет, господа, руки коротки! Овсянникова! Восемнадцать миллионов капиталу! Под стражу! Нет, братцы, вам этого не видать!» В конце концов, он понял, что ареста не миновать, и смирился.

Но и под стражей Овсянников оставался крепким орешком для следствия. Свидетели на очных ставках, когда отвечали на его вопросы, кланялись и говорили: «Так точно, Ваше превосходительство». Управляющий мельницей купец Левтеев и сторож Рудометов, которые, по мнению Длинного Фридриха, собственно и осуществили поджог, признательных показаний не давали. Не было и прямых улик. В защиту Овсянникова выступили газеты, указывавшие на его многочисленные дары городу, его интересы отстаивали лучшие столичные адвокаты. «Получив гонорар неумеренный, восклицает присяжный поверенный: перед Вами стоит гражданин чище снега Альпийских вершин», – писал о таких адвокатах и таких клиентах Некрасов.

Кто знает, чем бы все это кончилось, если бы в осуществлении правосудия не были заинтересованы люди и учреждения, не менее влиятельные, чем Овсянников.

Как уже было сказано, первоначально паровой мельницей владел купец Фейгин. По условию договора тот, кто был хозяином мельницы, одновременно получал подряд на поставку ржаной муки войскам Петербургского военного округа сроком на девять лет. Подряд ушел к Фейгину, но на счастье Степана Тарасовича, тот оказался плохим коммерсантом. Овсянников опутал Фейгина долгами, тот разорился и передал подряд все тому же Степану Тарасовичу.

Однако до военных скоро дошли сведения, что Овсянников их обманывает. Рожь, купленную по дешевке, он продавал налево, а в армейские магазины

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org вместо высококачественной муки с паровой мельницы поставлял низкосортную, приобретенную на стороне за копейки. Министр Милютин, узнав об этом, решил больше с Овсянниковым дел не иметь. Кончится оговоренный сроком подряд – и шабаш.

Но у Фейгина был и еще один кредитор – самый большой в России коммерческий банк – Волжско-Камский. Поручителем перед банком выступал член его правления, знаменитый предприниматель, не уступавший Овсянникову ни в богатстве, ни во влиятельности – Василий Александрович Кокорев. В итоге Фейгин, Кокорев и Овсянников стали совладельцами мельницы, фактически же делами на ней заправлял Овсянников, а Кокорев был гарантом для военного министерства.

Но Овсянников решил облапошить и самого Василия Александровича Кокорева. У них было договорено, что он выкупит долю Фейгина за 700 тыс. рублей. Тогда Фейгин сможет отдать свой долг Кокореву и банку.

Аукцион по продаже доли Фейгина интригами Овсянникова был в последний момент назначен вместо двух часов дня на раннее утро. Кокорев любил поспать до полудня, без него все равно ничего не решалось. Но когда в тот день он приехал в аукционную камеру, оказалось, что торги прошли без него. Овсянников выставил себе фиктивных конкурентов и купил долю Фейгина за 100 тысяч. Когда же возмущенный Кокорев обратился за разъяснениями, Овсянников предложил ему триста вместо семисот и ни копейки больше.

Кокорев подал на Овсянникова в суд и опротестовал состоявшиеся торги – теперь у него появились все шансы лишить Степана Тарасовича мельницы, а значит, и подряда.

Человек старого закала, Овсянников не желал и не умел менять привычную сферу деятельности. Но время менялось, в министерствах сидели новые чиновники, на рынок выходили банки, судоходные компании, иностранцы.

Русское зерно завоевывало европейские рынки, оно становилось главным продуктом русского вывоза. В 1850-е годы, когда Овсянников стал миллионером, Россия вывозила в среднем 35 тыс. пудов пшеницы и 11 тыс. пудов ржи, в 1870-е пшеницы вывезли 100 тыс. пудов, а ржи – 68 тыс. Города Германии и Англии росли, им требовалось все больше и больше продовольствия, а аргентинское, американское, канадское зерно еще не вышло на европейский рынок. Для хлеботорговли наступало золотое время, но Овсянников не желал приспособляться – только зерно и только казне. Ему было уже 74, так он жил десятилетиями, в этом деле не знал соперников.

Он рассчитывал на то, что если мельницы не будет, военное министерство смирится с прежним качеством поставок – мукой, помолотой на других мельницах. Ее он сумеет купить по дешевке, а продать интендантству втридорога. Убытки же за мельницу ему заплатят страховые компании.

Кони и Книрим скрупулезно восстановили день за днем, минуту за минутой все, что происходило на мельнице Фейгина непосредственно перед пожаром. Незадолго до пожара Овсянников застраховал мельницу на значительную сумму. По приказу управляющего Левтеева работы на мельнице были остановлены. Хотя мука для войск еще не была заготовлена, зерно усиленно вывозили с мельницы. Из всех противопожарных резервуаров выпустили воду.

Весьма подозрительно было и поведение Овсянникова сразу после пожара. Николай Лесков, автор «Левши» и «Очарованного странника», в тот день 2 апреля находился у своего хорошего знакомого Василия Кокорева в его роскошном особняке на Английской набережной. Лесков рассказал следователям, что Овсянников приехал к Кокореву и, играя словами (была Масленица), сообщил, что они-де сегодня на мельнице блинцы пекли, да те подгорели. Он был при этом доволен и даже весел.

В конце ноября 1875 г. перед судом присяжных предстало трое обвиняемых – коммерции советник Овсянников, управляющий его мельницей второй гильдии купец Левтеев и сторож Рудометов. Зал окружного суда был переполнен: великие князья, министры, купечество, пресса, наконец, судебные психопатки – особая категория дам, не пропускавших ни одного громкого уголовного процесса. Многие, особенно из среды хлеботорговцев, были убеждены – Овсянников снова выйдет сухим из воды: «Он ведь у нас сотенный: всех судей продаст и выкупит». Немецкий юмористический журнал сообщал: «Из Петербурга пишут, что восемнадцатикратный миллионер Овсянников предстал перед судом. Непостижимо. Или у него вовсе нет восемнадцати миллионов, или на днях мы услышим, что семнадцатикратный миллионер Овсянников освобожден в зале суда».

Овсянников суда не боялся. Прямых улик против него не было. Ни Левтеев, ни Рудометов не дали о нем никаких показаний. Пятнадцатикратный опыт его общения с николаевским судом показывал: в России деньги сильнее правосудия. Но времена изменились. Введение гласного суда присяжных практически покончило с коррупцией в органах юстиции. Это прямо сказалось и

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org на деловой жизни страны.

При Николае прав был тот, кто обладал большими связями и деньгами. Правды было не найти. Предприниматели боялись давать деньги и товары в кредит. Новая система судопроизводства открыла дорогу бизнесу, банкам, акционерному учредительству. Овсянников зря не боялся суда.

Процесс собрал всех звезд тогдашней адвокатуры. Интересы страховщиков отстаивал самый знаменитый присяжный поверенный России Владимир Спасович. Он продемонстрировал присяжным заседателям огромный макет мельницы Фейгина и наглядно доказал: огонь появился почти одновременно в трех разных местах здания. Поджог налицо, поджечь мог только сторож Рудометов. Но он не смог бы сделать это без Левтеева, а тот, в свою очередь, – без прямых указаний Овсянникова. Когда же защитник миллионера возразил, что обвинение строит свои выводы на одних косвенных уликах, на чертах и черточках, Спасович ответил: «Н-да! Черты и черточки. Но ведь из них складываются очертания, а из очертаний буквы, а из букв слоги, а из слогов возникает слово, и это слово: поджог!» Также сложились улики и у присяжных. Овсянников был приговорен к пожизненной ссылке в Сибирь, Рудометов и Левтеев – к семи годам каторги каждый [14].

Степан Тарасович был потрясен. Он не мог понять, как случилось, что его, первостатейного купца, знаменитого на всю Россию, послали в Сибирь какие-то лавочники и чиновники, которых он не пустил бы и на порог своего палатца. Но правила жизни изменились. Не то чтобы в России перестали брать взятки или жульничать. Нет. Но прямая уголовщина, грубое, вызывающее и беззастенчивое попрание закона отныне не принималось обществом и государством. Федор Достоевский только суммировал общее мнение об Овсянникове, назвав его в «Дневнике писателя» развратным мужиком.

В Сибири Овсянников не стал другим. Всю дорогу в ссылку за ним следовал приказчик, подкупавший по пути тюремщиков и полицию. Только его помещали в камеру, как за ночь ее ремонтировали, откуда ни возмись появлялась мебель и чистейшее постельное белье. Переводили в другую – купечество добровольно ремонтировало всю тюрьму. Арестантский полушубок преобразился в енотовую шубу и бобровую шапку, арестантский обед оборачивался бульоном, курицей, икрой. Снимали зрителей тюрьмы, меняли охрану – не помогало ничего. Он по-прежнему внушал ужас, его боялись и стремились угодить.

Часть огромного состояния Овсянникова ушла кредиторам, другая досталась сыновьям. Забитые и запуганные с детства, они оказались никудышними купцами. Вначале долго судились из-за папашиного наследства, потом один за другим обанкротились. Старший Федор даже угодил за долги в тюрьму.

Император Александр III помиловал восьмидесятилетнего хлебного короля, принял его и выслушал странную просьбу: «Ваше величество, пошлите моих сыновей туда, где я был» (в Сибирь – л. л.). Государь рассмеялся и сказал: «Этого я сделать не могу». Все попытки Степана Тарасовича восстановить состояние и доброе имя ни к чему не привели. За год до смерти он уехал в родное Кавернино. Умер Овсянников в 91 год и был погребен на сельском погосте.

Тот мир, к которому принадлежал Овсянников, отходил в прошлое. Мир этот Добролюбов в своей знаменитой статье назвал «темным царством». Здесь правили самодуры, царил неприкрытый произвол, отсюда было не вырваться; один путь – с обрыва в Волгу. На смену самодуру, по существу уголовнику, шел новый купец – образованный, цивилизованный, старавшийся закон не нарушать.

Пиратство, работорговля, грабеж, обман лежали в основе состояний многих знаменитых династий промышленников и финансистов. Но время расставляет все на свои места. На смену авантюристам и разбойникам приходят их добропорядочные потомки, и то, что создано преступлением, начинает работать во славу прогресса. Так случилось и с капиталом Степана Овсянникова.

Из сыновей Овсянникова ничего не вышло. Но у него было четверо дочерей. В их воспитание он не вмешивался и вполне полагался на супругу. Дочери учились в пансионе. Правда, окончить курс он не дал ни одной, так как до этого выдавал их замуж. Приданого за каждой причиталось на 15 тысяч рублей, и такую же сумму он давал деньгами. В 1870 г. 50-летний глава клана московских текстильщиков Павел Михайлович Рябушинский приехал в Петербург сватать за брата Василия дочь Овсянникова Александру, но влюбился в нее сам, получил согласие и прожил с ней до самой смерти [15].

Внуки Овсянникова от Александры – братья Рябушинские – крупнейший политик, обещавший в 1917 г. удушить большевиков «костлявой рукой голода», декадент и покровитель искусств Николай, путешественник Федор, фронт и покоритель женщин Михаил, инженер Дмитрий, гласный московской думы

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
Владимир, собиратель крупнейшей коллекции русской иконописи Степан.

Сыном другой дочери, Анны, был московский антрепренер Незлобин; Елизавета и Надежда отданы были за братьев Кузнецовых, владельцев знаменитого фарфорового завода.

Отношение к купцу, буржую в России было скорее отрицательным. Когда в 1917 г. экспроприировали Рябушинских и Кузнецовых, они платили не столько за свои грехи, сколько за грехи предка. Овсянниковы – кулаки, мироеды, кровопийцы, те, кого Щедрин называл Колупаевыми и Разуваевыми – оставили о себе долгую и недобрую память.

Русский динамит [16]

1850 г. Деревянный дом с мезонином на окраинной стороне в столице России Петербурге. За столом четверо юношей и их отец. Это шведский предприниматель Эммануил Нобель и его сыновья – Роберт, Людвиг, Альфред, Эмиль. Они внимательно слушают господина в мундире, военного медика. Профессор химии Медико-хирургической академии Николай Зинин высоким, как говорят, бабьим голосом чрезвычайно четко и методично объясняет им свойства нитроглицерина – взрывчатого вещества, незадолго до этого синтезированного во Франции. Он кладет микроскопическую дозу нитроглицерина на маленькую наковальню и ударяет по ней маленьким молоточком. Раздается громкий хлопок. Все в восторге. Этот опыт, показанный семейству Нобелей, сделает Роберта и Людвига миллионерами, убьет Эмиля, приведет к изобретению Альфредом динамита. От этого опыта в конечном итоге пойдут знаменитые Нобелевские премии.

Петр Великий не только создал великую Россию, но и уничтожил великую Швецию. Держава, включавшая в себя в XVII веке всю Скандинавию, Карелию, Прибалтику, часть Германии, которую боялись и перед которой трепетали, постепенно теряла военное и экономическое значение. Самые способные и упорные из потомков викингов не находили себе применения на родине. В поисках счастья многие из них отправлялись к бывшим врагам – русским.

В 1837 г. в Петербург, спасаясь от долгов, приехал шведский инженер и изобретатель Эммануил Нобель. В Швеции много скал. При строительстве мостов и прокладке дорог взрывают породу. Эммануил изучил свойства взрывчатых веществ и изобрел морскую мину. В Швеции это изобретение было никому не нужно.

Петр открыл Россию для предприимчивых выходцев со всех концов света – социальное происхождение и размер кошелька не имели значения. Россия стала северным Эльдорадо. Неудачник на родине мог преуспеть в России за считанные годы. Ганноверские аристократы, недоучившиеся вестфальские студенты, младшие представители шотландских кланов, французские сержанты, крещеные португальские евреи, пленные шведские офицеры добивались, часто пешком или на перекладных, до Петербурга, чтобы, поправив дела, вернуться на родину или уже навсегда остаться в этой дикой, но богатой стране.

Здесь их удивляло все – гигантские расстояния, средневековый абсолютизм «ханов»-царей, богатство и расточительность местной знати, наконец, покорность и радушие народа. Сын немецкого крестьянина Генрих Шлиман приехал в Петербург без гроша. Уехал миллионером, продав русской армии под видом сапог тысячи картонных коробок на гигантскую сумму.

Но времена поменялись. Теперь Россия – сильная европейская держава, заинтересованная не в перекачати-поле, а в западных профессионалах – инженерах, банкирах, промышленниках. Теперь один за другим в Петербург приезжают эмиссары успешных западных коммерсантов – появляются Сименсы, представители Круппа, посланцы баронов Ротшильдов.

Но их отношение к России лучше всего видно из слов Вернера Сименса. «Да унд цурюк, – писал он брату в Берлин, – туда и обратно». Образованные немцы, англичане, шведы приезжали на короткий срок и немедленно возвращались домой, не понимая, как можно основательно делать бизнес в стране, где даже государь берет взятки.

1837 г. В России царствует Николай I. На суше его миллионной армии нет соперников. Главный противник – нация свободных мореплавателей, англичане. Российская инженерная мысль ищет оружие, которое не даст британскому флоту прорваться к столице империи. «Последний рыцарь Европы» не экономит на оружии, его двор осаждают безумные изобретатели со всех концов мира.

В 1840 г. пиротехническая мина нобеля была испытана в присутствии

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org брата императора – великого князя Михаила Павловича. Тот в восторге. Император повелел «выдать сему иностранцу одновременно двадцать пять тысяч рублей серебром в награду за сообщение нашему правительству секрета об изобретении им подводных мин». Нобель дал присягу «свои секреты никакой другой державе не передавать».

Он покупает в Петербурге завод, отдает долги своим кредиторам в Швеции, перевозит в Россию семью – жену и четырех сыновей. Во время Крымской войны 1853-1856 гг. мины Нобеля – длинные металлические сосуды, наполненные пироксилином – прикрыли Петербург от англо-французского флота. Одну мину англичане выловили, попытались разобрать, она взорвалась и убила матроса. Британский адмирал Непир доложил Адмиралтейству о «сильной защите подходов к Кронштадту адскими машинами». Отныне завод Нобеля не испытывал недостатка в военных заказах – пушки, машины, водяные системы, станки для кронштадтских мастерских.

Швеция держала нейтралитет, но реваншистские настроения там были сильны. Стокгольмские бурши распевали: «Эх, дойдем мы до Москвы, убьем русских, ай да мы». Король Швеции Оскар говорил: «Союзники лишь задели мизинец на ноге великана» (имея в виду Крым), «надо бы схватить его за горло!» (т. е. захватить Петербург). Но, в отличие от некоторых воинственных единоплеменников, Нобель оставался верен России. В Петербурге в его лояльности не сомневались.

Крымская война закончена, и в необъятной российской казне пусто. Покровитель Нобеля великий князь Михаил Николаевич, главный российский артиллерист, генерал-фельдцейхмейстер, честно признается Нобелю: заказов нет и не будет. Эмиля Эмильевича, как называли его в России, снова осаждают кредиторы, и он, забрав жену и двух младших сыновей, Эмиля и Альфреда, возвращается на родину.

Средний сын Людвиг пообвыкся и уезжать отказывается. К нему присоединяется старший из братьев – Роберт. Легкомысленный гуляка и авантюрист, он становится помощником младшего брата. Так образуются две линии семьи Нобелей – русская и шведская.

Людвиг ликвидирует отцовские дела и начинает, по существу, с нуля. Его новый завод приспособляется к потребностям российских покупателей. Что ни год, в Петербурге холера. От выгребных ям в городе стоит страшное зловоние. Столица России – одна из самых неблагоустроенных в Европе. Петербургское самоуправление – городская дума – начинает в 1860-е годы строительство водопровода и канализации. Завод Нобеля становится главным производителем чугунных труб и сантехники.

Деньги, заработанные на унитазах, отправляются в Швецию – отцу и братьям. Самый способный из молодых Нобелей, ученик Зинина Альфред непрерывно экспериментирует с взрывчатыми веществами. Его идея фикс – создать взрывчатку, безопасную в транспортировке и смертоносную при применении. В ходе одного из экспериментов погиб его брат Эмиль. Но однажды Альфреду Нобелю улыбнулось счастье – на его заводе в Гамбурге по нерадивости рабочего нитроглицерин пролился на опилки пола и полностью впитался в них. Это положило начало серии опытов, приведших к изобретению динамита. Изобретению, перевернувшему все мировое военное дело.

Отныне деньги потекли уже не от Людвига к Альфреду, а от Альфреда к Людвигу. Петербургские Нобели получили такие возможности для кредитов, какие и не снились их русским конкурентам. Да и русская армия постепенно оправляется от крымского разгрома. Нобели снова получают огромные казенные заказы – винтовки, скорострельные пушки, станки для оборонных предприятий. Завод Людвига был прекрасно оборудован и обладал уникальными специалистами, поэтому мог в кратчайший срок осваивать практически любые виды продукции.

В 1870-е годы Россия кишлак за кишлаком, оазис за оазисом аннексирует Среднюю Азию. Война с туземцами оказалась сложной не столько для военных, сколько для интендантов. Растянутые линии коммуникаций, иссушающая жара, песчаные бури. Но главное – отсутствие пресной воды. Знаменитый «белый генерал» Скобелев обращается к своему дальнему петербургскому знакомцу Людвигу Нобелю, и его завод за короткий срок изготавливает первые опреснители соленой воды для русской армии.

Знаменитый туркестанский генерал Кауфман также обращается к Нобелю: «Невозможно тащить пушки по пустыне, в колесную ось набивается песок, русские взводы застревают в барханах, воинственные туркмены оставляют после своих набегов только обезглавленные раздетые трупы». Нобель изготавливает специальные колесные оси со смазкой. Такие орудия можно тащить по пустыне, как по столбовой дороге. Перед новой русско-турецкой войной Нобель получает заказ на сто тысяч винтовок. Приклад поначалу было решено делать из древесины ореха. Орех растет на Кавказе; туда отправляется Роберт Нобель.

В ходе своих поездок Роберт Нобель посетил Баку и был поражен деловыми перспективами, которые открывались в этом нефтеносном районе.

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org Людвиг всегда относился к затеям своего старшего брата скептически, но изобретатель динамита мультимиллионер Альфред забрасывал его письмами, где утверждал: «Нефтедобыча выгоднее, чем добыча золота, нельзя терять ни минуты», – и Людвиг сам, вслед за Робертом, отправляется в Баку.

Людвиг Нобель не был новичком в России и знал, что здесь связи и взятки чаще всего важнее законов, но то, что он увидел в Баку, поразило даже его. Местная администрация покупалась на корню, без подношения нельзя было ступить и шагу, бедность и дикость царила необычайная. Братья идут по туземной части города и видят: на обочине дороги валяется отрубленная голова, а несколько поодаль – две отрубленные кисти. Людвиг в ужасе, Роберт спокоен: «Не обращай внимания, таковы здешние обычаи».

С изобретением керосиновой лампы нефтепереработка развивается во всем мире и, прежде всего, в Америке. Русские предприниматели, не уступавшие американцам в предприимчивости, имели под боком на Кавказе огромные запасы черного золота, но из-за неразумного законодательства и отсутствия больших свободных средств один за другим разорялись. На нефтедобыче обломал зубы даже русский финансовый гений Василий Кокорев.

Нобели сумели обойти все препятствия, они скупили у туземных беков нефтеносные участки, главным из которых стал остров на Каспии – Челекен. Людвиг Нобель сразу понял, что ключевой вопрос нефтедобычи – транспортировка готовой продукции. На его заводе строятся первые в России нефтеналивные цистерны и целый танкерный флот. От острова к заводу протянули трубопровод.

В Баку привезли холодных и безжалостных инженеров из Техаса, для которых были созданы идеальные условия. Жили они на роскошной «Вилле Петролеа» со всеми возможными удобствами, включая бассейны и электрическое освещение. Баку делился на две части – Белый город и Черный город. Иностранцы, купцы и русские чиновники жили в Белом городе в условиях европейской цивилизации. А в туземных кварталах продолжалось средневековое – чума, холера, дикий уровень преступности. Баку того времени напоминал скорее не европейскую глубинку, а Калькутту или Лагос. Иностранцам платили в год столько, сколько на родине они могли заработать за десять лет.

Но главная причина успеха товарищества братьев Нобель заключалась в нещадной эксплуатации рабочей силы. Из-за языкового барьера и полной неграмотности азербайджанцы использовались только на самых тяжелых участках работы, нефть добывалась русскими, персами, лезгинами. Смертность у Нобелей была выше, чем на золотых копях Южной Африки. Себестоимость пуда керосина у Нобеля 8 копеек, причем оплата рабочей силы составляла меньше копейки, а продавался керосин по рублю за пуд. На подкуп местной полиции тратилось больше денег, чем на заработную плату и расширение производства. Посетивший Баку русский журналист писал: «Тысячи рук работают в грязи над приготовлением керосина и обогащением хозяев. С технической стороны – прелестно, с гуманитарной – черно».

У Людвиг Нобеля было три ипостаси: в Баку – безжалостный колонизатор, не считающийся с европейскими законами и требованиями нравственности, в Петербурге – любезнейший господин, филантроп, глава шведского землячества, наконец, в письмах к Альфреду он предстает по-европейски образованным ученым и мыслителем, не чуждым пацифистских и социалистических идей.

На Петербургском заводе Нобеля рабочие зарабатывали по петербургским масштабам отлично. В этом не идеализм, а расчет опытного менеджера. Машиностроение – не нефтедобыча, здесь рабочему нужно быть грамотным, уметь читать чертеж, обращаться с механизмами. При обилии и дешевизне неквалифицированной рабочей силы хорошего станочника найти в Петербурге непросто. А чтобы удержать его, нужно платить больше, чем конкуренты.

Нобель – первый русский коммерсант, который уменьшил рабочий день до десяти часов. Людвиг Эммануилович следил за своим административным персоналом, выгонял хамов-приказчиков. Он писал: «Не так давно видел у церкви жен рабочих моего завода, был приятно удивлен, отметив, что босоножек среди них нет, у всех франтоватые сапожки, некоторые даже с зонтиками», – в этой фразе не столько альтруизм, сколько удовлетворение разумного коммерсанта. Впрочем, в конце 1880-х годов, почувствовав себя неважно, Людвиг Нобель уехал во Францию, оставив свои предприятия сыновьям Карлу и Эмилю. Карл вскоре умер, дело возглавил Эмиль.

По воспоминаниям рабочих, в начале XX века на Путиловском заводе большую часть мастеров составляли поляки, на «Скороходе» – немцы, на Невской ниточной мануфактуре мастера и владельцы – англичане, ненавистный рабочим мастер-англичанин трудился на фабрике «Невка». О последнем мемуарист даже добавлял раздумчиво: «Немцы лучше англичан в противоположность тому, что думал Горький». Мастером на фабрике Пеля был австриец, а директором – поляк. На заводе Юлиуса Пинтиса «мастер котельного

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org цеха и медицинской мастерской чухна и выживает русских ... хочет брать на работу своих». На фабрике Воронина подвизались ненавистные мастера-иностранцы – Ванька Чешер и Сенька Курносый.

На Екатеринбургской бумагопрядильной фабрике в 1878 г. среди причин возникших волнений были следующие: «...Мастер на фабрике – англичанин, говорит совершенно по-русски плохо, рабочие часто его не понимают, и за малейшие возражения рабочих он грозит им отказом от работы... среди них есть рабочий Карл, который, зная немецкий язык, близок к мастеру-англичанину и записывает на них штрафы неправильно».

В том же году по аналогичным причинам возникли беспорядки на Новой бумагопрядильне: «фабрика принадлежит пайщикам почти исключительно великобританским поданным. Директорами общества состоят великобританцы, а управляющим – фиш. Последний не знает ничего по-русски, человек суровый, не входит в нужды рабочих, а лишь эксплуатирует их посредством мастеров, также англичан и почти не говорящих по-русски. Мастера обращаются с рабочими грубо, ставят за всякую безделицу штрафы».

На «Лесснере» всеобщую нелюбовь вызывал финн Гельфорс – известный самодур. Мастер цеха Гемке на «Лангензипене» называл молодых рабочих не иначе как русские свиньи. На фабрике Варгуниных притчей во языцех был ненавистный писарь – француз К. Нане, вывезенный, в конце концов, рабочими на тачке.

В мастерских Варшавской железной дороги в состав наиболее привилегированной части рабочих входили финны, поляки и, в особенности, немцы. Немцы преобладали среди мастеров. Записи в книге ремонта паровозов производились по-немецки. Утром в знак приветствия рабочие говорили друг другу: «Морген». Рабочие-иностранцы относились к русским рабочим брезгливо, со скрытым, а то и открытым презрением.

Эммануэлю Людвиговичу Нобелю пришлось руководить русской частью нобелевской империи во времена, когда Выборгская сторона, где находился его завод, стала синонимом русского организованного рабочего движения. По Неве и Большой Невке, отделенные только заборами, стояли десятки огромных машиностроительных заводов. Русские и финские рабочие жили рядом в узких и грязных улочках, пересекавших большой Сампсониевский проспект.

Русскому рабочему воистину было нечего терять, кроме собственных цепей. Лишившийся связи с деревенским миром, выросший в пропитанной культом силы рабочей среде, он знал – у него нет друзей, кроме друзей по классу. Он не мог рассчитывать на пенсию в старости, деревенские земляки являлись для него тупыми покорными баранами. Даже если он был семи пядей во лбу и хорошо зарабатывал, жизнь не обещала ему никакого продвижения. Рабочие не становились ни мастерами, ни инженерами. Стачки в России были запрещены.

Русский рабочий исторически с недоверием смотрел в сторону мастера, приказчика, инженера – часто иностранца. Но недовольство ограничивалось мелким саботажем, манкированием, жалобами. До антинемецких бунтов на заводах дело не доходило.

На фабрике Эммануэля Нобеля ситуация была типичной. Инженеры и мастера – немцы, реже шведы и поляки, первый директор – господин Берг, среди рабочей аристократии тоже много «инородцев». В цеху для рабочего мастер – бог и господин, волю хозяина олицетворяет приказчик, администратор.

Эммануэль Нобель понимает это и в корне меняет структуру своей фабрики в Петербурге. Он ликвидирует старую систему аккордов, объединяет несколько мастерских в единый конвейер, увольняет с полсотни администраторов, способным рабочим предлагает должность мастера с равным прежнему окладом. «Никто не встанет между мной и рабочими», – говорит Эммануэль Нобель.

Когда Эммануэль Нобель радовался благополучию своих работников, он в первую очередь радовался своему умению вести дело. Затраты на социальные нужды с лихвой окупались относительным спокойствием и производительностью на Петербургском заводе. Нобель открыл школу для рабочих Выборгской стороны, нанял учителями студентов, выплачивал ежемесячные премии лучшим станочникам. Станочник у Нобеля получал больше начинающего офицера.

Последний из русских Нобелей изрядно обрусел. Он был женат на русской докторше – Марте Олейниковой. Председательствовал в многочисленных российских общественных организациях, в том числе в профсоюзе русских капиталистов, Петербургском обществе заводчиков и фабрикантов. Он председатель банка, основанного в свое время Василием Кокоревым и всегда считавшегося подчеркнута русским – Волжско-Камского. Он сумел так повести дело с немцем Рудольфом Дизелем, что его знаменитые двигатели, работавшие на мазуте, выпускались и применялись именно в России. Он построил нефтеналивной флот, сконструировал первые в мире теплоходы, в его компаниях мечтали работать выпускники Петербургского политехнического института.

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
Эммануэль Нобель жил в России и ему нравилось тут жить – огромные естественные богатства, талантливый народ, отличные инженеры.

Как и другие промышленники, Нобель чувствовал, что рабочий вопрос, который был злобой дня во всем мире, рано или поздно станет главным вопросом и на его новой родине. Как и большинство разумных западных собственников, он старался привязать рабочих к своему предприятию, заставить их гордиться им. Он делал все, чтобы его рабочие не пьянствовали – открыл для них первый в Петербурге Народный дом.

Главный бич питерского пролетариата – жилищные условия. Чем ближе к заводу, тем дороже жилье. Приходилось или приплачивать, или платить за трамвай, а он был дорог, или к шести утра идти через весь город. Городская дума не беспокоилась о дешевом муниципальном жилье. Нобель перенес в Россию шведский опыт строительства дешевого жилья для рабочих, каждая семья имела маленькую отдельную квартиру. Петербургский опыт постепенно переносился и в Баку. Теперь уже не только инженеры, но и рабочие перебирались из бараков в каменные дома.

Но невозможно создать оазис процветания на одном предприятии. На соседних заводах копившаяся годами социальная ненависть постоянно готова была привести к взрыву насилия. Да и сам Нобель был не столько филантроп, сколько предприниматель – в 1910-е годы он одним из первых в России внедряет на своем предприятии так называемую систему Тейлора, т. е. переходит к конвейерному производству. Для конвейера квалифицированные рабочие не нужны. Самые сознательные мастеровые, гордившиеся своей «рабочей костью», имевшие опыт забастовок, состоящие в профсоюзах, существеннейшим образом ущемлены. Они стали получать немногим больше женщин и подростков.

Нобель оставался в России во время Первой мировой войны, он видел февраль, знал, что такое рабочий контроль, и дождался, пока на его предприятие пришел комиссар и объявил о национализации. Вместе с Юзами, Кенигами, Сан-Галли и другими людьми, вложившими миллионы в русскую промышленность, он бежал из России, чтобы уже никогда в нее не вернуться. Настоящий капитализм любит политическую стабильность, которую старый режим обеспечить не мог.

Человек ВПК

Все русские революции начинались на одном и том же заводе – Путиловском, ныне Кировском. Основал этот крупнейший в Петербурге завод Николай Иванович Путилов, любимец великих князей, министров, адмиралов. Промышленник, спасший Петербург от британского десанта, создатель финской металлургии. Инженер, наладивший производство артиллерии для русских броненосцев и рельсов для российских железных дорог. Основатель петербургского порта. Признанный во всем мире изобретатель. Гениальный менеджер, решавший задачи, кажущиеся неразрешимыми принципиально. Только смерть спасла его от долгой тюрьмы.

Весна 1854 г. Дворец «Коттедж» в Петергофе. Император Николай часами не отходит от подзорной трубы. Перед фортами Кронштадта, в нескольких верстах от столицы крейсирует британский флот. Коварный Альбион поставил императора великой страны в унижительное положение. Государь, любивший сравнивать себя с Петром Великим, впервые в жизни чувствовал полную беспомощность.

Черноморский флот пришлось затопить у входа в Севастопольскую бухту, Балтийский неприятель загнал в Маркизову лужу. Петербургу угрожала опасность быть взятым с моря. Требовалось срочно организовать оборону от превосходящих сил противника.

У императора четверо сыновей: Александр, наследник, – человек недурной, но бесцветный, артиллерист Михаил, армеец Николай и моряк Константин.

Флотские офицеры отличались от армейских. В Морской корпус, единственное в стране учебное учреждение, готовившее офицеров флота, принимали с разбором: сыновей генералов, столбовых дворян и флотских офицеров.

Лихие офицеры с парусников – у них невесты во всех портах от Рио до Нагасаки, они виртуозно сквернословят на десятках языках, они повидали мир, избавлены от бессмысленного сухопутного фрунта и могут выдержать любой шторм. Недаром героями Крымской войны являлись именно они – Нахимов, Корнилов, Истомина.

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org

Из всех великих князей Константин Николаевич был самым способным, образованным и волевым. Он вырос в дальних морских походах. Как и большинство флотских офицеров, был резок, порой жесток. Изысканно вежливый с дамами, он мог обложить нерадивого подчиненного большим петровским загибом. Амбициозный великий князь препятствий не боялся, к цели шел напролом. Многие полагали, именно Константину, а не Александру следовало бы наследовать престол отца. Одни поклонялись великому князю, другие (их при дворе было больше) – ненавидели.

Константин вызвал к себе в Мраморный дворец Николая Путилова, 34-летнего чиновника морского ведомства. Тот закончил Морской корпус и был известен великому князю как отличный знаток кораблестроения. «Можешь ли ты, Путилов, сделать невозможное, построить до конца навигации флотилию винтовых канонерок для обороны Кронштадта? Денег в казне нет – вот тебе мои личные 200 тысяч».

Путилов происходил из славного, но обедневшего новгородского дворянского рода. Он осиротел в детстве, и десяти лет был принят в морскую роту Александровского кадетского корпуса (сегодня Нахимовское училище), а оттуда как лучший ученик попал в Морской корпус – ныне знаменитое Военно-морское училище имени Фрунзе.

Директором корпуса был русский Магеллан, организатор первой русской кругосветной экспедиции Иван Крузенштерн, математику преподавал академик Михаил Остроградский, странный одноглазый господин, один из немногих в тогдашней России ученых с мировым именем. Преподаватель он был преохотливый, потому что выделял только тех, кто почитал и понимал его предмет. Николай Путилов стал его любимцем и соавтором. По окончании корпуса его оставили преподавать математику. Но молодому преподавателю смертельно скучно объяснять гардемаринам теорему Пифагора.

Путилов уходит в отставку, строит корабли на Черном море, возвращается в Петербург чиновником судостроительного департамента. Однако время не способствовало людям энергичным, инициатива не поощрялась, морским министром служил балагур, светский лев, любимец государя князь Меншиков, никогда не управлявший и шлюпкой.

Маленький, подвижный как ртуть холерик, пузырящийся энергией и тщеславием, Путилов пропадал в канцелярской рутине. Поручение Константина Николаевича стало его звездным часом. Паровые двигатели в Россию ввозили из-за границы, война закрыла возможности импорта. Полагаться следовало на собственные силы.

Военное судостроение с петровского времени мало изменилось – на казенных верфях корабли строили крепостные под присмотром чиновников. Огромный бюрократический аппарат и работавшие из-под палки мастеровые воспринимали каждый новый заказ как постылую рутину.

Частные машиностроительные предприятия были маленькими и маломощными. Но они могли под заказ изготовить любую продукцию, брали на себя риск и ответственность. Путилов распределил работу между двадцатью частными петербургскими заводами. Ему удалось тайно проникнуть даже в мастерскую, которая ремонтировала придворные экипажи – спрашивать разрешения у Министерства императорского двора было просто некогда, ответ мог прийти к моменту окончания войны. Петербургские ткачи сидели в это время без работы – хлопок шел в Петербург из-за границы, порты блокировал неприятель. За три месяца Путилов превратил их в токарей и слесарей, а затем и в механиков на канонерках. Николай Иванович ни перед кем не отчитывался, платил живыми деньгами.

Паровая канонерка – моторный баркас с несколькими орудиями небольшого калибра. Она маневренна и пригодна для действий в мелководье Финского залива. Через четыре месяца в строй вошли первые 32 канонерки, в следующие восемь – еще 35 и 14 судов побольше – корветов. Французский адмирал Пэно писал по окончании войны: «Паровые канонерки, столь быстро построенные русскими, совершенно изменили наше положение». Неприятельский флот к Петербургу прорваться не смог.

По окончании всей эпопеи строительства заводчики подарили Путилову серебряный венок, на 81 листке – названия построенных им кораблей. Николаю Ивановичу удалось сэкономить деньги Константина – 20 тыс. рублей он вернул великому князю. Путилов стал известен флоту и столице.

Между тем ситуация в стране решительно изменилась. Николай I умер, на престол вступил Александр II. История России отмечена проигранными войнами и сражениями. Россия, словами Петра Великого, – государство военное. Поражение означает необходимость изменений.

Самым решительным сторонником реформ в императорской семье был великий князь Константин Николаевич. Именно его окружение, так называемая «партия Мраморного дворца», инициировала и проводила либеральные преобразования. Главным из них было освобождение крестьян от крепостной

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org зависимости.

Преобразования, как хорошо известно, почти всегда поначалу не улучшают ситуацию, а ухудшают ее. Константин нажил множество новых врагов. Его называли временщиком, подозревали даже в желании свергнуть брата и царствовать самому. Но царь был на его стороне. Приверженцы «партии Мраморного дворца» в начале царствования Александра II возглавили важнейшие министерства: Головин – народного просвещения, Рейтерн – финансов, Милютин – военное, Краббе – Адмиралтейство. Путилов был членом этой команды и оказался в центре преобразований.

9 марта 1862 г. на Темплтонском рейде у Атлантического побережья Америки произошла первая в истории битва двух броненосцев: «Мерримак», принадлежавшего южанам, и «Монитора» северян. Целый день эти неповоротливые бронированные бегемоты поливали друг друга огнем без всякого успеха. В конце концов, более подвижный «Монитор» просто забодал соперника. Началась гонка между артиллерией и броней, защитой и нападением. Новые типы кораблей и орудий сменяли друг друга с калейдоскопической быстротой.

Из Крымской войны Россия по существу вышла без флота. Надо было создавать его заново. Но в этом был неожиданный выигрыш. В середине XIX века оказалось, что все военные флоты можно без особого ущерба затопить. Появление разрывных снарядов сделало деревянные корпуса беззащитными перед артиллерией. Тысячелетняя история деревянного флота уходила в прошлое. Россия как морская держава должна была либо исчезнуть, либо поспеть за странами более экономически развитыми.

Николай Иванович, между тем, охотно оставил государственную службу и стал заводчиком. Поступок рискованный и породивший много толков. При покровительстве великого князя Путилов мог рассчитывать на блестящую государственную карьеру, богатеть без особого риска. Большинство дворян считало предпринимательство делом малопочтенным. Дворянин служит, торгует купец.

Крымская война показала – у России нет постоянных союзников, есть постоянные интересы. Оборону следовало вести по всем азимутам. Необходимо было создавать военные заводы, не зависящие от импорта. Путилов получил кредиты от Морского министерства и создал три металлургических завода в Финляндии, позволивших наладить производство английского котельного железа. Кредит, взятый у Адмиралтейства, он вовремя возвратил.

Следующее начинание Путилова – создание в России судовой артиллерии нового типа – стальных нарезных орудий. На производстве таких пушек выросла династия Круппов, монопольно поставлявшая артиллерию русским броненосцам. Между тем на Урале полковник Обухов сумел создать сталь не хуже крупповской. Упругость ее, как писали тогда, превосходила всякую вероятность. Клинок для шпаги можно было свернуть в кольцо, и он распрямлялся, не изменив формы. Шесть лет Обухов пытался внедрить свое изобретение, обивал пороги ведомств, награжден был даже орденом за свое изобретение, но толка так и не добился.

Так было, пока он не встретился с Путиловым. Тот выбил огромный двухмиллионный кредит из казны, привлек частных инвесторов, получил бесплатно участок земли под Петербургом и основал завод, получивший название Обуховского. Через год состоялась первая плавка обуховской стали. И хотя затея оказалась непростой, денег не хватило, расплатиться с казной не удалось, и завод за долги перешел под контроль морского ведомства, в конце концов, русская морская артиллерия перестала зависеть от Круппа.

Если бы не близость к «партии Мраморного дворца», Путилову не дали бы такого кредита, и он бы, скорее всего, разорился. Военные подряды просто так, за красивые глаза, не раздавались. Важным условием была близость к государю или его ближайшим клевретам.

Александр II страдал наследственной тугостью пищеварения. Посетив Кавказ, он от тамошних сведущих людей узнал, что курение кальяна слабит. Отныне после утренней прогулки он отправлялся в обширную ретираду и, воссев на судно, закуривал кальян. Между тем по другую сторону ширм, скрывавших государя, собирались лица, удостоенные чести разговором со своим развлекальщиком императора в ходе его занятия. Среди этих, как их называли в свете, «кальянщиков» были флигель-адъютанты, министры, сенаторы, генералы. Немало железнодорожных концессий, орденов, выгодных назначений получено было именно теми, кто имел доступ на эту экзотическую церемонию. Путилов кальянщиком не был.

Директору горного департамента Скальковскому предложили взятку за утверждение устава акционерного общества: «Десять тысяч, и об этом не узнает никто вне этого кабинета». «Давайте пятнадцать и можете болтать об этом на каждом углу», – отвечал сановник.

Путилов не давал взяток. С большинством реформаторов из окружения Константина его соединяли годы дружбы. К управляющему морского министерства

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org Краббе, крупнейшему в Европе коллекционеру непристойных картинок и пикантных предметов, Путилов не приходил без специфического сувенира для его собрания. С адмиралами Поповым и Лисовским они делились воспоминаниями о временах, совместно проведенных в Морском корпусе. Путилов мчался в своих деловых начинаниях, как парусник, которому способствует попутный ветер [17]. Но направление ветров непостоянно.

Константин, назначенный наместником императора в Польше, отказался прибегнуть к массовым казням, чтобы предотвратить неизбежное восстание. Когда оно произошло, Константину пришлось бежать из Варшавы. Это было на руку его врагам. Они называли его «красным», обвиняли во всех смертных грехах, вплоть до желания дворцового переворота. Когда в царя стрелял нигилист Каракозов, при дворе говорили, что за ним стоит «партия Мраморного дворца». В отставку был отправлен либерал Головнин – правая рука великого князя, сам Константин Николаевич перемещен на почетную, но не слишком важную должность Председателя Государственного совета. Он потерял былую власть, но личная близость к императору еще заставляла с ним считаться.

В 1867 г. Николаевская железная дорога между Петербургом и Москвой оказалась на грани полной остановки. Рельсы, привезенные некогда из-за границы, свое отслужили, навигация закончилась; уральские заводы изготавливали продукцию дорогую и низкого качества. Между тем, Россию охватила лихорадка железнодорожного строительства, дело это считалось стратегически важным, пользовалось поддержкой государства.

Путилов явился к министру путей сообщения Мельникову: «Дайте мне мало-мальский железоделательный завод в долг, и я завалю Россию русскими рельсами. Причем из русских материалов и, конечно, русская рабочая сила. Дешево, быстро и надежно». Любимцу Константина отказать было невозможно. Завод получил право в счет будущих поставок монополично использовать отслужившие свой срок железнодорожные рельсы. Путилову выдали огромный кредит и заброшенный заводик на берегу финского залива. Пустить завод требовалось за месяц.

Рабочих по красочному описанию самого Путилова набирали так: «Кинули клич по губерниям – ехать свободному народу по железным дорогам и на почтовых. Через несколько дней приехало до тысячи пятисот человек; сделали расписание кому быть вальцовщиком, кому пудлинговщиком, кому идти к молоту, кому к прессу». Из Тулы привезли литейщиков. Новобранцев обучали на ходу опытные мастера в с других путиловских заводов. Новичкам платили копейки, они ютились в лачугах, механизмов почти не было. Цеха строили так: на цементном фундаменте ставили каркас из старых рельсов, покрывали его толем и досками. Зимой на заводе стоял лютый холод, летом – непереносимая жара. Через восемнадцать дней завод начал катать по 5000 пудов рельсов в сутки. Через год он стал крупнейшим металлургическим предприятием России.

На испытание продукции приехал великий князь. Чугунная баба весом в 32 пуда обрушилась на путиловский рельс с многометровой высоты. Рельс выдержал. «Давай английский», – скомандовал Путилов. Тот лопнул с первого удара. Прямо в цехах накрыли столы для гостей и рабочих и долго пировали в честь победы над Англией. Константин был в восторге.

Путиловский завод стал делать все, что было нужно для бурно развивающегося железнодорожного транспорта – рельсы, вагоны, паровозы, мостовые фермы. Это было самое большое и современное машиностроительное предприятие России [18].

Путилов управлял им как хороший помещик имением. Стариков называл по имени-отчеству, жал руку при встрече, лодыря мог публично изматерить, крестил детей, пропившемуся мастерскому давал деньги на новые штаны и рубашку. Постепенно вокруг завода выросла целая деревня, где селились рабочие. Пасся скот, кричали петухи. Николай Иванович на бричке проезжал мимо, сняв картуз, раскланивался налево и направо.

В голове у него засела новая, еще более амбициозная идея. Завод выходил на взморье. Морского порта как такого в Петербурге не было. Финский залив мелок. Грузы с океанских кораблей перегружали на барки в Кронштадте, а потом буксировали в Неву. Перегрузка и доставка удваивала стоимость фрахта. Путилов задумал создать на заводской земле настоящий морской порт, соединив его глубоководным каналом с Кронштадтом. К порту нужно было протянуть специальную железнодорожную ветку, построить причалы. Денег и согласований требовалась уйма.

Вначале все складывалось как нельзя успешно. Сам государь обещал финансировать порт. Путиловский завод приносил огромный доход, и часть средств можно было вкладывать в новое строительство. Уже через два года к порту провели железнодорожную колею, в 1876 г. начали строить морской канал [19].

Но у проекта было множество влиятельных противников. Придворный банкир Штиглиц желал строить порт на своей земле – в Ораниенбауме.

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
Миллионер-хлеботорговец Овсянников возглавлял могущественных оптовиков, наживших миллионы на перевалке грузов с барок на корабли и обратно – для них строительство порта было смерти подобно. Конкуренты интриговали, давали взятки, подкупали журналистов.

А «партия Мраморного дворца» двигалась тем временем к окончательному краху. Реформы Александра царствования, с которыми ассоциировали Мраморный дворец, остановились на полпути. Большинство было ими недовольно – крестьяне нищали, помещики разорялись, студенты распространяли крамолу, бросали бомбы, грозили мужицким бунтом.

Разбилась и личная жизнь покровителя Путилова. Константин был счастливым мужем, отцом четырех сыновей и двух дочерей. Но старший сын Николай оказался вором: крал семейные реликвии, выломал изумруды с американскую иконы, продал их ювелирам. Деньги тратил на любовницу, американскую циркачку Фанни Лир. Дело раскрылось, Николая по настоянию отца выслали из Петербурга навсегда. Любимый сын Вячеслав умер пятнадцати лет. Жену Александру Иосифовну оговорили придворные, Константин заподозрил ее в супружеской неверности и фактически бросил. Он открыто сошелся с балериной Анной Кузнецовой, разъехался с семьей и большую часть года проводил на своей вилле в Ореанде. Двор и свет не одобряли его поступков. Особенно возмущен был наследник (будущий Александр III) – ревнитель приличий и нравственности.

Были у Константина Николаевича и другие враги в собственной семье. Его племянника, великого князя Алексея Александровича, в Петербурге называли «семь пудов августейшего мяса». Огромный представительный мужчина, он единственный из детей государя оставался холостяком. Предназначали его в моряки, воспитывал адмирал Посыет. Константин Николаевич с ужасом думал о том, что его племянник-бонвиван (он открыто жил с замужней дамой, первой петербургской красавицей герцогиней Богарне), кутила, ценитель хорошей кухни и пустейший малый возглавит когда-нибудь русский флот и всячески этому противился. И Алексей, и Посыет, ставший министром путей сообщения, примкнули к партии врагов Константина. Кстати, при Александре III Алексей Александрович стал-таки генерал-адмиралом, тратил миллионы, предназначавшиеся флоту, на актрису Балетту, проводил по полгода в Ницце и довел флот до Цусимы.

Итак, покровительство Константина было теперь не преимуществом, а обузой. Государство обещало Путилову 20 миллионов рублей: 18 на порт и два миллиона на железную дорогу. Но каждая выплата требовала отдельного согласования. Решения принимала специальная комиссия при министерстве финансов.

Враги Константина сумели настроить государя против Путилова, он-де авантюрист и расточитель казенных кредитов. Казна перестала финансировать строительство порта. В конце концов, из 20 обещанных миллионов Путилов получил всего два. Правительственный заказ на паровозы, обещанный Путиловскому заводу, ушел в Коломну. Просьбы о новых займах в министерствах встречали с иронической улыбкой.

Путилов все больше и больше залезал в долги. Пришлось продать свою долю в Обуховском заводе, и часть Путиловского. Кредит, взятый у московских миллионеров Чижова и Морозова, был потрачен – отдавать долг стало нечем. На Путиловском начались задержки жалования, массовые сокращения рабочих. Кредиторы осаждали дом Николая Ивановича на Большой Конюшенной. О нем шла дурная слава. Он был близок к банкротству. Над заводом назначили государственную опеку.

Путилов умер от инфаркта 18 апреля 1880 г. Смерть спасла его от позора и долгой тюрьмы. Николая Ивановича отпели в Никольском морском соборе, как отпевали всех морских офицеров в столице. Согласно завещанию, его похоронили в часовне на берегу недостроенного Морского канала.

В 1881 г., когда народовольцы убили Александра II, Константин и его оставшиеся союзники были отправлены в отставку. А в 1885 г. состоялось торжественное открытие Путиловского морского канала. Петербург стал крупнейшим портом России.

Большой бизнес, особенно оборонка, в России невозможны без благосклонного внимания государства. Даже не государства – конкретного чиновника. Отставка какого-нибудь министра может привести к краху самого блестящего начинания, даже если она сулит огромный выигрыш для всей страны. Путилов стал жертвой этого обстоятельства. Так было, так будет.

фактор из Дубровны

Весной 1882 г. в роскошном петербургском ресторане «Донон» можно было наблюдать следующую странную сцену: в коридоре перед самым дорогим и почетным малиновым кабинетом нервно мялись двое – маленький старый седой человек, богатый и важный, и его нервный помощник. Оба, судя по внешности, евреи. Наконец, помощник богатея, не закрывая дверь, вошел в кабинет. Там за бутылкой шампанского дремал единственный посетитель – 50-летний генерал-аншеф. Перед ним стоял серебряный колокольчик. Молодой еврей на цыпочках подошел к генералу и опустил в карман его мундира конверт. Он вышел, генерал продолжал спать. Через некоторое время церемония повторилась – богач передал помощнику новый конверт, тот снова вошел к генералу и переложил конверт в его карман. Только на третий раз из-за закрытой двери зазвенел колокольчик. Пожилой еврей и его помощник вошли в кабинет, приветствуя генерала. Тот улыбался им: «Соснул малость. Пора и по домам. Все, что можно, будет сделано, Самуил Соломонович». Знаменитый железнодорожный подрядчик Самуил Поляков выходил из «Донона» довольным. Только что он дал очередную взятку министру внутренних дел графу Николаю Игнатьеву.

С 1860-х годов самым выгодным бизнесом в России стало железнодорожное строительство. Власть понимала: для России с ее огромными пространствами и чудовищными проселками железнодорожная сеть имеет колоссальное значение. В казне не было денег, а иностранцы не спешили вкладывать их в Россию. Зато русское железнодорожное законодательство гарантировало процветание и успех всем, кто участвовал в этом виде деятельности.

Чтобы построить дорогу, надо было выиграть конкурс – получить концессию. Концессия и концессионеры утверждались монаршей волей, государство готово было в любой момент выкупить акции железнодорожного предприятия, решало все административные проблемы на местах строительства. Из государственного банка концессионеры получали огромные займы под низкий процент. От подрядчика требовалась по сути дела лишь закупка материалов, наем рабочей силы, подбор инженеров. По завершении строительства новая дорога переходила во временное частное пользование акционеров. Они постепенно рассчитывались с государством, оставляя себе огромную часть прибыли. Получение концессии автоматически означало быстрое и колоссальное обогащение.

Когда Самуил Поляков решил заняться железнодорожным строительством, у всех на устах было имя юриста фон Дервиза. Скромный чиновник получил концессию на строительство железной дороги от Москвы до Козлова и заработал на этом за два года около 10 миллионов рублей чистой прибыли (Россия в том же 1867 г. продала США Аляску за 12 миллионов). Получив целое состояние, фон Дервиз решил больше не испытывать счастья, уехал из России, поселился в роскошной вилле на берегу Средиземного моря (сейчас в ней помещается университет города Ниццы – Л. Л.) и содержал целую оперную труппу, которую предпочитал слушать в полном одиночестве.

Остзейский дворянин фон Дервиз окончил элитарное Училище правоведения. Самуил Поляков появился на свет в нищем еврейском местечке и никакого образования не получил. Но видно, родился он в рубашке, потому что вовремя встретился с императорским министром.

Министра почт и телеграфа Ивана Матвеевича Толстого в Петербурге звали Павлин Иванович. Это был министр глупый, чванливый, но необычайно влиятельный. Он был дружен с императором с юности и носил высший придворный чин шталмейстера. Почтовая связь под его руководством работала ужасно. Однофамилец его граф Алексей Константинович Толстой писал: «Разных лент схватил он радуго. Дело ж почты – дело дрянь. Адресованные в Ладугу письма едут в Еревань». Но зато Толстой почти ежедневно виделся с императором. Иван Матвеевич руководил перлюстрацией, его подчиненные вскрывали и читали частную корреспонденцию. Самое интересное министр докладывал государю, который очень интересовался его сообщениями.

У Ивана Толстого было имение в Воронежской губернии, которое приносило ему одни хлопоты. Сколько он не менял бурмистров и управляющих, все не было толку. Тогда кто-то из соседей и порекомендовал ему расторопного молодого купца Самуила Полякова.

Поляков родился в 1837 г. в местечке Дубровна Могилевской губернии на Смоленско-Оршанском тракте – шесть тысяч жителей, из них четыре тысячи евреев, пятьсот поляков и полторы тысячи белорусов. Бедность вопиющая.

Евреям разрешалось селиться только в черте оседлости – на территории западных Украины и Белоруссии, в Литве и Польше. Они не могли жить в деревнях, владеть пахотной землей, служить на государственной службе. Промышленности в Белоруссии практически не было, следовательно, четыре тысячи дубровенских евреев занимались ремеслами и торговлей. Но сколько

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org портных, часовщиков, скорняков, лавочников могло прокормиться в нищем местечке? Еврейский анекдот: «Какой твой гешефт, Лазарь? – Покупаю сырые куриные яйца по копейке, варю и продаю по копейке. – И в чем навар? – Ну, во-первых, я имею яичный бульон, а во-вторых, я при деле».

Для современников Пушкина и Лермонтова русские евреи – непонятный полудиккий народец, живущий где-то на окраинах в нищете и серости. Евреи находились в полной зависимости от национальных общин – кагалов, только единицы из них имели высшее или хотя бы среднее образование. В местечках ежегодно устраивали облавы на еврейских мальчиков – их насильно крестили и отдавали в солдаты. Такие мальчики при армии назывались кантонистами. Половина из них умирала от побоев и истощения, другая половина становилась исправными рекрутами. На удивление просвещенных англичан относительно бесправия и убогости русского еврейства Николай I отвечал: «Когда мои подданные иудеи достигнут культуры британских евреев, тогда и будем говорить о реформе».

Отец Полякова был в Дубровне хасидским раввином. Хасиды, этикие еврейские старообрядцы, особенно серьезно относились к исполнению иудейских обрядов. Они были уверены в скором приходе мессии – Мошеха. Как и русские старообрядцы, хасиды исповедовали этику постоянного труда, накопления, а не потребления.

Человек книжный, прекрасный знаток Библии, Поляков-старший мало интересовался повседневной жизнью. Целый день проводил он, склонившись над Талмудом. Трех сыновей, Якова, Самуила и Лазаря, воспитала мать, женщина практичная и тщеславная. Вероятно, решение сыновей заняться коммерцией было для отца тяжелым ударом. С другой стороны, известно, что бунт против отца – удел людей сильных и честолюбивых. Яков и Лазарь Поляковы занялись винными откупам – перепродажей казенного спиртного в корчмах и кабаках, а Самуил стал строительным подрядчиком.

Новый император Александр II обратил внимание на ненормальное положение полуторамиллионного еврейского населения России. Для того чтобы иудеи быстрее преодолели национальную замкнутость, селиться вне черты оседлости дозволили купцам первой гильдии, лицам с высшим образованием, квалифицированным ремесленникам и отставным солдатам.

Отныне у еврейских юношей появилась надежда вырваться из местечковых гетто. У русских евреев, как до этого у немецких, возникает мощное просветительское движение – гаскала. Гаскала проповедует необходимость выйти из духовного гетто, стать равными в семье европейских народов, гражданами своего государства и только потом уже евреями. Учившаяся прежде в хедерах и ешивах (религиозных школах) местечковая молодежь рвется в гимназии и университеты. Предпринимательство становится не только способом заработать деньги, но и возможностью стать равноправным и лояльным подданным империи.

Еврейские купцы имели перед глазами пример своих западноевропейских единоверцев – английского премьера Дизраэли, французских банкиров Ротшильдов, немецких Гиршей. Самуил Поляков – типичное порождение гаскалы. Его цель – занять одно из первенствующих мест в российском торгово-промышленном мире, стать не еврейским, а русским купцом еврейского происхождения.

Получив гильдейские свидетельства, братья Поляковы перебрались во внутренние российские губернии. Самуил поставлял щебень для строительства шоссе, возил рельсы, уголь для железнодорожных станций. Расторопный купец поставлял материалы быстрее и дешевле конкурентов, не скупился на взятки приемщикам и вскоре приобрел большие знакомства среди путейских инженеров. Путьцы в России всегда считались жохами – дороги строились на казенные деньги, а вот поставщиками материалов являлись купцы.

Но настоящая удача пришла к Самуилу Полякову, когда Иван Толстой пригласил его управлять имением. На никуда не годной болотистой земле Поляков построил винокурный завод. Убыточное имение превратилось в сверхвыгодное.

Между тем, успехи дервиша были злобой дня. В железнодорожное концессионерство устремились все, кто хотел быстро и сказочно разбогатеть. Московские миллионеры-купцы и уездные дворяне, годами не покидавшие своих провинциальных имений, иностранные принцы и известные кокотки – все стремились получить концессию. О шпалах, мостах и подвижном составе разговаривали на великосветских балах, в ресторанах, клубах и казармах гвардейских полков. Чтобы получить концессию, необходимы были серьезные связи – министры, великие князья, их фаворитки.

Огромные деньги уходили даже не на взятки, а на то, чтобы познакомиться с тем, кто знает того, кому эту взятку можно было предложить. В 1870-е годы прогремело дело мошенницы Гулак-Артемовской, содержавшей в центре Петербурга салон, где искатели удачи за роскошным пиршественным и

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org зелеными карточными столами сходились с директорами департаментов и министрами.

В 1866 г. Иван Толстой сумел пролоббировать передачу концессии на строительство Козлово-Воронежской железной дороги местному земству. А так как сами земцы строительного опыта не имели, строить дорогу они поручили Самуилу Соломоновичу Полякову. Дорога сдавалась концессионерам на 81 год. Правительство гарантировало, что за это время доход с дороги составит 12 миллионов рублей. Через год Поляков получил при той же протекции подряд на строительство дороги от Ельца до Грязей на тех же условиях. Затем эта дорога была продолжена до Орла. Поляков заранее скупил акции обеих дорог, а затем с выгодой реализовал их за границей. За два года Самуил Поляков стал одним из богатейших людей России.

Каждый подрядчик имел тайного или явного высокопоставленного акционера, лоббирующего в Зимнем дворце интересы своего «наперсника». Для братьев Башмаковых – это министр внутренних дел граф Валуев и брат императрицы герцог Гессенский, для Дарвина и Мекка – министр двора граф Адлерберг, для Ефимовича – фаворитка государя княжна Долгорукая. И хотя формально на конкурсах оценивали предлагаемую стоимость версты железнодорожного пути, проработанность проекта, опытность инженера и подрядчиков, фактически шел конкурс влиятельных покровителей.

Шеф жандармов граф Шувалов рассказывал: приезжает к нему великий князь Николай Николаевич старший и говорит: «На днях, любезнейший, будет слушаться в Комитете министров дело о концессии на такую-то железную дорогу, нельзя ли тебе направить его так, чтобы концессия досталась такому-то?» «В железнодорожные концессии я не вмешиваюсь, – отвечал граф Шувалов. – Да и что за охота вашему высочеству касаться подобных дел?» – «До сих пор я никогда не занимался ими, но, видишь ли, если комитет выскажется в пользу моих proteges, то я получу 200 тысяч рублей; можно ли пренебрегать такой суммой, когда мне хоть в петлю лезть от долгов».

Товарищ министра путей сообщения Дельви́г писал: вызывает его государь и во время доклада прямо говорит: «Ты отдашь дорогу к Ромнам Ефимовичу и Викерсгейму, а Севастопольскую – Губонину, Кавказскую же впоследствии можно будет отдать Полякову».

Самое удивительное, что при всем этом железнодорожная сеть в России росла с необычайной скоростью. В начале царствования Александра II в России существовали лишь две железные дороги, общей протяженностью полторы тысячи верст. К 1875 г. было проложено 19 тысяч верст железных дорог. Каждый год строилось еще полторы тысячи.

Среди прочих подрядчиков Поляков выделялся умением организовывать строительство дорог с необычайной скоростью. Конечно, он использовал и те маленькие хитрости, которые были тогда в ходу. Сдавал дорогу, когда она была еще далека от полной готовности, не выполнял все условия технического задания, наплевавательно относился к технике безопасности. Главным было не построить дорогу, а сдать ее. Инспекторов из министерства на станциях встречали ломившиеся винами и деликатесами столы, он организовывал пикники, охоты, пели цыгане. Немаловажным было и то, что путевые чиновники знали: случись с ними служебная неприятность, Поляков их в беде не оставит, им будет устроено теплое местечко в правлении одной из поляковских железных дорог. Но дело было не только в этом. Поляков перекупал у конкурентов лучших русских инженеров. Он полностью доверял своим работникам. Платил им жалованье во много раз больше, чем другие железнодорожные короли – Губонин, Варшавский, Мекк.

К концу 1870-х годов планы Полякова стать русским Ротшильдом, казалось, увенчались успехом. Он живет в самом аристократическом районе Петербурга, рядом с Медным всадником, в бывшем дворце Лавалей, по соседству с титулованной знатью. Он становится щедрым благотворителем, причем в отличие от других предпринимателей-евреев – чаеоторговца Бродского, банкира Гинцбурга и владельца Юго-Западной железной дорогой Варшавского – его деньги тратятся исключительно на общерусские цели, а не на поддержку еврейской бедноты. Он отблагодарил Елецкое земство, построив в городе железнодорожное училище; влиятельнейший публицист-консерватор получил от него огромную сумму на открытие лицея цесаревича Николая в Москве; он построил первое общежитие для студентов Петербургского университета. Но главные его траты шли... донским казакам. Здесь он имел деловые интересы, и в знак благодарности ему первому из российских евреев было пожаловано дворянство всевеликого войска Донского.

То, что Поляков хотел прочно обосноваться в России, ясно из одного его делового предприятия. Самая старая железная дорога России – Царскосельская – влачила в семидесятые годы жалкое существование и приносило казне одни убытки. Поляков выкупил дорогу у казны и сделал ее образцовой. С вокзала в Павловске были выгнаны дамы легкого поведения,

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org избравшие его в качестве своей штаб-квартиры. Вместо этого Самуил Поляков устроил библиотеку-читальню с душеполезным чтением для пассажиров, ожидавших поездов. Впервые в России были введены единые проездные билеты для дачников. По примеру Лондона Самуил Соломонович задумал строительство к югу от Петербурга жилого массива для рабочих столицы, которые жили бы в здоровой местности и добирались бы на работу по его железной дороге.

Между тем, российский правящий класс с неприятным удивлением обнаружил появление неизвестно откуда взявшихся конкурентов. Закаленные страшным соперничеством внутри черты оседлости, имевшие отличные деловые связи в западной Европе, фанатично трудолюбивые евреи ринулись в те сферы, которые были открыты им в результате либеральных реформ. Помимо международного банковского дела и торговли, это были адвокатура, журналистика, науки, прежде всего технические. Еврейские нувориши, исповедовавшие непонятную религию, плохо говорившие по-русски, вдруг оказались богаче и влиятельнее потомков Рюрика и Гедимины.

Характерен эпизод из «Анны Карениной». Промотающийся Облонский пытается устроиться на службу к железнодорожному королю Болгарину (под которым Лев Толстой имеет в виду, конечно, Полякова): «. ему было неловко, что он, потомок Рюрика, князь Облонский, ждал два часа в приемной у жида <. > бойко прохаживаясь по приемной, расправляя бакенбарды, вступая в разговор с другими просителями и придумывая каламбур, который он скажет о том, как он у жида дожидался, старательно скрывал от других и даже от себя испытываемое чувство».

Выразителем этой охватившей чиновничество и часть купечества юдофобии становится издатель самой популярной петербургской газеты «Новое время» Алексей Суворин. Статьей «Жид идет» он открывает антисемитскую кампанию, которая развивается тем успешнее, что ей сочувствует наследник – будущий император Александр III и близкая к нему так называемая «партия Аничкова дворца» – обер-прокурор священного синода Победоносцев, государственный контролер Третий Филиппов и близкий к ним Федор Достоевский.

Главным объектом нападения становится Самуил Поляков. Каждое происшествие на его железных дорогах, каких случалось немало, впрочем как и на дорогах других подрядчиков, становится предметом журналистского расследования. Суворин травил Полякова, как охотник дичь. Поляков защищался как мог.

Его было очень трудно ущучить. В 1877 г. во время русско-турецкой войны по поручению командования Поляков за два месяца проложил дорогу Крушаны-Яссы, которая позволила бесперебойно снабжать русскую армию на Балканах. При этом его инженерами был поставлен мировой рекорд по скорости строительства. На службу к себе Поляков принимает известных при дворе чиновников – бывший губернатор Восточной Сибири Синельников становится его влиятельным ходатаем в сферах. Даже внук генералиссимуса Суворова стремится поступить к нему на службу. Важную роль играло и заступничество «Московских ведомостей», влиятельнейшей газеты, которую редактировал Катков.

С воцарением Александра III антисемитизм становится частью государственной идеологии. В начале 1880-х по Украине прокатились кровавые погромы. Полиция предпочитала не вмешиваться. На одном из донесений о погроме государь начертал резолюцию: «Я и сам люблю, когда их бьют». Хотя погромщики, в конце концов, были наказаны, причины погромов правительство видело в самом еврействе.

Новый министр внутренних дел Игнатъев издает серию законов, снова загонявших еврейство в местечковые гетто. Главный удар пришелся по учащейся молодежи. Ограничивалось число студентов иудейского вероисповедания в высших учебных заведениях и гимназиях. Чтобы стать студентом, еврейскому юноше, как правило, необходима была золотая медаль.

Суворин требует немедленной национализации поляковских железных дорог. Взятками всеильному Игнатъеву и другим сановникам Полякову удалось сохранить свои железные дороги и свой статус. Его непрерывно проверяли, каждое лыко было ему в строку, расширение деятельности стало невозможным. Часто приводил он своему сыну Даниэлю грустную еврейскую поговорку: «Алз дер реббе шлофт, шлофен алле хасидин» – «Когда раввин спит, все хасиды тоже спят». Когда царь против евреев, то и все министры против них.

Нельзя сказать, что русское общество целиком было на стороне гонителей еврейства. Полякова и его единомышленников неожиданно поддержали богатые и независимые московские купцы-старообрядцы – Морозовы, Солдатенковы и Рябушинские. Они при этом исходили из своих прагматических соображений: изгнание еврейских торговцев из Москвы означало для них потерю дилерской сети в западной России, которую московские коммерсанты снабжали русскими ситцами. Абсурдность политики, в которой одна часть граждан России противопоставлялась другой, была видна и публицистам самых разных направлений – от ультраконсерватора Каткова до бунтаря Льва Толстого и

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org либерала Владимира Соловьева.

Настроение русского еврейства между тем начинает резко меняться. Те, кто двадцать лет назад собирался служить русскому государству, оказались в дураках. Они навязывали свои услуги тем, кто не желал их принимать. «Ассимилянт» становится презрительной кличкой для такого рода персон. Часть еврейских общественных деятелей примыкает к сионистскому движению, созданию Еврейского независимого государства в Эрец Исраэль. Выходцами из России были такие светочи сионизма, как Владимир (Вольф) Жаботинский, первый президент Государства Израиль Давид Бен-Гурион и Голда Меир. Другие примыкали к русским радикальным левым партиям. Если в «Народной воле» евреев были считанные единицы, то эсеров возглавляли Михаил Гоц и Григорий Гершуни, среди основателей русского марксизма – Лев Дейч и Павел Аксельрод, будущие меньшевики – Федор Дан и Юлий Мартов, среди большевиков – Лев Троцкий, Григорий Зиновьев, Яков Свердлов. Кто не интересовался политикой, стремились бежать куда глаза глядят – в конце XIX века из России, чаще всего в США, уезжало по сто тысяч евреев ежегодно.

17 октября 1888 г. императорский поезд с августейшей фамилией потерпел крушение на станции Борки Азовской железной дороги, принадлежавшей Полякову. Крушение, как позже выяснила комиссия, произошло из-за плохого состояния путей. Но Полякову было уже все равно – весной того же года во время похорон своего зятя Абрама Варшавского, покончившего с собой, у него разорвалось сердце.

У русского правительства в 1880-е годы была возможность привлечь национальные меньшинства на свою сторону, способствуя созданию лояльного и процветающего среднего класса. Александр III и его правительство выбрало другой путь, провозгласив лозунг «Россия для русских». В результате польская, финская, армянская, еврейская буржуазии оказались не на стороне старого порядка. А это стало одной из причин краха Российской империи. Энергию нацменьшинств с успехом использовали большевики.

Глава 2 Москва в Петербурге

Общеизвестно: русский национальный капитал делался преимущественно купцами-старообрядцами. Петербург никогда не рассматривался ни современниками, ни историками в ряду таких крупных центров раскола, как Москва, Иргиз, Гуслицы, Керженец, Стародуб. Там, на Рогожском, Преображенском и Монинском кладбищах в Москве, в лесах нижегородского Поволжья, в монастырях Иргиза концентрировался раскольничий купеческий капитал, легший в основу благосостояния русской национальной буржуазии.

В петербургском деловом мире, среди тех, кто делал деньги из воздуха, при посредстве казны, представители этого, условно говоря, «московского» типа деловых людей терялись. Представитель одной из самых успешных старообрядческих династий писал: «В Москве купец чувствовал себя первым человеком. Московские бары смотрели сверху вниз на петербургских, и таково же было отношение московского к петербургскому купечеству» [20].

Московские старообрядческие капиталы создавались по преимуществу в текстильной промышленности; в Петербурге по разным причинам промышленность (в том числе и текстильная) контролировалась в основном казной и иностранцами. И тем ни менее, Петербург вплоть до революции оставался важным конфессиональным центром всех крупных старообрядческих толков. Как и в Москве, принадлежность к расколу облегчала крестьянину путь вверх в предпринимательстве и торговле.

Как подметил американский исследователь раскола Р. Крамми, старообрядческие толки походили по структуре и морали скорее на предпринимательские организации национальных меньшинств (прежде всего евреев), чем на пуританские, с которыми их часто сравнивают.

Принадлежность к клану, противопоставленному окружающему большинству, делала мир староверов разделенным на «своих» и «чужих» [21].

Как видно из подсчета, проведенного на основе справочных книг петербургской купеческой управы, среди лиц, выбравших торговые свидетельства, старообрядцы составляли более процента.

По переписи 1900 г. в Петербурге и его окрестностях жило 10 408 старообрядцев (0,7 % всего населения). Из них 41,5 % концентрировались в четырех городских и двух пригородных участках столицы, образующих компактные регионы на юго-востоке и юго-западе города.

Это были не самые благоустроенные части города, заселенные по

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org преимуществу крестьянами-отходниками. В Александровской части было много калужан и рязанцев, в Петергофском участке и Нарвской части – псковичей и витебцев.

Большинство старообрядцев были выходцами из губерний, дававших Петербургу наибольшее число мигрантов. Витебская губерния была одним из крупнейших центров беспоповских толков, Ржев в Тверской губернии, Коломна в Московской – поповцев, Крестецкий Ям и Старая Русса в Новгородской – федосеевцев, Даниловский и Пошехонский уезды Ярославской губернии – бегунов, филипповцев, поморцев, Петрозаводский Олонецкой губернии – поморцев.

Таблица 2.1. Распределение лиц, выбравших торговые свидетельства, по вероисповеданиям

Первая полная сводка о числе старообрядцев, выполненная чиновниками МВД в 1912 г., определяет численность раскольников в Петербурге в 8 тысяч человек; 4,5 тысячи из них входили в шесть официально зарегистрированных старообрядческих общин столицы. Это, конечно, немного по сравнению с Москвой (21 тыс.), Московской (108 тыс.), Вятской (109 тыс.), Саратовской (98 тыс.) губерниями.

По толкам петербургские старообрядцы разделялись следующим образом: поповцев-окружников (2 общины) – 2282 человека, противокружников (одна община) – 1300, федосеевцев (одна община) – 4023, поморцев (две общины) – 456 [22] .

Федосеевцы и филипповцы

Основателем первой общины федосеевцев был бывший дьякон деревни Крестецкий Ям близ Новгорода Феодосий Васильев (1661–1711) из рода бояр Урусовых. Федосеевское согласие оформилось в начале 90-х годов XVII века. На Новгородских соборах было сформулировано учение о бытии Церкви во времена царствования духовного антихриста.

Федосеевцы отличались строгим аскетизмом. Они считали, что наступило Царство Антихриста и продолжение рода человеческого преступно: «...Брачное супружество совершенно отвергать законополагаем, потому что по грехом нашим в таковая времена достигохом, в ня же православнаго священства в конец по благочестию лишились. А посему и союзом брачным некому обязать, кроме как антихристовым попам, а безвенчаные браки имут запрещение от царя Алексея Комнина. Да и Апостол глаголет яко имущие жены яко неимущие будут».

Со второй половины XVIII столетия федосеевцы постепенно становятся самым многочисленным и влиятельным направлением в беспоповстве. Их центром с 1771 г. являлась община Преображенского кладбища в Москве, основателем и первым наставником которой был И. А. Ковылин (1731–1809), богатый торговец и промышленник, родом из крестьян. Руководители общины выкупали крестьян, принявших учение федосеевцев; часто община принимала и укрывала беглых крепостных, особенно женщин. Большинство членов общины работало на хлопчатобумажных мануфактурах в Лефортово и жило там же.

Ортодоксальные федосеевцы отрицали таинство брака. Это доставляло массу неудобств при вступлении в наследство и часто приводило к разнообразным юридическим казусам, разрешаемым, как правило, взятками чиновникам.

Федосеевцы являлись, по-видимому, первым старообрядческим толком, основавшим в Петербурге свою моленную – это случилось в 1723 г. В екатерининское время общину возглавлял выходец из рязанских крестьян, купец 1-й гильдии Ф. Ф. Косцов (1743–1804). В 1767 г. в его доме у Семеновского моста начала действовать новая моленная, известная в городе как Косцова или Филиппова.

В 1777 г. по ходатайству купцов Волкова и Воробьева федосеевцам был передан участок земли под кладбище, получившее имя Волково в честь одного из просителей. В 1784 г. на Волковом кладбище на средства Косцова была построена еще одна моленная и мужская богадельня, а в 1807 г. – женская. Считалось, что быстрый рост федосеевщины в столице в екатерининское царствование связан был не в последнюю очередь с покровительством, которое Ф. Косцову оказывал влиятельный вельможа С. Б. Куракин [23] .

При Павле I Косцов попал в опалу и оказался в Алексеевском равелине,

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org откуда вышел при вступлении на престол Александра I. Александровское время способствовало дальнейшему процветанию столичных федосеевцев, община которых по смерти Косцова возглавлялась купцами Я. В. Холиным, Г. Н. Ошарой, И. Ф. и К. Ф. Косцовыми, А. Акинфиевым (из дворян). О последнем историограф столичного раскола П. Л. Любопытный-Светозаров писал: «Отличный пастырь в петербургской федосианской церкви, образован в нравственности, довольного ума, ревнитель благочестия, незлобен, честен сердцем» [24].

Николай I, как известно, относился к расколу резко отрицательно. Гонителем старообрядчества был и тогдашний петербургский митрополит Серафим. В 1839 г. некий Лямс (федосеевец, незаконнорожденный сын финской крестьянки) публично проклял митрополита и пытался его избить. Преступник был посажен в крепость, где и умер через год, а федосеевцы подверглись гонениям. В 1842 г. была закрыта, а в 1848 уничтожена Косцова моленная. В 1847 г. Волковские богадельни переданы Попечительному совету.

Однако взятки и ловкость возглавлявших в это время общину купцов Яковлева и Сухачева позволили сохранить в тайне женский федосеевский скит на кладбище.

В следующее царствование федосеевской общиной руководил вначале Савва Егорович Егоров (1796–1865), 1-й гильдии купец, уроженец деревни Проскурницкой Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии. Известный расколовед архимандрит Павел писал о нем К. П. Победоносцеву: «Он уроженец Ярославской губернии был православен, в беспоповство поступил в конце сороковых годов. Арсений Ларионов Шутов, живший тогда на Преображенском, при перекрещивании в федосеевство был его крестным отцом, а крестной матерью – известная у беспоповцев Тихонова» [25].

После смерти Саввы Егорова петербургскими федосеевцами тридцать лет руководил его сын – «Асаф-царевич», как называли его старообрядцы – Е. С. Егоров (1823–1895), 1-й гильдии купец, действительный статский советник и кавалер, владелец знаменитых Егоровских бань, двух мануфактурных лавок в Апраксином дворе и пяти каменных домов. Е. С. Егоров был попечителем и Волковской федосеевской богадельни в Петербурге, и главного центра всероссийской федосеевщины – Преображенского кладбища в Москве. По словам анонимного автора записки «О современном положении Преображенского богадельного дома», Егоров «через всю свою полную превратностей жизнь пронес строго федосеевские убеждения, умея, однако, прекрасно примирить учение секты о монархе, как сосуде Антихриста, и получение от него почетных отличий» [26].

К федосеевщине принадлежали и оба зятя Егорова – Н. Я. Телицын и Г. Т. Волков, торговавшие мануфактурой. По сведениям недоброжелателей из «Петербургского листка», Егоров со своими зятями широко пользовались капиталами Волковской кладбищенской богадельни, попечителями которой состояли [27].

Блестящее состояние Волковской богадельни вызывало определенную зависть у поморцев и поповцев. Более лояльные к существующей власти, считавшие федосеевцев «иезуитами», а филипповцев – «фанатиками», они не без печали видели, что власть легче купить, чем честно заслужить ее расположение.

В 1880-е годы на Волковском призревало двести человек. Каменная двухсветная моленная (в самой зале могли присутствовать только «девственники» по правую сторону от алтаря и «девственницы» по левую сторону; новожены и старожены наблюдали за службой через окна галереи) с четырехъярусным иконостасом, состоявшим из старинных икон, в дни больших праздников заполнялась сотнями прихожан. «Рядом с сибиркою красуется гостинодвор, одетый по парижской картинке, но большинство федосеевцев имеют длиннополые сюртуки, любимые столичными мелкими лавочниками» [28].

Помимо Егоровых, видными деятелями федосеевщины являлись и торговцы колониальными товарами А. И. Ладынин и В. Н. Воронцов; хлебные торговцы М. С. и С. С. Балашовы и купец 1-й гильдии А. А. Блинов; хозяева лакокрасочных заводов И. И. и М. И. Васильевы и И. Г. Крутелев; мануфактурщики-гостинодворцы Г. Т. и П. Т. Волковы; торговец железом П. К. Гладцын; владелец лабаза и многочисленных мясных, зеленых и бакалейных лавок И. В. Жаворонков; И. Л. и А. Л. Кукановы, торговавшие железом и экипажами; торговец лошадьми И. Ф. Мошкин; дровяной торговец А. Ф. Романов; знаменитые мясники, владельцы Ямского рынка К. И. и М. И. Смирновы; торговец патокой и домовладелец М. И. Томилин; хозяева экипажнокаретной мастерской П. Е. и Е. Е. Рогозины; подрядчики строительных работ Е. Ф. Астратов, П. М. Шалютин, Н. А. Кудрявцев, Н. А. Александров; купец З. В. Хохлов – торговец посудой и металлическими изделиями; извозопромышленник А. В. Пылин и почетный гражданин Д. П. Куницын [29].

Важную роль в федосеевщине играло семейство Коржаковых – рыбак Михаил Арсеньевич и братья Иван и Николай Васильевичи – трактирщик и

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org зеленчик. По словам Н. Н. Животова, федосеевский женский монастырь в конце XIX века находился «на даче Коржакова в Волковской улице позади Московских Триумфальных ворот. В 1876 г. попечителем монастыря стал Никита Васильевич Коржаков, занимающий эту должность до сего времени. Никита Васильевич старец суровых раскольничьих правил, крепко держит веру отцов и как попечитель монастыря пользуется непререкаемой там властью» [30] .

Часть федосеевцев заключала браки в православных или единоверческих церквях. Затем следовало покаяние по специальному обряду. Эта группа получила название новоженев и, по словам Н. Н. Животова, представляла в 1890-е годы второй по численности после собственно федосеевцев старообрядческий толк Петербурга, насчитывая около 800 приверженцев. Моленная новоженев находилась на Воронежской улице, 10, в доме Самодурова [31] .

В 1906 г., когда федосеевская община, как и другие старообрядческие согласия, была окончательно легализована, в богадельне на Волковом кладбище призревало 600 человек, а всего в Петербурге насчитывалось 5 тысяч федосеевцев [32] . Помимо двух молелен (мужской и женской) на Волковом кладбище, у них были и молельни в домах П. И. Коржакова на Коломенской и Николаевской улицах [33] .

В Петербурге конца XIX – начала XX веков была и довольно представительная община филипповцев, отколовшаяся, как и федосеевцы, в XVIII веке от поморцев. Филипповцы отличались большим фанатизмом и замкнутостью, чем федосеевцы, и известий о них в исследованиях по истории петербургского раскола и в прессе того времени значительно меньше.

Известно, что в XVII веке их центром была Малая Охта, затем до 1815 г. – Галерная улица и, наконец, Коломенская между Кузнечным и Свечным переулками. В 1880-е годы их моленная помещалась здесь в деревянном двухэтажном здании на каменном фундаменте. Петербургские филипповцы были по преимуществу либо уроженцами Поморья – олончанами и архангелогородцами, либо по-шехонцами [34] . К началу XX века община владела двумя моленными. Помимо указанной, это был молитвенный дом на Волковской улице, 16 [35] .

Поморцы

Данила Викулин в 1695 г. основал на реке Выг, в нынешней Карелии, первую общину поморцев.

Через четыре года к ней присоединились братья Андрей и Семен Денисовы, ставшие впоследствии основными идеологами согласия. Они написали главное догматическое произведение поморцев, их исповедание веры, знаменитые «Поморские ответы».

Богослужения поморцев совершаются в часовнях и проводятся наставниками (в народе называемых попами, хотя они и не имеют сана). Выходя из часовни, поморцы говорят друг другу: «Простите Христа ради» – и отвечают: «Бог простит».

Споры по вопросу отношения к браку привели к разногласиям внутри поморского согласия и возникновению различных групп: брачных поморцев, венчающихся в православных церквях; небрачных поморцев, не вступающих в брак; полубрачных поморцев, считающих, что хотя каждый должен стремиться к безбрачию, но вступающим в брак без благословения общество не судья. От поморцев отделилась группа тропарщиков, которые совершали, в отличие от других поморцев, молитву за царя.

В первой половине XVII века поморское согласие, по-видимому, преобладало среди старообрядцев новой столицы. Относительно недалеко от Петербурга, в Карелии, находился главный конфессиональный центр поморцев – Выгорецкий монастырь. Многочисленным было поморское население Ямбурга и Старой Ладоги. Ревизия 1745 г. свидетельствовала о принадлежности к этому согласию самых известных петербургских предпринимателей: Игнатия Гутуева, ратмана петербургской биржи Афанасия Дорофеева, гостинодворцев Яковлевых, Петра Рогожина, приставленного от купечества к сбору подушной подати [36] .

В 1760 г. (а по некоторым данным, даже в 1740-м) поморцы основали в Охтинской верхней слободе, как называли тогда Малую Охту, свое кладбище – самое старое старообрядческое кладбище в Петербурге [37] . Его появление тут не было случайно. С одной стороны, Охта была фактически самостоятельным поселением с собственным самоуправлением, удаленное от города – здесь кладбище не бросалось в глаза полицейской власти. С другой стороны, среди населявших Охту плотников – потомков олончан и архангелогородцев, было

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org много старообрядцев. В 1768 г. специальным императорским указом Малоохтинское кладбище получило официальный статус и надолго стало главным центром петербургских поморцев.

До начала XX века кладбища играли огромную роль в жизни старообрядческих общин. Вплоть до 1883 г. им было запрещено строить церкви и молитвенные дома, а большинство существовавших (они были основаны в основном при Екатерине II) возникли явочным порядком и в любой момент могли быть закрыты. Между тем, прямого запрета на устройство кладбищ не существовало.

В результате у старообрядцев именно кладбища (прежде всего Рогожское и Преображенское в Москве) стали важнейшими конфессиональными, общественно-благотворительными, коммерческими и кредитными центрами. При них основывались молитвенные дома и целые скиты-монастыри, богадельни, столовые для бедных, книгописные и иконописные мастерские. Вместе с тем сам заупокойный обряд и кладбищенское благолепие были важны для старообрядцев принципиально.

С кладбищами была связана и мирская жизнь старообрядческих общин. Сюда стекалась коммерческая информация со всех концов России, здесь предприниматель-старообрядец всегда мог найти приказчиков и рабочих из среды единоверцев или получить кредит из кладбищенского капитала. «Кладбища, – писал историк петербургского раскола В. Нильский, – это были и есть твердыни старообрядчества, его опоры и вековечные учреждения, долженствующие, по мысли раскольников, узаконить и утвердить навсегда раскольничьи общины России» [38].

На несколько лет позже Малоохтинского кладбища появился второй центр петербургских поморцев – молитвенный дом с подворьем и школой на Моховой улице. Его основателем был купец Иван Феоктистович Долгий (1734–1799), на средства которого строилась моленная и были приобретены для нее редкие иконы и книги [39]. Вплоть до николаевского царствования поморцы на Моховой существовали открыто и привлекали множество прихожан. Время Николая I, вообще очень тяжелое для старообрядцев, роковым образом сказалось на судьбе моленной. В эти годы владельцем дома и попечителем моленной был купец Пиккиев (по его имени моленную называли «пиккиевой»), в 1839 г. были официально запрещены ремонты и подновления, через два года сняты колокола, и, наконец, в 1854 г. после многочисленных проверок моленную окончательно закрыли. При этом изъяли пятьсот четыре иконы старинного письма в серебряных, украшенных камнями окладах [40].

В 1792 г. еще одна поморская моленная появилась на Малоохтинском кладбище. Главным ее жертвователем стал другой столичный купец – М. И. Ундозеров. При моленной в дальнейшем появились богадельня и больница.

В 1820-х годах при кладбище без видов на жительство постоянно проживало около ста пятидесяти человек, среди них управляющий, казначей, два приказчика, три повара, три дворника, староста, четыре псаломщика и до двадцати певчих [41]. Между поморцами Моховой и Малой Охты иногда возникали разногласия по обрядовым вопросам, прежде всего о допустимости венчания в старообрядческих моленных.

При кладбище жил один из наиболее известных «брачников», автор классической летописи петербургского раскола П. Л. Любопытный-Светозаров.

Конфессиональные споры внутри поморской общины привели к возникновению в Петербурге нового беспоповского толка – аристовщины, названного так по фамилии его основателя, петербургского купца Аристова. Постоянно велась оживленная полемика и с главными противниками таинства брака в век Антихриста – федосеевцами.

Еще с 1762 г. федосеевцы владели частью Малоохтинского кладбища, имея там свою моленную и богадельню. Соседство с ними и погубило поморцев. Более радикальные федосеевцы вызвали особое недовольство властей, и одновременно за их учреждениями на Малой Охте в начале 1850-х годов сначала была закрыта моленная поморцев, а потом и вовсе запрещены похороны старообрядцев на Малоохтинском кладбище. Поморцам пришлось хоронить своих мертвецов на Волховом кладбище, у федосеевцев [42].

В царствование Александра II отношение власти к расколу смягчилось. Летописец поморской общины рассказывает: «В конце 1864 года почтенный старец Д. А. Куликов, томимый желанием быть погребенным на этом хотя и упраздненном кладбище, сам при жизни подал об этом прошение и два месяца спустя, 24 декабря, скончался. Необычная просьба была доложена государю и всемилостивейше удовлетворена. Дмитрий Александрович был погребен где желал» [43]. В это же время руководившие тогда поморской общиной богатые купцы А. Д. Пиккиев, В. И. Миронов и А. П. Орловский подали прошение о возвращении кладбища общине, которое оказалось успешным.

Эта новость так обрадовала поморцев, что, по словам петербургского журналиста Н. Скроботова, «один из упомянутых попечителей при разрешении

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org вновь хоронить покойников на поморском кладбище, выхлупал дозволение вырыть гроб отца своего из могилы и перенес его с федосеевского кладбища на поморское» (потом и другие поморцы последовали его примеру) [44]. На Малой Охте поморцы на средства купца Н. П. Михайлова воссоздали женскую богадельню.

В конце XIX века главным благотворителем и покровителем в сношениях с властями для петербургских поморцев стал их единоведец Василий Александрович Кокорев.

Единственная моленная, оставшаяся у поморцев после разгрома николаевского царствования, помещалась в частной квартире А. Д. Пиккиевой на Моховой улице, причем домовладелица самовластно определяла состав ее прихожан. Побывавший до того в волковской федосеевской моленной Н. Скроботов пишет: «Бедною, тесною и мрачною явилась поморская моленная после более просторной федосеевской» [45]. Основная мысль очерка журналиста: поморцы (в отличие от федосеевцев) полностью лояльны государству. Они не только приняли присягу Александру III, но и отслужили в честь него молебен. После молебна Кокорев пожертвовал 100 рублей на обед на помин души Александра II. А между тем, положение непокорных федосеевцев объективно лучше, чем поморцев.

Благодаря этим ли обстоятельствам или связям Кокорева в 1886 г. поморцам удалось открыть новый молитвенный дом на Лиговке в доме рубашечника Никифорова.

И все же во второй половине XIX века петербургская поморская община переживала упадок. Большая религиозная терпимость власти привела к постепенной эрозии внутриконфессиональных традиций. Происходит размывание некогда чрезвычайно жестких и сложных норм бытового поведения, обязательных для старообрядцев; поморцы все чаще переходят в православие, единоверие или, напротив, к более свято блюдушим «старину» федосеевцам. Только во время похорон на Малой Охте и в молитвенном доме на Лиговке по-прежнему можно было увидеть поморцев в длинных кафтанах со светлыми пуговицами, с особой стрижкой волос с навесом на лоб и пробритым «для благодати» теменем, с лестовкой в левой руке, истово бьющих поклоны.

23 апреля 1889 г. поморская община осиротела – умер В. А. Кокорев. Поморцы, выделявшиеся на фоне столичной толпы необычными старорусскими одеяниями, вынесли из роскошного особняка на полотенцах дубовый гроб, долбленный, без единого гвоздя, и на руках донесли до Малой Охты [46]. Фамильное захоронение Кокоревых до сих пор сохранилось в восточном углу кладбища.

Когда в 1906 г. был принят закон, позволявший беспрепятственно регистрировать старообрядческие общины, именно петербургские поморцы воспользовались им первыми в России. Не исключено, что в этом им помог зять Кокорева, крупный чиновник В. П. Верховский. В августе 1906 г., в день Преображения, на Тверской улице была заложена пятиглавая церковь в новгородском стиле. Участок с садом для нее пожертвовала вдова Кокорева. Храм был построен на пожертвования петербургских поморцев, причем львиную долю средств – четверть миллиона – внесла семья Кокоревых. Храм на 1000 верующих был освящен во имя Знамения Пресвятой Богородицы 22 декабря 1907 г. в присутствии членов совета петербургской поморской общины и депутатов от псковских и московских поморцев. При нем вскоре были основаны детский сад, школа и богадельня. Здесь же находился зал для заседания совета общины [47].

В 1912 г. за Нарвской заставой образовалась еще одна поморская община, насчитывавшая всего сорок человек и имевшая очень скромную Успенскую церковь. Перед революцией в Петербурге жило около пяти тысяч поморцев, у которых было двадцать пять наставников. Кладбищем на Малой Охте управлял попечитель с помощником, избираемые советом общины. В 1912 г. на Малой Охте похоронили пятьдесят человек, в 1913 – шестьдесят четыре, в 1914 – шестьдесят пять.

Руководство поморской общины в начале XX века представляли в основном гостиноворцы, несколько семейных кланов. Кондратьевы, пожертвовавшие 3800 рублей на строительство моленного дома на Тверской улице, владели четырьмя лавками по продаже готового платья на Зеркальной линии Гостиного двора; на Суконной линии торговал мануфактурой С. С. Дерябкин (300 рублей), на Большой Суровской – П. Н. Кончаев (500) и П. С. Сергеев (300). Там же торговали А. Н. Никифоров – кружевами (100 рублей), М. В. Тарасов – модным товаром (300) и в двух лавках дамскими шляпками – И. А. Гурьев (200) и А. Я. Желтышев (он пожертвовал на моленную 15 тысяч рублей).

Еще две видные поморские семьи занимались торговлей кожей: Ф. З. Баженов, происходивший из крестьян деревни Ершово Кондаковской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии, пожертвовал на Тверскую 2000 рублей, а Д. И. Мерзлоухов, уроженец деревни Плиново Бухарской волости

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org Даниловского уезда – 1000.

Гласный Городской думы А. П. Орловский, один из патриархов общины (он не дождался официальной регистрации общины), владел сетью магазинов по торговле чаем [48].

Московский мещанин С. Е. Молчанов, торговавший шляпами в Пассаже, пожертвовал 200 рублей, чаеоторговец Ф. Н. Парфенов – 100, торговец мукой и хлебом с Калашниковской набережной А. А. Дойников – 500. Поморцем был и крупнейший в столице шляпный торговец С. В. Гилюков (он имел десять магазинов в разных концах города).

Заметим, что все это люди для Петербурга сравнительно новые: из поморских купеческих семей остававшихся верными старообрядчеству к моменту легализации их общины только Желтышевы торговали в Петербурге более полувека – с 1855 г.; Кондратьевы – с 1875, Тарасовы – с 1876, Молчанов – с 1878, Мерзлоухов и Баженов – с 1882, Кончаевы – с 1891, Дойников – с 1900, Гурьев – с 1904 года.

Поповцы

В отличие от беспоповцев, поповцы приемлют все таинства и признают необходимость священников при богослужениях и обрядах. Беспоповцы не нуждаются в клире, требы осуществляет уставщик. Положение поповцев сложнее. Где поповцам найти миропомазанных клириков? Они, староверы, отлучены от Православной церкви. Священник, перебежавший к ним – уголовный преступник.

Тем не менее, вначале поповцы были вынуждены принимать священников, перебежавших по различным причинам из Русской православной церкви. За это они получили название «беглопововцы».

История возникновения поповства в Петербурге относится к началу царствования Елизаветы Петровны. В отличие от беспоповцев, населявших территории, сравнительно близко прилегавшие к столице и экономически с ней тесно связанные: Подмосковье, Нижегородский край, Черниговщина, Стародубье, Дон, – центром поповщины стало московское Рогожское кладбище.

Среди петербургских старообрядцев поповцы уступали беспоповцам в численности. Этот толк имел прихожан главным образом среди богатых купцов, их приказчиков и гвардейских казаков.

Во второй половине XVIII века важнейшими деятелями поповщины в Петербурге считались купцы Г. Ф. Ямщиков, И. Н. Ильин, И. И. Милов. Относительная умеренность взглядов и огромные богатства позволяли им поддерживать взаимовыгодные контакты с ключевыми фигурами правительственного аппарата. В 1799 г. И. И. Милов становится основателем единоверия в Петербурге. По словам П. П. Мельникова-Печерского, которому принадлежит непревзойденный по полноте очерк ранней истории поповщины в Петербурге [49], первый их храм появился в столице в 1756 г. При Екатерине II церковью стало несколько, и они неоднократно переносились, оставаясь, впрочем, в пределах «купеческих» районов – у Апраксина двора и близ Пяти углов.

Первая половина XIX века – расцвет поповщины. Знаменитое Рогожское кладбище в Москве становится средоточием хлебной и рыбной торговли всей России. Для Петербурга все большее значение приобретают связи с другим важнейшим центром поповцев – Гуслицами. Тамошние купцы Морозовы, Солдатенковы, Рахмановы, Досуевы основывают процветающие текстильные мануфактуры. Кроме того, поповцы контролируют значительную часть горнодобывающей промышленности Урала. Ежегодные Макарьевские ярмарки, перенесенные позже в Нижний Новгород, превращаются, по существу, в съезды староверов-миллионщиков.

Центром петербургской поповщины в продолжение тридцати трех лет (1811–1844) оставалась моленная в доме купца 1-й гильдии В. Ф. Королёва на Ивановской улице. Эта богатая домовая церковь с иконами XVI века и старинной утварью была настолько известна, что поповцев в России называли «королёвой». При моленной находилась больница, богадельня на сто пятьдесят коек, общая столовая (келарня), были, по словам В. В. Нильского, «уставщики – знатоки церковной службы, искусные писцы уставом, мастера писать иконы, целый рой людей, способных на всякое дело». В николаевское время во главе «королёвой» общины стояли Громы, Сапожниковы, Дрябины, Харитоновы, Злобины.

Рыботорговец-миллионер А. П. Сапожников, обладатель прекрасного собрания западноевропейской живописи (Леонардо да Винчи, Рубенс, Ван-Дейк),

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org по жене родственник городского головы Н. И. Кусова, был шурином декабриста Я. И. Ростовцева. Либеральные взгляды Сапожникова чуть не привели его самого в тайное общество. За день до восстания купеческая осторожность взяла свое, и он посоветовал зятю во всем повиниться будущему императору Николаю I, что тот, как известно, и сделал, став любимым флигель-адъютантом грозного императора.

Вольский купец Злобин устраивал в окрестностях Петербурга праздники с музыкой, фейерверками и роскошными ужинами, на которые собирались сливки чиновного Петербурга, включая шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа.

Главными фигурами петербургской поповщины николаевского времени были купцы-миллионеры Сергей и Федул Громовы родом из Гуслиц.

В Петербурге братьям принадлежала Громовская лесная биржа – огромные торговые склады близ Смольного. Другая биржа Громовых находилась на левом берегу Фонтанки, напротив Апраксина двора. Официальным главой петербургского поповства считался попечитель «королевской» моленной Сергей Громов, жену которого Екатерину Ивановну старообрядцы называли «госпожой Дому Израилеву, истинной рабой Христовой». Но фактическим руководителем общины был младший из братьев, Федул – осторожный, но целеустремленный, меценат, коллекционер, владелец лучшей в Петербурге оранжереи на Аптекарском острове.

В 1835 г. «по прошению попечителей старообрядческого общества здешних купцов Сергея Громова и Никиты Дрябина» власти отвели землю для кладбища поповцев, названного по имени одного из его основателей Громовским.

Указом 1826 г. о снятии крестов со всех старообрядческих молитвенных домов Николай I начал непримиримую борьбу с расколом. К началу 1840-х годов были закрыты скиты поповцев на Иргизе и Керженце, запечатаны храмы Рогожского кладбища. «Удары правительственных репрессий, – пишет историк, – одинаково поражали и поповщину и беспоповщину, но чувствительнее всего они являлись для поповщины. Беспоповщина могла обходиться без молитвенных домов и попов; поповцы считали такое положение «богомерзкой ересью», для них культ без попа и часовни или церкви был немислим. Поэтому гроза больнее всего отозвалась на поповщине; но она заставила поповцев собраться с силами и выработать такую организацию, которая ставила их культ вне всякой зависимости от синодальной церкви».

В отличие от беспоповцев, полностью отвергнувших священство, поповцы до 1840-х годов принимали перешедших к ним православных священников. После выхода указа о «беглых попах» это стало практически невозможно. Основание независимой от православной церкви иерархии прямо связано с деятельностью братьев Громовых. Вместе с московским купцом Федором Рахмановым Громовы задумали и финансировали сложнейшую церковно-дипломатическую миссию по отысканию за границей православного епископа, который согласился бы перейти в старообрядчество и положил бы начало независимой от синодальной церкви священнической иерархии.

Громовы послали на Балканы Петра Великодворского (в монашестве Павел Белокриницкий), человека ловкого и бесконечно преданного старой вере. Ему удалось склонить к переходу в раскол бывшего боснийского митрополита Амвросия, подкупить австрийские власти, и в 1846 г. в старообрядческом скиту в Белых Криницах на территории Австрийской империи первые старообрядческие священники были рукоположены в епископы. Так появилась самостоятельная Белокриницкая старообрядческая иерархия.

В то время как Великодворский странствовал по Австрии и Турции, в Петербурге правительство нанесло решающий удар «королевской» моленной. В 1844 г. после нескольких ревизий она была закрыта. Вскоре после этого руководители общины обратились с ходатайством об открытии нового молитвенного дома на Громовском кладбище, где к тому времени была только деревянная будка для сторожа. Они просили «о дозволении построить молитвенный дом, взамен уничтоженной моленной в доме Королева, на их кладбище как единственном месте, где они уже имеют некоторую оседлость, и о перенесении в новую моленную святых икон, книг и церковной утвари».

Ходатайство рассматривал чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел И. П. Липранди, известный гонитель раскола. Как ни странно, в этом случае он поддержал староверов и советовал своему ведомству отнестись к просьбе поповцев с гуманностью и терпимостью. После некоторых проволочек на Громовском кладбище была освящена деревянная Успенская церковь и были построены два деревянных дома, где жили священники – выходцы из Гуслиц, певчие, размещались мужская и женская богадельни, трапезная, пекарня, панихидная и гостиница.

Во второй половине XIX века единая прежде в Петербурге поповщина разделилась на три основных направления. Те, кто не принял Белокриницкую иерархию и продолжал пользоваться услугами священников, перешедших из православия, именовались беглопоповцами. Их было немного – главным образом

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org выходцы из Нижнего Новгорода, основавшие свой приход в 1909 г. Их Никольская церковь была освящена в 1907 г. в Семенцах, на углу Малоцарскосельского проспекта и Митятина переулка [50].

Белокриницкое согласие, в свою очередь, разделилось на «окружников» и «неокружников», отличавшихся отношением к «Окружному посланию» 1863 г. Центр первых располагался на Рогожском кладбище в Москве, вторых – в Гуслицах.

Моленная столичной общины неокружников после раскола 1863 г. размещалась вначале в доме Е. Александрова на Ямской улице, в 1882 г. переведена на Лиговку в дом каретника Дмитриева и, наконец, в 1916 г. – в новый молитвенный дом в Чубаровом переулке.

В 1880-е годы неокружников возглавляли купец Л. А. Громов и шорник М. Христофоров. По словам журналиста «Русских ведомостей», прихожанами молитвенного дома являлись извозчики (по преимуществу калужане), кузнецы, подрядчики и сапожники, проживавшие в бывшей Ямской части, где улицы Болотная, Воронежская и Чубаров переулочек были заселены в основном старообрядцами.

Среди неокружников «Соборное послание» рассматривалось как капитуляция перед никонианами [51]. После легализации в 1906 г. неокружники легализировали и перестроили церковь в Чубаровом переулке, а в 1916 г. освятили еще одну, домовую, на Лиговке, 46 [52].

Громовское кладбище осталось за окружниками, сторону которых приняло большинство состоятельных прихожан.

Во второй половине XIX века среди петербургских поповцев не было таких видных фигур, как В. А. Кокорев у поморцев или Е. С. Егоров у федосеевцев. Дети Громовых перешли в православие, а их огромное состояние унаследовал городской голова Петербурга В. А. Ратьков-Рожнов (православный). В православие в 1880-е годы перешли другие наследники громовских капиталов – купцы Дрябины. Сапожниковы перешли, как и многие поповцы, в единоверие.

Память о Громовых сохранялась только на кладбище, носившем их имя. Вот что пишет бойкий петербургский журналист Н. Н. Животов: «На кладбище центральное место занято склепом Громовых; над могилами феудла и тестя его стоят красивые памятники. Теперь этот фамильный склеп заброшен и неугасимые лампы потушены. Благодарные лжепоповцы вырезали над могилой первого своего попечителя феудла Громова следующую надпись: "Не блеск образования и знаний, а здоровый ум и дальновидность руководствовали его в обширных делах, при уповании на Бога! Он начал с ничего и, неусыпно трудясь, приобрел знания и состояние, и во всю жизнь наслаждался любовью всех окружающих, счастьем и постоянным здоровьем! Муж благодетельный, добрый гражданин и примерный семьянин!"»

Главными жертвователями кладбища после смерти последнего из Громовых, Василия феудловича, стали крупнейший торговец мануфактурой Большого Гостиного двора Е. И. Дрябин и купец П. И. Чубыкин, который завещал четверть миллиона рублей на постройку при кладбище богадельни. Вообще же среди верхушки общины преобладали гусляки.

Длительный конфликт в поповщине, вызванный «Окружным посланием», не только привел поповцев Петербурга к расколу, но вызвал трения и среди самих окружников, к которым после раскола отошло Громовское кладбище. Одни прихожане были сторонниками более просвещенного попа Наума Мальцева, другие – более традиционного, Ермила Ершова. В конце концов, оба они были отрешены московским митрополитом Белокриницкого согласия Амвросием.

Долгие годы службы на кладбище велись в одноэтажном строении, постепенно выросшем вокруг кладбищенской сторожки [53].

В 1892 г. на Забалканском проспекте (ныне Московский пр., 108) у Московских ворот был приобретен участок, где в 1899 г. была открыта богадельня на семьдесят человек; в 1905 г. при богадельне был освящен домовый храм Петра Митрополита, в котором служил причт Громовского кладбища.

К 1912 г. в Петербурге насчитывалось три с половиной тысячи поповцев, среди которых – две тысячи двести последователей Белокриницкого согласия, объединенных в три общины (на Громовском кладбище, Глазовой улице в доме Степанова [54] и на Большой Охте), имевших десять священников, и тысяча триста неокружников, в храме которых в Чубаровом переулке служило два священника.

Между общинами Глазовской и Громовского кладбища существовали трения. Сразу после легализации часть поповцев выступала против строительства храма на Глазовской, т. к. «район этой местности глухой и отдаленный по своему положению, грязный, циничный и буйный по сложившейся там жизни... дом, предложенный общине, окружен публичными домами, трактирами низшего разряда и тому подобными вертепами [55].

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
Громовское кладбище являлось резиденцией епископа и центром Петербургской и Тверской епархии Белокриницкого согласия. В начале XX века епископом некоторое время был перешедший из православия отец Михаил (в миру Павел Семенов), участник религиозно-философских собраний у Мережковских. При кладбище размещалось благотворительное епархиальное братство, старообрядческая библиотека имени епископа Виталия, начальная школа и школа певчих. В чубыкинской богадельне в 1910-х годах проходили регулярные епархиальные съезды. В 1915 г. на кладбище был освящен Покровский каменный храм на две тысячи человек.

К началу XX века старейшей из поповских купеческих династий в Петербурге были братья Головины, отец которых записался в столичное купечество еще в 1850 г. Они разбогатели на торговле мясом и владели пятью каменными домами на Петербургской стороне.

Главой поповской общины был торговец готовым платьем П. А. Голубин, крестьянин деревни Селище Медведицкой волости Кашинского уезда; самым крупным жертвователем – Ф. П. Федоров, крестьянин деревни Угорское Малеевской волости Егорьевского уезда Рязанской губернии. Он владел клееночной мастерской в Волковой деревне, тремя магазинами и складом. Клееночной мастерской владел и еще один поповец, крестьянин деревни Завалишье Богородского уезда Московской губернии В. Ф. Наумов.

В правление общины входили также И. И. Непов и И. Е. Крутелев – владельцы лаковых заводов, торговец посудой И. П. Чунин, углем – Я. Я. Смирнов, яйцами и маслом – А. Я. Миронов (5 лавок на Сенном рынке), сукном (в Апраксином рынке) – М. М. Герольский, мануфактурой в Апраксином дворе братья Дерябкины, владелец бань на Колтовских Е. И. Власов, владелец буксирного пароходства Ф. С. Степанов, подрядчик К. Г. Некрасов – купец 1-й гильдии, клан купцов Немиловых (купцы 1-й гильдии, торговцы пенькой и льном, домовладельцы) [56] .

Единоверцы

Единоверие в России возникло при Екатерине II как попытка компромисса между старообрядчеством и синодальной церковью. Часть старообрядцев согласилась вернуться в лоно православия при условии сохранения дониконовой обрядности, но под условием подчинения в иерархическом отношении православной церкви и принятия священнослужителей от православных архиереев.

В Петербурге первая единоверческая церковь (Никольская) была создана в 1799 г. в доме купца И. И. Милова, в прошлом поповца. В 1801 г. была освящена Сретенская, а в 1816-м – Благовещенская церковь (обе на Черной речке). В 1820 г. появилась вторая, а в 1852 – третья никольские единоверческие церкви (на Николаевской и Захарьевской улицах).

С 1800 г. единоверцам была передан участок Волкова кладбища, где в 1801 г. была освящена Сретенская церковь, а в 1818-м – Благовещенская.

В 1803 г. И. И. Милов купил для общины участок Большеохтинского кладбища, где в 1853 г. была освящена Дмитровская, а в 1902-м – Мариинская церкви. В 1850 г. при кладбище возникла Анастасинская богадельня Тарасовых, при которой в 1868 г. была открыта церковь Алексея, человека Божия.

Число приверженцев единоверия в Петербурге росло особенно быстро в николаевское царствование, когда ужесточились гонения на раскол. По словам костромского губернатора, «поступившие из раскола в единоверие имеют целью избежать этим путем преследований местного начальника, земской полиции или помещика – они числятся только единоверцами, а на самом деле остаются в расколе» [57] . В 1867 г. в столице насчитывалось 2000 единоверцев [58] .

Единоверие, как и раскол, было по преимуществу крестьянско-купеческой конфессией. В Петербурге единоверческая верхушка была представлена, прежде всего, предпринимателями, происходившими из районов, где сильны были позиции раскола и одновременно имелись тесные связи со столицей.

В Костромской губернии единоверческие приходы существовали в селе Молвитино, традиционно поставлявшем в Петербург шапочных мастеров, и в Высоковской волости Солигаличского уезда (здесь находился единоверческий монастырь), из которой в столицу шло особенно много маляров и плотников.

В Ярославской губернии и раскол, и единоверие распространены были по преимуществу в районах портновского и строительного отхода – в Пошехонском, Романово-Борисоглебском и Ярославском уездах. В 1847 г. был создан единоверческий приход в Ярославле, в 1855-м – в Романове-Борисоглебске, в

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org 1857-м – в селе Великое Ярославского уезда, в 1859-м – в Старо-Борисоглебском Пошехонского уезда. Два последних прихода в 1850-е годы являлись наиболее многочисленными. Они насчитывали соответственно 820 и 984 прихожанина [59]. Был единоверческий приход и в Зарайске Рязанской губернии, откуда в Петербург отправлялись целовальники.

Известные петербургские ревнители единоверия XIX века – крупные предприниматели, по-видимому, костромичи и ярославцы по происхождению.

Н. С. Тарасов, на средства которого была построена Анастасинская богадельня и церковь Алексея, человека Божьего, был строительным подрядчиком из костромичей. Главный жертвователь на церковь Дмитрия Солунского Д. Т. Макушев – шапочный мастер из Молвитино.

Более подробную информацию о социальном составе единоверцев позволяют получить списки членов основанного в 1906 г. «Петербургского Единоверческого братства при Никольской единоверческой, в Николаевской улице г. С.-Петербурга, церкви» [60]. В 1910 г. в братстве состояло 106 членов (4 почетных, 40 пожизненных, 62 действительных). Среди 63 первоначальных учредителей братства два священника, 6 дворян, 14 потомственных почетных граждан, 15 купцов, 6 ремесленников, 2 мещанина и 18 крестьян.

Братство имело пять регулярно собиравшихся комиссий (храмовую, благотворительную, школьную, книжную и кружечную), обладало крупным капиталом и руководило мужским реальным училищем, женской гимназией (где обучались единоверцы, старообрядцы и православные) и единоверческим журналом «Голос православия». Председателем совета Братства был присяжный поверенный А. А. Папков. В совет входили видный правый политический деятель, гласный городской думы, генерал-лейтенант Н. Ф. Гейден, известный деятель православия князь А. А. Ухтомский. Но, как уже было сказано, преобладали в братстве купцы.

Среди членов братства семеро торговцев шапками. В том числе члены костромского благотворительного общества (см. подробнее далее) Г. И. Сандин (3 магазина), П. Ф. Лезов (2 магазина), И. Ф. и В. И. Зверевы (3 магазина), а также П. И. Комаров (3 магазина) и содержатели шапочных мастерских Ф. И. Шмелев и П. А. Огурешников. И. Ф. Зверев был старостой Никольской церкви, П. Ф. Лезов – членом совета богадельни Шустовых при николаевской церкви, Г. И. Сандин – старостой церкви Дмитрия Солунского.

Широко представлены в братстве были и строительные подрядчики – 12 человек, в том числе Ф. М. Рыбин (попечитель Никольской церкви на Николаевской улице) и члены КБО П. Ф. Ермолаев-Маслов (кровля), маляры И. Л. Львов и Н. А. Прохоров. 23 члена братства занимались торговлей (не считая вышеупомянутых шапочников).

Происходивший из угличских крестьян купец 1-й гильдии И. А. Баусов был председателем комитета столовой Ярославского благотворительного общества, старостой церкви преподобной Ксении (православной). Баусов владел складом железа и занимался москательной торговлей. Имел два доходных дома на Воронежской улице и Лиговке.

Гостинодворцы, ярославцы по происхождению, мануфактурщики А. Е. и И. Е. Урусовы (6 лавок) являлись крупнейшими жертвователями братства. Н. С. Семенову принадлежало 9 мелочных лавок в Спасской части. Братья Закиматывы содержали самую большую сеть квасных лавок в городе – 24. Состояло в братстве несколько крупных апраксинцев: Ф. И. Михайлов (посуда), И. М. Михайлов (куры, зелень), И. М. Зиновьев (мануфактура), П. И. Гринев (моды), И. В. Всеволодов (мебель), Шаров (галантерея), А. Н. Столяров (обувь), Н. Ф. и А. Ф. Марковы (мех и готовое платье).

Пятеро членов братства содержали ремесленные заведения. Причем Т. А. Иванов (староста церкви Сретения господня) – самый крупный в городе пряничный курень.

Таким образом, петербургское старообрядчество и единоверие представляли собой относительно периферийное явление столичной жизни.

Но, как и в остальной России, старообрядческие общины являлись своеобразными купеческими ассоциациями, способствовавшими приспособлению провинциалов к условиям Петербурга.

Глава 3 Питерщики

Уникальная особенность русской истории последнего столетия – урбанизация, не имеющая себе равных по интенсивности и кратковременности. По преимуществу деревенская страна (доля городского населения в предреволюционной России составляла 15 %) за 70 лет советской власти стала страной горожан (в 1989 г. в деревне жило менее трети населения). Десятки миллионов крестьян в течение 1–2 поколений превратились в городских жителей.

Процесс, достигший своего пика в конце 1920-х годов, начался в столицах России много раньше. В частности, рост населения Петербурга конца XIX – начала XX веков воистину феноменален среди других европейских городов.

При наблюдаемой всеми современниками и исследователями русской жизни последних предреволюционных десятилетий культурной пропасти, лежавшей между городом и деревней, огромные потоки крестьян, ежегодно затоплявшие столицу, не могли не привести к катастрофическим изменениям в социальном балансе. Вероятно, они и стали в конечном итоге едва ли не основной причиной событий 1917 г. и конца петербургского периода русской истории.

Петербург, подобно Москве и большинству других крупных европейских городов, населен приезжими. И все городское население, и рабочий класс столицы росли по преимуществу благодаря миграции. С конца XIX века коренные петербуржцы всегда составляли менее трети населения города. Естественный прирост на протяжении 1860-х – 1900-х годов никогда не превышал 28 % от общего годового прироста населения.

Таблица 3.1. Доля коренного населения среди жителей Петербурга

Из пяти главных российских сословий (дворяне, лица духовного звания, потомственные граждане, мещане, крестьяне) в столице преобладали именно последние, и чем дальше, тем больше.

Таблица 3.2. Крестьяне в Петербурге. 1869–1910

Полужирным курсивом показан индекс роста числа крестьян (крестьянок) по сравнению с данными предыдущей переписи.

Подавляющее большинство крестьян были горожанами в первом поколении. Согласно петербургской переписи 1910 г., в столице родилось 41 % дворян, 57 % мещан и только 24 % крестьян (в 1900 г. – 22 %). Среди крестьянских детей до 10 лет в Петербурге родилось 65 %, среди крестьян в возрасте от 16 до 30 лет – 11 %, от 31 до 40 – 6 %.

Крестьянское население Петербурга росло куда быстрее численности горожан других сословий. При этом город практически не делился на специфические «крестьянские» и «некрестьянские» части. Недавние деревенские жители предпочитали фабричные (Нарвская, запад и север Василеостровской, запад Выборгской частей) и торговые (Спасская, Московская части) районы. Но постепенно они начинали решительно преобладать и в аристократическом центре (Литейная, Казанская, Адмиралтейская части). А затем – и во всех участках и частях города. В 1910 г. их доля составляла у мужчин от 87,9 % населения (в 3-м участке Спасской части) до 54,1 % (в Лесном), а у женщин от 81,7 % (в Петергофском участке) до 51,0 % (в 3-м участке Казанской части). Наименее крестьянскими были части города, окружавшие административный центр: (запад Васильевского, юг Петроградской, район Мещанских и Казанской, Моховой и Гагаринской улиц), но и здесь они составляли более половины всех жителей.

Столица России – крестьянский город по преимуществу. И в этом смысле Петербург не отличается от других мегаполисов эпохи индустриализации. Другое дело – русская специфика. По точному определению Ленина, Россия – страна многоукладная. Разница между крестьянами, как правило, неграмотными, не испытывавшими потребности в деньгах, жившими почти натуральным хозяйством, и коренным населением имперской столицы, четвертого по величине города Европы, колоссальная. Это почти разные народы. Перечитайте «Мужики» Антона Чехова.

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
Петербург – первый значительный населенный пункт, увиденный крестьянином после родной деревни. Все внове: железная дорога, конка, многоэтажные дома, электрическое освещение, многолюдство, водопровод, ватерклозет.

Рис. 1. Доля крестьян-мужчин среди мужского населения полицейских участков Петербурга: а – по переписи 1881 г., б – по переписи 1910 г.

Русский север и северо-запад – основной поставщик крестьян-мигрантов в столицу – заселен редко. Деревни отстоят друг от друга на десятки верст. Сеть путей сообщения разрежена. Крестьянин проживает всю жизнь в окружении односельчан. Поездка в соседнюю деревню, на базар, в волость – события редкие и значительные. Опыт городской, тем более, столичной жизни в этих условиях представлялся погружением в своеобразный антимир.

Горожанин живет в среде, где ему поневоле приходится тесно соприкасаться с людьми отличного от него социума, имущественного положения, культурного уровня, обыкновений. Вся городская жизнь строится на социальнокультурных контрастах. Социальная разношерстность ведет к сосуществованию горожан, придерживающихся прямо противоположных норм поведения. Добродетельный семьянин делит кров или соседствует на рабочем месте с кутящим холостяком или проституткой, законопослушный – с вором и хулиганом, безбожник – с богобоязненным, пьяница – с трезвенником, Челкаш – с Гаврилой. Столичная специфика – ролевой стресс.

К тому же Петербург – один из немногих мегаполисов Европы, где почти не чувствовалась так называемая горизонтальная сегрегация. Нет ни бедных кварталов, ни богатых. В подавляющем большинстве полицейских частей и участков (напомним части: Адмиралтейская – между Невой и Мойкой, Казанская – от Мойки до Екатерининского канала, Спасская – от Екатерининского канала до Фонтанки, Литейная – между Невой, Фонтанкой и Невским проспектом и Лиговкой, Коломенская – от Крюкова канала до Невы, от Мойки до Фонтанки, Нарвская – от Фонтанки на юг до Екатерингофа, Рождественская – между Староневским, Лиговкой и Невой, Александро-Невская – к востоку от Лиговки до Невы, Петербургская, Выборгская, Василеостровская) все населяющие город сословные и социальные группы представлены почти в тех же пропорциях. Не было кварталов «рабочих», «гвардейских», «мещанских» и т. п.

Конка, трамвай (не говоря уж об извозчиках) не по карману ни студенту, ни крестьянину-отходнику, ни вдове мелкого чиновника. Вот почему всякий предпочитает жить поближе к месту работы. А для торговцев, строителей, трактирщиков, ремесленников это значит – рядом с потребителем.

Статус и общественное положение выявляли не столько квартал и улица, сколько этаж. Каждый дом – социальный Ноев ковчег, где жили и люди знатные, богатые (в лицевых квартирах бельэтажа), и средний класс (3–4-й этажи лицевых корпусов), и бедняки (в сдаваемых внаем комнатах дворовых флигелей и под крышей). В этом же доме могли помещаться лавки, трактиры, ремесленные мастерские, где работали и жили крестьяне-отходники.

Огромная масса отходников тем самым была лишена и своего социального гетто, где на скамеечках во дворах сидели бы знакомые старухи и можно выпить с земляком в трактире, где ты всегдагдай. Где дети коллег играли бы в пристенок или лапту. Но город принадлежал «чистым», мужики оказывались в нем в роли нынешних гастарбайтеров, т. е. почти на нелегальном положении.

Социальный контроль ослабевал. Сила деревенской общины – соседей, отца, матери, жены – отсутствует. То, что прежде казалось недопустимым, в столице терпимо, желательно или даже обязательно. И наоборот, простонародное, мужичье отрицается.

Обычное право, играющее в русской, особенно простонародной жизни решающую роль, ставится под сомнение. Хозяин становится отцом, клиент – важней родного дяди. Супружеская верность деревенской жене подвергается испытанию распущенными городскими девицами. Пьянство, гармоника, трактир, молодухи, байстрюки... Царство «желтого дьявола». И, тем не менее, большинству «питерщиков» удавалось приспособиться к столице.

Решающую роль играл механизм земляческой взаимоподдержки. В этом коконе вырастала русская купеческая молодежь. Этот купол защищал деревенского парнишку и делал его горожанином, а подчас и владельцем собственного предприятия.

Земляческой солидарности среди русских крестьян в Петербурге и посвящены последующие главы книги. Но речь пойдет не обо всех «питерщиках», а только тех из них, кто, говоря сегодняшним языком, был вовлечен в малый бизнес.

Петербург притягивал к себе крестьян-отходников из многих губерний европейской России (табл. 3.3), прежде всего Севера, нечерноземья, Верхнего Поволжья. Таблица 3.3. Численность крестьян-петербуржцев по губерниям приписки (в тысячах)

Как видно из табл. 3.3, вначале, в 1869 г., наиболее активными отходниками были крестьяне Ярославской, Тверской, Петербургской и Костромской губерний. А к 1910 г. вперед вырываются тверичи, за ними ярославцы, потом уроженцы Петербургской и Псковской губерний. Таблица 3.4. Динамика численности петербургских крестьян (индекс роста численности по сравнению с прошлой переписью)

В периоды быстрого промышленного роста (1870-е и 1890-е годы) быстрее всего увеличивалась численность уроженцев Витебской, Псковской и Новгородской губерний. Они поставляли в Петербург наименее квалифицированных и грамотных крестьян. Часть из них шла в подсобные рабочие (дворники, землекопы, домашнюю прислугу), другие перерабатывались городом и становились фабричными рабочими.

Что касается губерний промысловых (прежде всего Ярославской и Костромской), то число их уроженцев тоже росло, но медленнее. И, что характерно, в основном за счет крестьянок. В городе сложилось устойчивое ядро мужчин, уроженцев этих губерний, вросших в город достаточно, чтобы вызывать жен из родных деревень.

Распределение крестьян – уроженцев разных губерний в столице можно определить только по результатам одной городской переписи – 1881 г. (в других переписях эти сведения просто не фиксировались). В Петербурге крестьяне земляки, как уже было сказано, селились гораздо менее кучно, чем, скажем, национальные меньшинства [61]. Отличались уроженцы Ярославской губернии (их было больше в районе рынков), Калужской (они тяготели к Ямской слободе). А псковичи и витебцы и в городе старались держаться поближе к родным местам – первые у Варшавского вокзала, а вторые – у Царскосельского (Витебского) вокзала.

Итак, нас будут интересовать не все крестьяне, мигрировавшие в Петербург, а те, кто приезжал с определенным ремесленным навыком или возможностью его получить.

Можно представить себе такую географическую карту: европейская Россия усеяна пятнами различных цветов и размеров. Каждый цвет соответствует определенной специализации отхода, размер – количеству крестьян, отправляющихся в столицу. Такая карта напоминала бы большую новогоднюю открытку: множество непересекающихся кружков разных цветов и размеров.

Крестьянский отход в Петербург из каждого географического района Великороссии специализировался на определенной профессии. У каждой деревни и волости есть и свое неземледельческое ремесло, и место, где за это умение платят деньги.

Рис. 2. Губернии Российской империи с наибольшим числом отходников в Петербург

Рис. 3. Ярославская губерния

Рис. 4. Костромская губерния

Рис. 5. Тверская губерния

В материалах Петербургской купеческой управы, регистрировавшей лиц, желавших заняться в Петербурге собственным бизнесом, поражает сравнение общего количества «питерщиков» из разных губерний с процентным соотношением тех, кто получил «торговые свидетельства», то есть, по-нашему, лицензию на организацию собственной компании. Таблица 3.5. Распределение крестьян, выбравших торговые свидетельства в Петербурге, по губерниям приписки

К области преимущественно торгового и ремесленного отхода относилась, прежде всего, Верхняя Волга. Широкая полоса охватывала Корчевский, Старицкий, Кашинский и Калязинский уезды Тверской губернии, всю Ярославскую губернию, Солигаличский, Галичский, Чухломской, часть Буйского и Кологривского уездов Костромской губернии, Грязовецкий уезд Вологодской губернии.

Ядром этого региона стала Ярославская губерния, крестьяне которой могли добиться в Петербурге больших успехов, чем любая другая земляческая группа (исключая иностранцев и национальные меньшинства).

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
Еще один компактный район, дававший Петербургу целовальников и извозчиков, протянулся по обе стороны Оки. Он охватывал несколько волостей Коломенского и Серпуховского уездов Московской губернии, Зарайского уезда Рязанской губернии, Каширского, Веневского, Алексинского и Одоевского Тульской губернии, Боровского и Малоярославского Калужской губернии.

Интенсивным был отход (в основном строительных рабочих) из Петрозаводского уезда Олонецкой губернии. Фабрично-заводские рабочие, женская прислуга, чернорабочие, землекопы направлялись в Петербург по преимуществу из Псковского, Порховского, Великолуцкого уездов Псковской губернии, Демянского, Старорусского, Новгородского и Крестецкого уездов Новгородской губернии, Новоторжского, Вышневолоцкого, Ржевского и Тверского уездов Тверской губернии, Гжатского, Сычевского, Юхновского уездов Смоленской губернии, Дрисского и Лепельского уездов Витебской губернии.

Глава 4 Торговцы и трактирщики

Лавочные торговцы

Вплоть до революции торговля и трактирный промысел оставались в России вообще и в Петербурге в частности сферой по преимуществу мелкого предпринимательства. Монополизация шла не за счет создания универмагов (как это уже происходило на Западе), а путем покупки разбогатевшим владельцем торговых заведений того же профиля в других концах города. Первый и единственный универсальный магазин столицы в 1910-е годы – Гвардейское экономическое общество. В 1890 г. на одного владельца лавки приходилось 4,4 наемных рабочих, в 1900 – 5,5, в 1910 – 6,7. Эта структура особенно благоприятствовала земляческому принципу комплектования рабочей силы.

В торговле и трактирном промысле в Петербурге была занята примерно седьмая часть самодеятельного (трудового) мужского населения города (15 % в 1890 г., 13,9 % в 1900 г. и 16,3 % в 1910 г.). В торговле господствовали лавочники.

В 1890 г. в Петербурге проживали 8771 владелец торговых заведений, 3709 служащих и 34 800 рабочих, 11 943 одиночки. В 1900 г. торговлей в Петербурге и его пригородах было занято 8984 содержателя торговых заведений, 47 021 рабочий и 2736 служащих, 11 552 одиночки. В 1910 г. – 10 550 хозяев, 4506 служащих, 66 206 рабочих, 13 982 одиночки [62] .

Среди торговцев преобладали ярославцы. ни в одной области деятельности уроженцы Ярославской губернии не добивались таких заметных результатов, как в торговле, и ни одна из сфер столичной экономики не была монополизирована ими в такой степени. В 1867 г. торговцам из Ярославля принадлежало 2414 из 2680 торговых заведений Петербурга, т. е. 90,1 %; ярославцами были 37 % всех приказчиков города (2811 человек). В 1869 г. в Петербурге торговлей занималось 10 220 крестьян, приписанных к Ярославской губернии, что составляло 67,0 % всех торгующих крестьян и 44,8 % всех торговцев города. В 1901 году в Петербурге торговало 15 925 ярославских крестьян [63] .

Распределение ярославских крестьян, занятых в торговом отходе по уездам, дается на 1896 и 1901 гг., причем в 1901 г. в их число попало и немало занятых в трактирной промышленности, так что сведения за 1896 г. несколько точнее (табл. 4.2).

Торговый отход в Петербург был сосредоточен в замкнутом районе губернии, расположенном на стыке Ростовского, Угличского, Романовского, Рыбинского и Ярославского уездов (77,1 % всех торгующих в столице ярославцев). Такая высокая степень профессионально-территориальной специализации, несомненно, способствовала облегчению процесса акклиматизации в городе – ведь в столице одновременно находилось множество земляков.

Таблица 4.1. Распределение владельцев торговых заведений по уездам и губерниям приписки [64]

- 1- общее число выбравших торговые свидетельства;
- 2- владельцы заведений, торгующих продовольствием;
- 3- владельцы заведений, торгующих промышленными товарами, включая мелочные лавки.

Таблица 4.2. Распределение торговцев-отходников из Ярославской губернии по уездам

- 1- общее число торговцев-отходников в уезде;
  - 2- процент торговцев среди всех отходников уезда.
- В большинстве случаев мальчиков отдавали учениками в торговые заведения сразу по окончании ими сельской школы (26,7 % ярославских торговцев были моложе 18 лет). Обязательное условие занятия торговлей – грамотность, поэтому в районах торгового отхода молодежь была почти поголовно грамотна (в Мышкинском уезде, например, были грамотны 98 % торговцев).

Иногда мальчика отдавали торговцу-односельчанину, приехавшему в деревню на побывку, иногда его брал с собой в столицу отец, служивший в торговом заведении, чаще же пристраивали мальчика «по родству и знати», т. е. при помощи родных и знакомых, живущих в городе.

В возрасте 16–17 лет мальчик оканчивал ученичество и становился подручным – помощником приказчика, потом младшим и, в случае удачи, старшим помощником, приказчиком, наконец – доверенным. 7,2 % торговцев являлись самостоятельными хозяевами – шанс завести собственное дело здесь был выше, чем в какой-либо другой профессии. Наибольшие возможности преуспеть были в скупке скота и сена, торговле вразнос, торговле лесом и дровами, железом и строительными материалами, шорной и кожевенной торговле.

Ярославские торговцы, входившие в Ярославское благотворительное общество (см. далее), участвовали почти исключительно в торговле предметами массового потребления: 45 % продавали съестные припасы, 55 % – промтовары, 3,5 % занимались разносной и развозной торговлей.

Большинство торговцев-крестьян жили в столице постоянно и приезжали в деревню только раз в несколько лет на побывку. Те же, кто в городе не уживались и возвращались домой, считались, а часто и являлись неудачниками – «питерской браковкой».

Вот как писал в земскую газету крестьянин-корреспондент: «Город разверзает свою ненасытную пасть и поглощает черноземную силу деревни; около 50-ти процентов ее, правда, выплывает обратно, но в каком виде? Это в большинстве случаев негодный отброс, зараженный и пороками, и болезнями больших центров». Те же, кто приезжали в деревню, «живут в отпуске на кошелек глядя: если кошелек захромал – и охота явилась ехать на промысел». Большинство от крестьянского труда «отвыкают и гнушаются... Старики и жены их косят, например, с восхода солнечного, а они спят до завтрака, готовят чай и завтрак и после его с подростками и детьми косят сено ради удовольствия» [65] .

Смысл побывки для большинства приезжих «питерщиков» был в свидании с женами и детьми, в разлуке с которыми торговцы жили иногда годами. Только наиболее успешные из них могли выписать жену в город на время или навсегда.

Средние заработки ярославских торговцев в Петербурге были следующими: самостоятельных хозяев – 88 рублей в год, доверенных – 31 рубль, приказчиков – 15 рублей, подручных – 12,5 рублей, мальчика – 4 рубля. Квартира и харчи предоставлялись при этом за счет хозяина. Жили приказчики по несколько человек в комнате, отдельное от хозяина помещение полагалось доверенным. Еда была обильной: мясо 5 раз в неделю, чай 2–3 раза в день. Главная сложность торговой деятельности – длинный рабочий день при практическом отсутствии выходных.

Рабочий день в торговых заведениях столицы начинался в среднем в полседьмого утра и заканчивался без четверти десять вечера, то есть почти 16 часов. Перерывы в работе не были специально определены, но в среднем длились 2 часа.

В праздничные дни торговля продолжалась 4 часа. Регламентация эта не касалась лавок, торгующих продовольствием, где работало большинство ярославцев. У них было три выходных дня в году: Пасха, Троица и Рождество, а в Прощеное воскресенье, на Масленицу и в Фомино воскресенье (день

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org годового расчета с хозяевами) работали с 12 часов дня.

Отношения между хозяевами и служащими носили патриархальный характер. Хозяин играл по отношению к «молодцам» роль строгого, но справедливого деревенского большака. После пасхальной заутренней разговлялись все вместе, дома у хозяина. Приказчикам лавочник жаловал по пятерке, мальчикам – по двугривенному.

Перед Рождеством наступали в торговле самые горячие дни. Многочисленные петербургские чиновники получали наградные, все спешили обзавестись подарками к празднику. За несколько дней до Рождества молодцы собирали с окрестных торговцев деньги «на ложу» (театральную – Л. Л.). В Рождество пили кофе с хозяином, а потом кутили уже своей компанией по трактирам [66] .

Общине приказчиков и хозяев и в Петербурге почти не выходило из тесного деревенского земляческого круга: «Вино, карты, поездки друг к другу в «гости» (тоже для этих двух удовольствий), целые земляческие заседания в квартирах и ресторанах, фланирование по улицам, садам, посещение пошлых театральных «новинок» – вот почти постоянное проведение свободного времени. Ежедневно, когда закрываются Гостинодворские, Апраксинские и Маринские торговые заведения, служащие которых почти сплошь угличане, все окрестные трактиры, рестораны, пивные кишмя кишат сбросившим с себя трудовую ляжку людом. Возьмите, хотя бы, традиционную, пресловутую «Ягодку» (трактир внутри Апраксина двора – Л. Л.): в это время она переполнена угличанами; это их сборный пункт, клуб, что хотите.

Тайная мечта буквально каждого угличанина – сколотить копейку в этом Петербурге и как можно скорее уехать «на покой в деревню». Скупой, практичный и эгоист по отношению к другим – для земляка, если случится, угличанин сделает все. С большим или меньшим кругом своего знакомства угличанин не пропадет. Его, безработного, и поить, и кормить будут, и уложат на одной кровати, и в деревню отправят» [67] .

Наибольшее число петербургских лавок специализировалось на торговле съестным. В 1900 г. в ней было занято 46,8 % всех хозяев торговых заведений, 28,8 % торговых служащих, 59,2 % рабочих, 5,7 % одиночек; в 1910 г. – 53,1 % хозяев, 23,8 % служащих, 56,8 % рабочих, 7,8 % одиночек.

В торговле овощами ярославцы не знали равных. В 1867 г. им принадлежали 323 из 415 зеленных лавок Петербурга (77,8 %). По городской переписи 1869 г. 43,1 % владельцев зеленных лавок и 77,6 % торговцев зеленью были ярославцами. Зеленщики приходили в Петербург из юго-западного района губернии, откуда и огородники (см. ниже). В 1867 г. половина всех зеленщиков-ярославцев в Петербурге были ростовцами.

В 1896 г. 63,2 % из 2182 зеленщиков происходили из десяти волостей, где этот вид отхода был особенно распространен (три волости – Ростовского уезда, четыре – Угличского, по одной – Рыбинского, Ярославского, Романовского). В 1901 г. из 2189 торговцев овощами 73,3 % были выходцами из десяти волостей: пяти – Ростовского уезда, четырех – Угличского, одной – Ярославского.

Овощная торговля в Петербурге была тесно связана с мясной. «Обыкновенно, по утрам, когда покупают говядину, запасаются и овощами, которых берут немного, на один или два дня. Почти при каждой мясной лавке имеется зеленная торговля, и в таком случае на вывеске красуется надпись «мясная, зеленная и курятная торговля». По сторонам входных дверей, на особых вывесках, рукою опытного по этой части художника, в стиле фламандской школы, нарисованы атрибуты мясной, зеленой и курятной торговли: бык, пасущийся на лугу, груды овощей – капуста, редиска, морковь, и, наконец, куры и индюки. Плата за помещение делится поровну между двумя торговцами. В зимнее время, в Великом посту, нередко бывает, что мясник и зеленщик впускают в свою лавку еще третьего торговца – рыбака, который пристраивается где-нибудь у дверей лавки с мороженой рыбой» [68] .

Ярославцы были влиятельны и в торговле мясом. В 1866 г. им принадлежало 32,8 % всех мясных лавок Петербурга; в 1869 г. 35,6 % всех владельцев лавок и 67,2 % торговцев в них были ярославцами. К 1909 г. на Скотопромышленной и мясной бирже членами правления состояло 8 ярославцев, в том числе председатель – Н. А. Пузырев.

Мясной промысел концентрировался в нескольких волостях губернии. В 1901 г. из 3005 мясоторговцев губернии 2684 отправлялись в Петербург. 897 (30 %) выходили из трех соседних волостей – Некоузской и Ново-Троицкой Моложского уезда и Кузьевской Мышкинского; из десяти волостей с наибольшим числом мясников-отходопрмышленников выходило 57,4 %. Мясоторговцы приезжали в Петербург и из нескольких волостей Солигаличского и Чухломского уездов Костромской губернии. По данным торговой депутации в 1866 г. в Петербурге 25 % всех мясных лавок принадлежало костромичам (103 из 418): 45 – солигаличанам, 42 – чухломичам, 15 – уроженцам Костромского уезда. В

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org 1869 г. костромичи составляли 15,2 % владельцев мясных лавок столицы и 18,2 % приказчиков в них. В 1906 г. только из Мирохановской волости Чухломского уезда отходило в Петербург 107 мясоторговцев [69] .

В 1866 г. ярославцам принадлежало 149 фруктов и бакалейных лавок (32,9 % их общего числа в столице). По переписи 1869 г. 80 из 247 владельцев таких лавок (32,4 %) и 978 из 1499 приказчиков в них (65,2 %) были ярославцами. Больше всего фруктошников шло в Петербург из Романово-Борисоглебского (Артемьевская волость) и Угличского (Ермоловская и Покровская волости) уездов. В начале XX века ярославцы преобладали во фруктовой торговле города в большей степени, чем в каком-либо другом виде торговли.

Сильными являлись позиции ярославцев и в торговле рыбой. В 1869 г. 33,3 % владельцев рыбных лавок и 56,9 % персонала в них были ярославскими крестьянами. Как и в торговле мясом, в рыботорговле значительным было влияние костромичей (в 1869 г. – 17,3 % всех владельцев рыбных лавок и 21,4 % приказчиков).

Среди держателей молочных (сливочных) лавок в 1869 г. ярославские крестьяне составляли треть, среди работников – 56,9 %. Молочники были по преимуществу выходцами из нескольких деревень Моложского и Мышкинского уездов.

Пожалуй, наиболее активны ярославцы были в сфере мелочной торговли. В 1867 г. им принадлежало в столице 634 мелочные лавки (52,6 % общего их числа). По переписи 1869 г. ярославскими крестьянами были 53,2 % держателей мелочных лавок и 78,5 % торговцев в них. В 1901 г. из Ярославской губернии уходило в отход 7394 мелочных торговца, больше чем представителей любой другой торговой профессии. Мелочники отходили из Угличского, Рыбинского, Романовского, Ростовского и Мышкинского уездов, но больше всего (2672) человек были выходцами из замкнутого региона – семи волостей на стыке Ярославского, Ростовского, Угличского и Романово-Борисоглебского уездов.

Мелочные лавки старого Петербурга – «своего рода маленькие универсамы. Там можно было купить хлеб, селедку, овощи, крупу, конфеты, почтовые открытки и марки, дешевую посуду, лампадное, постное, сливочное и топленое масло, пироги с мясом, морковкой, саго, гречневой кашей. При мелочной лавке была и маленькая пекарня... Таких лавок было очень много... В них практиковался кредит. Кредитом пользовались постоянные посетители, которых знал хозяин» [70] .

В продаже промышленных товаров у ярославцев тоже были свои «ниши». Это, например, магазины по продаже ламп. Еще в 1869 г. 60,2 % их служащих были выходцами из Ярославской губернии.

Ярославцы, наряду с тверичами, были активны в разносной торговле. Олончане контролировали торговлю обувью. Перепись 1869 г. показывает, что они составляли половину всех крестьян-держателей лавок (всего лавок было 91) и 43,4 % всех приказчиков в таких лавках. В 1908 г. из 206 владельцев обувных лавок Петербурга 39 (18,9 %) являлись членами Олонецкого благотворительного общества [71] . Торговцы шапками происходили по преимуществу из села Молвитино Буйского уезда Костромской губернии; много шапочников отходило и из соседней Ильинской волости того же уезда. В 1869 г. костромичи владели 51 из 116 лавок по продаже шапок, 228 из 700 приказчиков и 103 из 172 ремесленников-шапочников являлись уроженцами Костромской губернии.

Половые и буфетчики

В петербургском трактирном промысле в 1890 г. было занято 619 хозяев заведений, 133 служащих и 9742 рабочих, в 1900 г. – 1065 хозяев, 126 служащих, 11 557 рабочих. Перепись 1910 г. дает сведения по трактирщикам, держателям и обслуживающему персоналу гостиниц, меблированных комнат и постоянных дворов вместе, и это не позволяет привести их точную численность.

Питейные заведения Петербурга конца XIX – начала XX веков в значительной степени контролировались выходцами из двух регионов России: верхневолжского, включающего несколько уездов Ярославской губернии и Грязовецкий уезд Вологодской губернии, и среднеокского, объединяющего соседние Коломенский уезд Московской губернии и Зарайский уезд Рязанской губернии (табл. 4.3).

Между ярославцами и вологодцами с одной стороны и рязанцами и

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org коломенцами с другой существовало разделение труда: первые содержали и обслуживали трактиры, вторые – ренсковые погреба и портерные лавки.

В трактирах, ресторанах, кафе, гостиницах («заведениях трактирного промысла») допускалась продажа спиртного в разлив («распивочно») и предполагалось приготовление пищи; в ренсковых погребах продажа вина и водочных изделий производилась исключительно на вынос, а с введением в Петербурге винной монополии (в 1898 г.) продажа осуществлялась по ценам, назначаемым ежегодно в законодательном порядке. С этого времени содержатели ренсковых погребов получали вознаграждение от казны [72] .

Таблица 4.3. Распределение крестьян – владельцев заведений трактирного промысла по уездам приписки

* Виды внутренней торговли и промышленности в Санкт-Петербурге. СПб., 1868.

Из 6277 петербургских половых в 1869 г. ярославскими крестьянами были 3116 (49,6 %), тверичами – 667, волгожанами – 435, рязанцами – 226, уроженцами Московской губернии – 141. Из 83 петербургских трактиров, находившихся в собственности крестьян, ярославцам принадлежало 43, москвичам – 11, рязанцам – 7. В то же время москвичам принадлежало 69 питейных заведений, рязанцам – 53, ярославцам – 79. Как видно, разрыв по сравнению с 1866 г. сократился, но жителям берегов Оки все еще принадлежало общее первенство в торговле спиртным.

Судя по «Справочным книгам С.-Петербургской купеческой управы», среднеокский регион отхода охватывал почти исключительно несколько соседних сел Коломенского уезда Московской губернии (Белые Колодези Акатьевской волости, Довичи и Озеры – Горской) и расположенного рядом с ним, вниз по Оке, Зарайского уезда Рязанской губернии (Дедилово – Дедиловской волости, Сосновка – Сенницкой). Дедилово в 1865 г. насчитывало 6595 жителей, в 1890-х – 6540, было три школы и четыре церкви. Село известно с XV века. При царе Алексее Михайловиче здесь был построен первый русский военный корабль «Орел» [73] .

«Сначала в целовальники (продавцы винных лавок – Ред.) шли одни гнусные промышленники, развратившиеся в городской жизни, потом в разных местностях сделалось обычаем вместо заработков ходить в города в целовальники, и, наконец, появились целые села, откуда на всю Россию выходили целовальники. Таковы богатые села Рязанской губернии: Белоомут, Ловцы, Дюбичи и знаменитое государственное село Дедново» [74] .

В 1873 г. предпринимателей – выходцев из Горской волости Коломенского уезда в Петербурге было 33, из села Белый Колодезь (Акатьевская волость) – 29, из Дедилово Зарайского уезда – 18, из Сенницкой волости того же уезда – 25. Для сравнения: 26 человек дала вся Вологодская губерния, 31 – Костромская.

В 1890 г. 88 крестьян Коломенского уезда содержали в Петербурге ренсковые погреба и трактиры. 38 из них являлись выходцами из села Белый Колодезь Акатьевской волости (ни один населенный пункт Российской империи не давал Петербургу больше предпринимателей, чем это село, в котором в начале 1860-х годов жило всего 1823 человека), 12 – из деревни Озеры, 9 – Холмово, 7 – Горы, 5 – Стребково (все – Горской волости). В Петербурге существовали целые семейные кланы коломенцев: трем братьям Шумковым из Белого Колодезя принадлежало 10 ренсковых погребов, братьям Сидоровым из Холмова – 7 и т. д.

В том же 1890 г. из крестьян Зарайского уезда Рязанской губернии происходил 51 виноторговец. Здесь степень концентрации отходников тоже очень высока: 22 из села Дедилово Дедиловской волости, 15 из Сосновки Сенницкой волости. Богатство и относительная просвещенность крестьян этого района бросалась в глаза. В 1913 г. сельские сходы в Белоомуте и Довичах постановили просить министерство народного просвещения открыть у них гимназии (вещь для тогдашних сел неслыханная), причем обязались выделить на эти цели 3 тыс. рублей единовременно и еще по 200 рублей каждый год [75] .

С введением винной монополии число заведений, торгующих «распивочно и на вынос», заметно сокращается, а вместе с тем сокращается и количество предпринимателей среди зарайцев и коломенцев.

Так, в 1902 г. из 33 крестьян Коломенского уезда, владельцев питейных заведений в Петербурге уроженцев Бедых Колодезей было 17 (в 1912 г. 18 из 35), Озер – 11; из 17 зарайских трактировладельцев 10 были выходцами из Дедиловской волости (в 1912 г. – 9 из 25), 5 – из Сенницкой.

Если содержатель ренского погреба в Петербурге почти всегда коломенец или зараец, то половой – крестьянин ярославской губернии. Ярославский половой с начала XIX века – неизменный, хотя и эпизодический

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org герой русской литературы.

«Взойдите в любой дом, озаменованный надписью растерации, трактира, гостиницы, харчевни и даже распивочной лавочки с продажей пива и меду – везде вы встретите людей, у которых все говорит и все вертится, как будто они наполнены ртутью, и вы можете познакомиться поближе с ярославцами. Это первое и главное поприще их деятельности, начиная с малочинной степени полового и разносчика различных горячих и вскипяченных питей до почетного класса маркеров...» [76] .

«Трактирщик не ярославец, – писал в 1849 г. в очерке "Ярославцы в Москве" И. Т. Кокорев, – явление странное, существо подозрительное» [77] .

«Кто не знает ярославцев... Многие ли не видали типичных половых, которые с ловкостью акробатов носятся как вихрь с грудой тарелок и стаканов в одной руке, держа в другой тарелку с налитыми до краев рюмками живительной влаги и из них ни одна капля не расплескается; хоть сейчас в цирк показывать фокусы жонглирования с наполненной посудой, а насчет услуги – это первый в мире народ, далеко оставляющий за собой и французских гарсонов, и немецких кельнеров, и ресторанных татар» [78] .

«Ярославские половые известны едва ли не всей России; по крайней мере, в редком из значительных городов не найдете ярославца, служащего в трактире. Довкость и изворотливость ярославца делают его почти необходимым для каждого трактирного заведения, наполненного обыкновенно многочисленными посетителями, из которых каждый требует внимательности к себе и поспешной услуги, а едва ли кто лучше ярославца успеет угодить каждому гостю, не забывая при этом хозяйскую выгоду и свою собственную. Большая часть из них начинают свою карьеру в каком-либо трактире, харчевне или гостинице, мальчиком, состоящим только на посылках для передачи многообразных требований посетителей. Жалование дают ему не раньше, как по истечении 3–4 лет, пока не получит он в свое заведование какой-нибудь залы, буфета или биллиардной; тогда он уже получает название полового, буфетчика или маркера» [79] .

В 1854 г. половые «составляли господствующий род промышленников» в четырех сельских обществах Угличского уезда, трех – Романово-Борисоглебского, двух – Рыбинского и Пошехонского, по одному сельскому обществу в Даниловском, Дюбимском и Мышкинском уездах. Всего в этом году в Петербург из Ярославля уходило 1476 крестьян-трактирщиков (больше всего – 504 из Дюбимского уезда).

Начало трактирного промысла ярославцев в Петербурге относится, как мы видим, еще ко времени крепостного права.

В 1869 г. ярославские крестьяне составляли 13,1 % всех владельцев и 49,7 % всех рабочих в петербургских трактирах, 39,4 % владельцев и 63,9 % рабочих в съестных лавках и 36,7 % всех занятых в трактирном деле.

Значение ярославцев в трактирном промысле столицы осталось главенствующим вплоть до начала XX века.

Городская перепись 1890 г. определяла число занятых в трактирном промысле столицы в 25 189 человек (из них 1647 – трактировладельцы). В 1900 г. число занятых в этом промысле (включая выделенных отдельными строками официантов и поваров, служащих в портерных и гостиницах) составило 18 618 человек. Между тем, из Ярославской губернии в трактирные заведения Петербурга в 1896 г. направлялось 8585, а в 1901 г. – 7889 человек. Исходя из этих цифр, следует предположить, что ярославцы на рубеже веков составляли не менее трети всех занятых в трактирном промысле столицы. По подсчетам петербургского журналиста Н. Н. Животова, в середине 1890-х годов из 320 петербургских трактирщиков около 200 по происхождению были ярославцами.

О влиянии ярославского землячества в трактирном промысле свидетельствует и топонимика. В 1909 г. в Петербурге, судя по известному справочнику «Весь Петербург», существовало по 6 трактиров с названиями «Дюбим» и «Ростов», 4 «Рыбинска», по 2 «Углича» и «Ярославля», по одному «Данилову», «Мышкину», «Заозерью», «Ярославцу»; в 1913 г. – 11 трактиров под названием «Ярославль», 6 – «Ростов», 4 – «Дюбим», по два «Рыбинска», «Углича» и «Данилова», «Романов», «Ярославец» и ресторан «Ново-Ярославец».

В 1911–1917 гг. в Петербурге выходил ежемесячный журнал «Ресторанное дело» под редакцией Н. Позднякова-Ухтомского, уроженца Поддорванской волости Пошехонского уезда Ярославской губернии, в прошлом мальчика, а затем приказчика ренского погребца [80] . Журнал был фактически органом трактировладельцев – выходцев из Ярославской губернии; он является уникальным источником по быту одного из петербургских землячеств и далее нам придется на него неоднократно ссылаться.

Трактирный промысел топографически был локализован в меньшей степени, нежели другие виды отхода. В 1896 г. в него было вовлечено в той или иной мере население 136 из 165 волостей губернии (82,4 % всех волостей). 17 649

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org ярославских крестьян (13,6 % всего отхода) занимались этой профессией.

К 1901 г. трактирный отход значительно уменьшился. К. Воробьев объяснял этот спад введением в 1897 г. винной монополии в Петербурге, резко сократившей число трактиров «с крепкими напитками». К тому же, по его мнению, паспортная статистика 1901 г. не всегда различала трактирщиков и «вообще торговцев без обозначения видов торговли», так что почти половина лиц, занятых в трактирном промысле, оказалась в этой последней категории. По данным Л. Кириллова, в 1896 г. трактиропромышленники распределялись следующим образом (см. табл. 4.4, в которой приведены данные только по тем волостям, откуда в петербургские трактиры уходило не менее четверти всех отходников).

Это, прежде всего, северо-восточный регион, охватывающий шесть волостей Любимского, две Даниловского и одну Пошехонского уезда. Все 9 волостей северо-востока губернии, в которых трактирным промыслом занято было более четверти отходников, образуют непрерывную полосу, вытянутую с востока на запад вдоль границы с Грязовецким уездом Вологодской губернии (уроженцы которого, как будет показано позже, были тоже весьма приметны в трактирном отходе).

Хотя сообщение этой части губернии с Москвой облегчала прорезавшая ее железная дорога Вологда – Москва, отход в Петербург здесь преобладал более чем в каком-либо другом регионе Ярославщины. В 1901 г. в Петербург направлялось 85,5 % всех отходников этого района (всего по губернии 61,0 %). Они составляли 21,4 % всех ярославских отходников-трактиропромышленников и 24,7 % всех отходников губернии, уходивших в петербургские трактиры (3423 из 13 832 человек). При этом особенно велика была порайонная специализация в Любимском уезде: из шести волостей (всего их в уезде было 9) уходило 97,3 % всех трактирщиков-петербуржцев уезда, в Даниловском и Пошехонском этот показатель ниже (соответственно 55,5 % и 58,7 %).

Как писал К. Воробьев о любимцах (видимо, эту характеристику следует распространить и на их соседей пошехонцев и даниловцев): «Самая характеристическая черта ... уезда, придающая совсем исключительную физиономию типу любимского народонаселения и его быту, заключается в трактирном промысле... В этом промысле, начиная от содержателей «заведений» до всех низших степеней трактирной иерархии, преимущественно приказчиков, буфетчиков и конторщиков (менее – слуг и половых, в ряды которых ставят своих людей другие уезды Ярославской губернии, в особенности Ростовский), любимцы изошрились до полного совершенства...

Весьма естественно, что хозяева берут на служительские должности своих земляков, между ними передаются из рук в руки и заведения, и должности. Они переходят от одного к другому вследствие разных сделок, а также браков – в приданое.

Любимцы, односельчане и соседи, даже чередуются между собой на местах в Петербурге и по очереди возвращаются домой, пожить с семьей и отдохнуть на более ли менее продолжительное время, часто на целые годы от утомительных и расстраивавших здоровье трактирных занятий. Все любимское население долго, может быть веками воспитано для этого промысла и из кого же больше, как ни из него рекрутировать любимцам-хозяевам в Питере весь свой трактирный персонал» [81].

По словам П. Грбовщикова, крестьянина села Малачугово Любимского уезда, «все отходники живут исключительно в Петербурге по трактирной и мелочной торговле. Отправляют мальчиков от 12–15 лет с извозчиками, которые не стараются поставить их на хорошее место, а стараются поскорее сбыть их с рук. Поэтому дети поступают в такие грязные и развратные дома, где, в конце концов, теряют свою нравственность, честь и все что есть свежего».

Впрочем, есть и «хорошие наживщики из поваров и буфетчиков, только таких-то из сотни – один, а много – два» [82].

Характерна зафиксированная В. Далем поговорка о любимцах: «Двенадцатый час, а матушки с миру не бывало» [83]. Мирские обязанности в уезде за отсутствием мужчин, отправлявшихся на промысел, выполняли женщины.

Несмотря на такого рода неформальные связи, у любимцев, пошехонцев и даниловцев, в отличие от угличан и мышкинцев, своего официального землячества в Петербурге не было. Некоторые из них являлись членами Угличского и Мышкинского благотворительных обществ.

Вдоль Волги, от Прилук до Романова-Борисоглебска был вытянут второй регион трактирного отхода. Он распадается на несколько не имеющих общих границ регионов: сплотка Муравьевской волости Мышкинского и Ермоловской волости Угличского уездов, расположенных друг напротив друга по противоположным берегам Волги; ниже по течению Волги располагался анклав, состоявший из 5 волостей Мышкинского уезда: Ново-Никольской, Юрьевской, Поводневской, Архангельской и Крюковской; еще ниже от границы Мышкинского и

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
Рыбинского уездов вытянулась сплошная полоса шести волостей: трех
Рыбинского (Глебовская, Ивановская, Панфиловская) и трех
Романово-Борисоглебского (Андреевская, Артемьевская, Хопылевская) уездов.

Всего из этого района в Петербург уходило 3085 трактирщиков (22,3 % от губернского итога). Степень порайонной концентрации отходников сравнительно невысокая. Из перечисленных волостей уходило в столицу 40,2 % трактиропромышленников (в Угличском уезде – 11,6 %, в Мышкинском – 53,2 %, Романово-Борисоглебском – 47,7 %, Рыбинском – 49,6 %).

Трактировладельцы из мышкинцев и угличан занимали видное место в петербургском ресторанном мире и ярославском землячестве. В просмотренном нами комплекте «Ресторанного дела» упоминаются 11 мышкинцев, 7 угличан, 2 рыбинца, 3 романовца, 10 любимцев, 5 пошехонцев и один даниловец.

Трактирный промысел распространен был и в соседних с Ярославской волостях других губерний, например, в волостях Калязинского и Кашинского уездов Тверской губернии [84].

Особенно заметен был трактирный отход в Петербург в Грязовецком уезде Вологодской губернии, граничившем с юга с Любимским уездом. В 1866 г. крестьянам уезда принадлежало в Петербурге 4 трактира с 19 половыми, 14 питейных заведений (11 половых), 8 съестных лавок (1). В 1869 г. по числу занятых в трактирном промысле волгожане уступали только ярославцам и тверичам (5 из 328 трактировладельцев и 435 из 6277 трактирослужащих).

В 1890 г., согласно справочнику Петербургской купеческой управы, в столице числилось 17 трактировладельцев из Грязовецкого уезда (в основном из самого Грязовца, Ростилловской и Семеновской волостей). Показательно, что из 172 крестьян, получивших в 1907 г. пособие от Общества вспомоществования волгожанам в Петербурге, 114 было из Грязовецкого уезда [85]. Из грязовецких трактирщиков наиболее заметными были Ф. Столбухин и клан Оленчиковых (см. гл. 5). Таблица 4.4. Распределение трактирного отхода в 1896 г. по уездам и волостям Ярославской губернии

1– процент отходников, направлявшихся в 1901 г. в Петербург;

2– процент трактиропромышленников, отходивших в Петербург в 1896 г. (оценка);

3– количество трактиропромышленников, отходивших в Петербург в 1896 г. (оценка).

По замечанию К. Воробьева, «если вообще ярославский отход отнимает у деревни лучшие рабочие силы, то тем более это можно сказать о трактирном промысле, требующем подвижности, бойкости и расторопности» [86]. Трактирные «мальчики» начинали обучение промыслу несколько позже, чем их земляки. Доля детей и подростков моложе 16 лет среди трактирщиков была значительно ниже, чем среди всех ярославских отходников (5,9 % и 10,5 %). Среди всех других профессиональных групп детский труд меньше использовался лишь у огородников и штукатуров. Преобладающая часть трактирщиков (68,9 %) находилась в возрасте от 18 до 40 лет, причем среди них более чем в какой-либо другой группе ярославских отходников была высока доля лиц от 21 до 30 лет – 36,3 %.

Можно предположить, однако, что больше шансов добиться успеха в трактирном промысле было у тех, кто начинал подвизаться на этой стезе в детстве. Среди 9 трактировладельцев, в биографических данных которых содержится упоминание о возрасте прибытия из Ярославля в Петербург, один стал «мальчиком» в 10 лет, один – в 11, четыре – в 12, один – в 14, один – в 15 и один – в 18 лет.

«По заведенному исстари обычаю мальчиков ... через посредство извозчиков отправляют в Москву или через родных и знакомых в Санкт-Петербург, где их пристраивают на места. Хорошо если в хорошую гостиницу, тогда еще из него может что-нибудь выйти, а в большинстве случаев пристраивают в трактир, посещаемый разной сборной публикой, в том числе и жульем» [87].

В отличие от других видов промысла, где мальчики работали на хозяина бесплатно (за харчи и обучение ремеслу), в трактире они сразу (помимо бесплатного питания и угла для ночлега) получали жалованье, в среднем от 2 до 5 рублей в месяц. Мальчик начинал с подсобной работы (мытьё посуды, уборка в зале и на кухне) и, при удаче, вскоре становился «шестеркой».

«Шестерка» – общераспространенное в Петербурге с конца XIX века прозвище официанта заурядного трактира. В заведениях, имевших лучшую репутацию, официант именовался половым, служащим или просто «человеком». Собственно официантами называли прислугу ресторанов: «фрак, белый галстук,

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org белый жилет, баки, брюшко» [88]. Официантами работали в основном татары, французы, немцы, реже – петербуржцы. Ярославцев среди них почти не было.

Путь от мальчика до шестерки у трактирщиков менее продолжителен, чем, например, у ремесленников (где шестерке соответствовал подмастерье), поэтому доля мальчиков в общем числе трактирщиков была более чем в два раза ниже, чем среди всех ярославских отходников (соответственно 4,2 и 10,8 %).

«В большинстве трактирная шестерка – какой-то несчастный лакей без роду, без племени, ради нужды и голода идущий служить за 5–7 рублей в месяц, работать с 7 часов утра до 1–2 часов ночи.

Но есть и другой тип шестерки. Он окончил полный курс наук по своей профессии и прошел с детства следующие должности: мальчик в судомойной, помощник шестерки (в залах или номерах, смотря по роду заведения), мальчик за буфетом, младший слуга, подручный буфетчика, и, наконец, если во всех перечисленных должностях успешно сдал экзамен, жалуется в звание самостоятельного шестерки с правом получить из-за буфета «марки» на 5 – 25 рублей.

Из нынешних владельцев трактиров почти 2/3 вышли из шестерок, но, увы, гораздо чаще шестерки идут в арестантские роты и в ночлежки... из мальчиков только 10 % выходят в шестерки, а из шестерок только 10 % – в люди. Нужно иметь железную волю, закаленный характер и большой ум, чтобы оставаться равнодушным ко всем этим слабостям человеческого организма.

Шестерка в прошлом – в большинстве случаев ярославец, и часто мышкинский. Это, так сказать, рядовой шестерка, имеющий в Петербурге многих родственников хозяевами и буфетчиками. Среди ярославских шестерок гораздо меньше спившихся, они отлично служат, умеют всем угодить, услужить, а главное, обладают особым тактом и чутьем, столь ценным в трактирном ремесле. Вообще, от хорошего шестерки требуются качества дипломата, коммерсанта, экономиста, финансиста, гастронома, санитаря и т. д. [89] ».

Заработок у служащего в трактире состоял из получаемой от хозяина платы и чаевых. Хозяйка платили мальчику в среднем 2,8 рубля в месяц, половым – 8,1, буфетчикам – 40. На такие деньги в Петербурге прожить было практически невозможно. Ни в одном виде ярославского отхода таких мизерных заработков не встречается. Более того, по данным К. Воробьева, мальчик высылал на родину в год в среднем 33,5 рубля в год (при жалованье 33,6 рублей за полные 12 месяцев), половой соответственно 122,3 (жалованье – 97,2), буфетчик – 238,3 (304,8) [90]. Таким образом, чаевые составляли не только обязательную, но и преобладающую часть дохода трактирного служащего.

Размер их определить довольно сложно. В петербургских ресторанах «было принято оставлять деньги поверх счета с прибавкой не менее десяти процентов официанту и метрдотелю» [91]. По словам одного из корреспондентов ярославского земства «грамотным лицам, ловким и долгоживущим у одного хозяина, плата полагается от 5 до 6 рублей в месяц на хозяйских харчах. При этом бывают доходы независимо от жалования, коих получается от 10 до 30 рублей в месяц. Вообще доходы в разных заведениях и для разных лиц крайне неопределенны» [92].

Еще один источник побочных доходов трактирной прислуги – обман клиентов, а иногда и хозяина. Шестерке необходимо было быть «своего рода мазуриком, живущим ежедневным, ежедневным обманом... свидетель всего самого безнравственного, бесчестного и безобразного» [93].

Наиболее распространенный способ незаконного заработка – обсчет пьяных посетителей. Естественно, трактирная прислуга работала в сговоре с проститутками, помогавшими напоить и обобрать закутившего клиента. Его «примазывали» или «обставляли» – выставляли завышенный счет; иногда при этом на столик или в отдельный кабинет незаметно подставляли пустые бутылки из-под спиртного, якобы выпитого посетителем, пользовались естественным для загулявшего русского человека желанием не мелочиться и не скандалить из-за счета при даме. Бывало, что у впавшего в бессознательное состояние посетителя просто вынимали бумажник.

Наконец, отдельный доход шел от незаконной торговли водкой в заведениях «без крепких напитков», сводничества. Более рискованными являлись манипуляции с «марками» – специальными жетонами, которые выдавались половым для расчета с буфетом. Кое-кто ухитрялся «утащить от хозяина требуемые посетителями предметы без оплаты их марками. Замеченные в таком деянии приказчиком или хозяином немедленно увольнялись. Приходится искать другого места, а найти его не шутка: в продолжение долгих поисков некоторые вещи и одежда изнашиваются, другие продаются на пропитание, а их и всех-то немного, а тут и паспорту срок, возобновить не на что, да и не дадут, если мало послал домой – домашние, или если не уплачены подати – староста. В таких случаях они идут домой «яко наг, яко благ и дух сокрушен»; других полиция препровождает по этапу. А то бывает, находясь без дела, живут в ночлежных квартирах, среди разной воровской братии, а оттуда

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org кандидат куда угодно» [94] .

Жизнь «человека из ресторана» представляла цепь бесконечных унижений. Анонимные авторы «Правды» жаловались на буфетчика ресторана «Белый медведь» Д. Л. Новожилова, который, поступив в ресторан, «самым циничным образом стал издеваться над всеми служащими ресторана: нет никому имен и фамилий, а есть собачья кличка: сволочь, паразит, Демьян, Г...ед, вошь этапная». Плевки в лицо, оскорбления при клиентах, рукоприкладство. На такое же обращение жаловались половые чайной Макокина.

В ресторане Крутецкого хозяин «своих служащих настоящими именами называет разве по двенадцатым праздникам – ходячие же названия у него: «холуй, сукин сын, сволочь, дурак» [95] .

Трактирная прислуга в большинстве случаев пользовалась комнатой «от хозяина». Чаще всего это была отдельная общая комната в хозяйской квартире; иногда шестерки спали прямо в помещении трактира. Отдельная комната полагалась только трактирной аристократии – буфетчикам. Пища для всех служивших в трактирах полагалась бесплатно и за исключением постных дней была мясной.

Самым трудным в трактирном промысле был продолжительный рабочий день. Он начинался в среднем 7 утра, а заканчивался в 11 вечера, то есть обычно продолжался 16 часов. После ухода посетителей следовало еще убрать посуду, подмести и натереть полы в зале. Обеденных перерывов у трактирных служащих тоже не было, обедали они по очереди, в те моменты, когда было мало посетителей. В течение всего года шестерки имели только два выходных дня – Рождество и Пасха. Но если шестерка выдерживал все тяжести трактирного труда и счастливо избегал всех его искусов, у него была перспектива стать буфетчиком, а затем и хозяином собственного заведения. Иногда земляку давали под небольшой процент кредит на его покупку односельчане трактиропромышленники, а иногда сметливому и расторопному парню трактир доставался в приданое за дочкой хозяина.

Глава 5 Ремесленные артели

Ростовские огородники

Овощи – продукт относительно дешевый. Везти их издалека дорого. Проще производить рядом: так было в Париже, Москве, Лондоне.

Петербургцы не выращивали капусту, лук, репу, морковь, редьку, укроп и петрушку в других губерниях. Все росло в теплицах и на грядках в петербургских пригородах и производилось русскими отхожими мужиками. Единственное исключение – картошка. Немецкий продукт высевали переселенцы из Пруссии, Баварии, Гессена. Но где? В Ивановском, Стрельне, Средней Рогатке, Веселом Поселке.

Меж тем, Петербург с аппетитом ежедневно поглощал сотни тонн овощей. Местных, не привезенных. Их выращивали на территории города уроженцы Верхней Волги.

Вокруг озера Неро, на берегах которого стоит Ростов Великий, располагается историческая колыбель русского огородничества. Старейшие центры огородничества – расположенные на восточном берегу озера села Сулость, Поречье, Воржа и Угодичи. «По словам местных жителей, они не помнят, чтобы их предки когда-либо занимались иной культурой. Все огородное хозяйство лежит исключительно на женщинах, которые ведут его с помощью наемных рабочих. Тогда как мужчины отправляются в отхожие промыслы, разнося по всей России знакомство с огородным делом. Производятся здесь, главным образом, цикорий и горошек, затем различные душистые, медицинские и кухонные растения, а также огородные – лук и огурцы».

Автор единственной специальной монографии о столичном овощеводстве пишет: «Несомненно: огородничество в Петербург занесено из Ростовского уезда Ярославской губернии. Это представляет собой преемственное дело и наиболее выдающиеся петербургские огородники, вспоминая своих предков, говорят, что прадеды их являлись из Ростовского уезда. Среди тамошних

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org местных фамилий нашел я много тождественных с фамилиями многих петербургских огородников» [96] .

По словам автора, сама техника выращивания овощей открытого грунта пришла в столицу из Ростовского уезда и здесь была усовершенствована.

В 1848 г. «Ярославские губернские ведомости» писали о занятиях крестьян Поречья: «Домашнее огородничество, несмотря на высшую степень развития этой промышленности, не составляет главного источника народного богатства ...Здесь народонаселение бывает налицо только зимою, а в летнее время более половины жителей рассеиваются по столичным и губернским городам. Главный предмет их промышленности здесь, как и дома, огородничество, для которого земля многими из промышленников приобретена в неотъемлемую собственность, а другими берется в откуп» [97] .

Вотчинные архивы Голицыных (владельцев Сулости) и Орловых (им принадлежало Поречье) свидетельствуют: задолго до отмены крепостного права ростовские крестьяне превратили свои петербургские огороды в товарные, высокорентабельные хозяйства, основанные на земляческой спайке. Они контролировали не только производство свежих овощей в столице, но и их сбыт: «Почти из каждого дома в селениях здешнего уезда, – рассказывал бытописатель Ростова, – одна или две семьи находятся в отсуствии. Отъезжая большей частью в Петербург, некоторые из крестьян идут в приказчики, преимущественно в зеленые и мучные торговцы, другие – на работы в обширные огороды, содержатели которых тоже ростовцы, третьи производят продажу в разностно разных овощей» [98] .

Хозяева огородов не разрывали связи с ярославской родиной. Рабочими у них были почти исключительно земляки; пустующие в деревне участки они сдавали односельчанам; организовывали первичную обработку овощей в Ростовском уезде, транспортировку и продажу их в Петербурге.

В 1830 – 50 годах крестьяне Сулости половину всего оброка выплачивали Голицыным прямо в Петербурге. Многие из них имели в столице обширные огородные участки и дома, купленные на имя помещика. Доходы их были таковы, что в результате наводнения 1824 г. только огородам жителей Сулости, причём лишь тем из них, что располагались за Московской заставой, был нанесен ущерб в 25 тыс. руб. [99]

Самыми богатыми и известными из суловцев считались в середине позапрошлого века Андрей Попков (имевший в 1840 г. 15 625 руб. годового дохода), братья Веревкины (2500 руб. дохода в 1857 г.), братья Сакеевы (их годовые расходы на аренду и оплату огородных рабочих достигали 4000 рублей серебром), семья А. Г. и А. А. Грачевых. Из поречан наиболее преуспели братья Хохольковы и Абрам Пыхов.

Оброк, который петербургские огородники-предприниматели платили своим помещикам, хотя и был значительным, но все же не чрезмерным по отношению к их доходам. В 1830 г. Голицыны получали в год от 8 до 74 рублей с души. С 1844 г. оброк «главнейших богатеев» был повышен до 200 рублей. К 1861 г., однако, большинство из них уже выкупилось на волю (за суммы от 4 до 13 тысяч рублей ассигнациями).

В 1850 – 70 годах известнейшим из петербургских огородников-ростовчан был, несомненно, уроженец Сулости Ефим Грачев. Он был знаменит, прежде всего, солеными огурцами (1,5 миллиона огурцов заготавливали его огороды в сезон), шампиньонами, арбузами, дынями, редькой, капустой. На российских и международных сельскохозяйственных выставках он получил общим счетом 62 медали, вывел 4 новых сорта белокочанной капусты, 12 сортов репы, 4 – свеклы, 8 – редьки, 35 – редиса, 25 – кукурузы, 8 – гороха, 3 – лука и более 100 сортов картофеля. Урожай на огороде Ефима Грачева достигали по некоторым культурам «сам – 44», т. е. получал в сорок четыре раза больше, чем высевал.

Грачев был кавалером ордена Владимира 4-й степени. «Вестник Императорского общества плодоводства» писал о нем: «Г-н Грачев принадлежит, бесспорно, к искуснейшим огородникам, как это доказывают предметы, доставляемые им на месячные и годовые выставки нашего общества. Огород Грачева занимает значительное пространство и возделан превосходно. Он до того засажен овощами, что на нем нет свободного места: там, где место не занято растениями, вырыта яма для жидкости. На огороде также находятся строения для жилья, ледник, здание для шампиньонов, низкие помещения для выгонки разных овощей и длинные ряды парников. Многочисленные навозные гряды почти все засаживаются у г. Грачева дынями и арбузами, потребляемыми в Петербурге несравненно в большем количестве, чем за границей. Промежутки между парниковыми грядами на огороде г. Грачева наполнены навозной землей и засажены капустой» [100] .

В 1896 г. большинство огородов в Санкт-Петербурге по-прежнему арендуется ярославскими крестьянами. «Всего в Петербурге насчитывается 700–800 огородников-хозяев, которые арендуют несколько тысяч десятин

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org земли». По мере роста города, огороды смещались вместе с городской чертой. «Огороды раскинуты, преимущественно, на окраинах столицы. Но с течением времени и окраины начинают населяться, процветать; земли, бывшие под огородами, скупаются спекулянтами, застраиваются, а огороды переносятся подальше от города» [101] .

Вплоть до 1910-х годов под огородами была северная часть Петербургской стороны (на месте нынешней площади Льва Толстого еще в начале XX века разводили артишоки), большие участки Васильевского острова и за рекой Фонтанкой.

К 1914 г. в Петербурге насчитывалось 500 огородов средней площадью 8 десятин каждый. 25 % огородов размещалось в Нарвской части, 20 % – в Выборгской, 19 % – за Московской заставой, 10 % – в Старом Петергофе, 5 % – на Охтах, 3 % – на Черной Речке, 1 % – на Васильевском острове [102] . Здесь выращивали огурцы, картофель, капусту, клубнику, спаржу, артишоки.

Торговое огородничество требует тщательной обработки земли и кропотливого ухода. Ростовцы имели преемственную хорошую школу и вскоре практически монополизировали петербургские огороды. В 1853 г. из 5626 огородников Ростовского уезда (всего в губернии их было 6962) 4535 человек (или 80,6 %) уходило в Петербург (из губернии – 5399 человек или 77,5 %). Кроме того, в том же году в столице находилось 184 ярославца-садовника [103] .

В 1859 г. автор официального обзора писал о Петербурге: «Сколько сдается огородов ...из показаний крестьян определить с точностью нельзя, но можно с достоверностью положить, что из общего числа огородов огромное большинство снимается ростовскими огородниками из государственных крестьян». Количество ярославцев в столице было трудно определить еще и потому, что те из них, кто преуспел, выписывались в купечество: «... каждый год выписывается в купцы, по крайней мере, от 5 до 10 семей» [104] . Городская перепись 1869 г. (она проводилась зимой, когда подавляющее большинство сезонников возвращалось домой в деревню) показывает, что в этот период из 251 хозяина садов и огородов крестьянами-ярославцами было 116 человек (46,2 %), а из 920 рабочих – 1073 (57,4 %) [105] .

В 1885 г. по данным известного ростовского краеведа А. А. Титова в Ростовском уезде в огородный отход было вовлечено 9500 человек. В это число входило 450 огородников-хозяев, 1000 садовников – 150 заведующих садами и 850 – огородами [106] .

В 1901 г. из Ярославской губернии в Петербург уходило 2537 огородников (54,6 % всех огородников-отходников) [107] . Подавляющее большинство их являлись выходцами из нескольких волостей Ростовского уезда (табл. 5.1).

В огородном отходе участвовало несколько меньше детей и подростков, чем в торговле или трактирном промысле. По данным К. Воробьева, из 4645 ярославских огородников только 227 (4,9 %) не исполнилось еще 16 лет (среди всех отходников доля детей составляла 10,5 %). Преобладали мужчины в возрасте от 18 до 50 лет, доля пожилых огородников превышала среднюю по всем отходникам. Средний стаж в огородном промысле был около 10 лет.

Мальчики и подростки выполняли подсобную работу – гоняли птиц, снимали рамы в парниках, помогали поливать и полоть гряды. На промысел они отправлялись с отцами, родственниками или соседями. По наблюдению И. Шумкова «мальчики и подростки, поступающие к своим односельцам, имеющим огороды и теплицы ...впервые часто знакомятся с огородным делом, так как угодичане, поречане, воржцы и другие прирожденные огородники детей своих в это дело редко отдают, предпочитая торговлю» [108] . По данным же К. Воробьева, первый опыт огородничества ростовские дети получали еще на родине. С первого же года работы им платили от 30 до 60 рублей за сезон [109] .

Примерно две трети рабочих из года в год работали на одного хозяина, другие меняли нанимателей. Брала огородников и в самом Петербурге, и на ростовской ярмарке. Посредниками в найме служили крупные семенные фирмы. Имея постоянные контакты и в вывозящем семена уезде, и среди петербургских огородников, которым они их сбывали, эти посредники рекомендовали хозяевам рабочих-ростовцев.

Иногда запрос об очередной партии огородников посылали прямо в волостные правления. В запросе указывали условия найма – заработок, жилье, питание. Рабочему полагался задаток (в начале XX века – 5–10 рублей и стоимость железнодорожного билета – 10 рублей). В середине рабочего сезона выдавалась половина заработка «на запашку» – из этих денег огородник высылал домой сумму, потребную для оплаты батраков, обрабатывавших в отсутствие хозяина его надел.

Таблица 5.1. Распределение огородников, находившихся в Петербурге, по волостям Ярославской губернии

1- процент отходников волости, уходивших в 1901 г. в Петербург;

2и

4- оценка числа огородников, уходивших в Петербург в 1896 (2) и 1901 (4) годах;

3и

5- процент огородников, уходивших в Петербург, среди всех отходников волости в 1896 (3) и 1901 (5) годах.

Помимо рабочих, среди ярославских крестьян-огородников было немало самостоятельных хозяев (10,3 % среди огородников в сравнении с 4,3 % среди отходников всех профессий – ярославцев).

В среднем в Петербурге огородник проводил около восьми месяцев. Большинство уезжало в столицу в марте, а возвращалось в октябре. Из дома отправлялись за 2-3 дня до Великого Поста, а некоторые около Благовещения (25 марта). Возвращались домой к Покрову (1 октября) или в первых числах ноября [110].

«Почти все огородники начинают свой промысел с простого чернорабочего, то есть за известную плату копают в огородах грядки, полют и поливают их, окучивают растения, возят навоз, исполняют все прочие чисто земледельческие работы, по указаниям других, более опытных и сведущих огородников. Такой новичок-работник мало-помалу привыкает к делу и через несколько лет, если успеет заслужить доверие хозяина своей опытностью и добросовестностью, делается или садовником или рыночным. Первому поручается в заведование целый огород: он должен знать время посева, способы обработки земли и уход за различными огородными растениями, а последнему доверят хозяин продажу огородных овощей и зелени на городских рынках...» [111].

Садовники, по словам А. Титова, «знают, в какое время какие овощи нужно садить; как, для какого рода из них приготавливать землю, сколько нужно в парник или на грядку класть удобрения, и какой толщины слоем земли покрыть его» [112].

Наиболее квалифицированными и высокооплачиваемыми считались «рыночные» и «передовые» рабочие. Рыночные отвечали за сбыт. Роль рыночного считалась настолько важной, что ее зачастую играл зять или сын хозяина. Из рыночных часто выходили самостоятельные владельцы огородов.

Работа рыночного была по преимуществу ночной. «Главные места сбыта – Никольская площадь, Сенной рынок и овощные, и зеленные лавки. Пока обитатели столицы еще спят, из огородов едут возы с овощами на Никольский рынок. Некоторые торговцы, чтобы занять выгоднее позицию, приезжают с товаром даже с вечера, часов в 10. Во втором часу ночи на Никольскую площадь приходят зеленщики и мелочники со всего Петербурга» [113].

Сговор 35 крупнейших оптовиков столицы, который происходил в 4-7 утра в трактирах на Сенной площади и Горсткиной улице, фактически определял дневные цены. При этом оптовикам доставалось примерно 10 % прибыли от продажи овощей, 8 % шло зеленщикам и мелким лавочникам, остальное – владельцам огородов [114]. Рыночный в сложившейся ценовой ситуации определял наиболее выгодного покупателя.

Своеобразной биржей по оптовой торговле фруктами и ягодами был расположенный в Шукином дворе трактир «Ягодка»: «...сюда приходят и крупный садовладелец, самолично привезший плоды на продажу в Петербург, и содержатель фруктового магазина, и мелкий разносчик. Усевшись за столик где-нибудь в укромном местечке и потребовав порцию чая, посетители ведут между собой деловой разговор, нередко шепотом, чтобы не разгласить коммерческую тайну. В особенности большое оживление в этом трактире бывает в ягодную пору, когда торговля имеет спешный характер, а также во время фруктового сезона, когда в столицу приезжают арендаторы и владельцы садов» [115]. Известно, что «Ягодка» служила своеобразным центром ростовцев, и в особенности, угличан, проживавших в столице (другим таким центром был Спас на Сенной) [116].

На огород площадью в три десятины полагался огородный мастер (садовник) и пять коренных рабочих, отличавшихся ловкостью, силой и опытностью в работе [117]. Черную работу выполняли по преимуществу «копорки», женщины-работницы из Гдовского уезда Петербургской губернии.

В 1857 г. за семь летних месяцев простой чернорабочий получал в Петербурге 45 рублей, садовники и рыночные – 60 [118]. В 1885 г. заработок на хозяйских харчах в год составлял у садовников 200 рублей, у чернорабочих от 90 до 115 рублей [119]. В 1890-е годы коренные получали по 200 рублей,

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org садовник – 300 за семь месяцев работы [120]. По данным К. Воробьева, в 1901 г. средний заработок огородников в зависимости от квалификации и возраста составлял у рыночного рабочего 317 рублей за сезон, у рядового рабочего – 112, у мальчиков – 36 рублей.

Работы на петербургских огородах начинались с февраля. По 25 марта шла «парниковая кампания», парники набивались навозом под рассаду и под самый доходный товар – раннюю зелень. С Егорьева дня (23 апреля) начинали копать гряды и высевать овощи. Посадка овощей продолжалась до июня.

В середине мая поспевала парниковая зелень, начиналась постоянная уборка овощей и отправка их на рынок. На зиму у хозяина огорода площадь в 10 десятин оставалось 3–5 рабочих, которые вывозили навоз и доставляли в лавки заготовленный летом товар. Получали они в среднем по 7 рублей в месяц.

Летом огородники жили в шалашах, прямо на огородах, весной и осенью – в общем помещении от хозяина. Нанимались огородники на хозяйских харчах, включавших завтрак, обед и ужин (каша, мясное блюдо, дважды в день чай).

Приступали к работе на огородах с поливки часа в 4 утра, шабашили в 8 вечера (подготовка овощей к продаже). Таким образом, продолжительность рабочего дня составляла в среднем 16 часов. Дневная работа на огородах подразделялась на три «уповода» – перерывы начинались в 8 утра, в 3 часа дня и продолжались по 2 часа; бывало и по 3 перерыва – по полчаса на чай и завтрак, полтора на обед. До 20 июля работа считалась особенно интенсивной и изнурительной, позже она заканчивалась пораньше (с наступлением темноты), а обеденный перерыв на час увеличивался.

В выходные и праздничные дни работали, но продолжительность рабочего дня была несколько меньше обычного.

В отличие от других отходников (за исключением строителей) огородники должны были проводить в столице весь сельскохозяйственный сезон и потому не участвовали в обработке собственных наделов. В 1901 г. на все работы в деревню возвращалось 2,7 % огородников (при 12,6 % всех ярославских отходников) [121], на часть работ – 8,8 % (9,5 %), только на сенокос – 5,9 % (2,6 %), вообще не возвращалось 83,1 % (75,3 % всех отходников). Только жители Поречья чаще возвращались домой, так как зимой занимались рыболовством на озере Неро [122].

Отход значительно влиял на семейное положение огородников. Несмотря на то, что их средний возраст был больше, чем у ярославских отходников, процент холостых среди них был выше среднего (в 1901 г. 34,8 % и 31,0 % соответственно). Холостым был каждый четвертый взрослый мужчина-огородник.

Только каждый десятый огородник брал в Петербург семью; 83,4 % жен оставалось в своих селах в одиночестве. Ростовский уезд поэтому являлся подлинной «бабьей стороной». Жены отходников много самостоятельнее обычных деревенских женщин. Как правило, они односельчанки своих мужей-питерщиков. Огородники, женившиеся на петербурженках, приезжали в деревню с женами редко; они перебирались в город насовсем, сдавали деревенские наделы в аренду или вовсе отказывались от надела. Но эта участь выпадала исключительно на долю рыночных и хозяев [123].

Чаще всего, если муж имел репутацию удачливого добытчика, семья огородника отделялась от родителей. В противном случае молодуха часто не уживалась с мужней родней и возвращалась к своим отцу и матери.

Все домашнее хозяйство в деревне велось женщинами. Большинство хозяек, оставшихся без мужиков, нанимали батраков (из односельчан, но чаще из соседней Владимирской губернии). Процесс замещения отходников наемными рабочими начался еще в середине XIX века: «Все черные и тяжелые работы в ... селениях и домах Ростовского уезда исполняются преимущественно владимирцами по найму. Владимирцы ведут весь огородный обиход, начиная с копки гряд до окончания уборки огородных растений. Владимирцы отправляют сенокос. Владимирцы пасут стада. Владимирцы батраки и стряпухи. Владимирцы работают на цикорных, картофельных и других заводах... таким образом, ростовский крестьянин, промышляя на стороне, доставляет хлеб и деньги чужеземцу на своей родине» [124].

Сами ярославки в огородном отходе практически не участвовали. Подсобные работы на петербургских огородах, как указывалось ранее, осуществляли копорки – крестьянки Петербургской и новгородской губерний. Те огородницы, общим числом 71, которые учтены земской переписью 1901 г. как ушедшие в Петербург, в основном продолжали дело умерших мужей – управляли собственными огородами. Это были чаще всего пожилые крестьянки (66,9 % вдов, 60 % старше 40 лет). Средний стаж их пребывания в столице был 16,5 лет. Никто из них на полевые работы на родину не возвращался.

Еще в 1857 г. автор статьи «Огородники» в «Материалах для статистики России» писал: «Огородный промысел ... служит главной причиной той зажиточной жизни и того видимого превосходства, ... каким отличается Ростовский уезд

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org пред всеми прочими уездами Ярославской губернии» [125] .

Великий ростовский краевед А. Титов с гордостью отзывался о селах родного уезда: «Крестьянские жилища в большинстве случаев изменили свой прежний неуклюжий вид, и относительно фасада представляют во всем, за исключением только одних соломенных крыш, подобие городских построек. Как скоро промышленные предприятия помогут крестьянину выбиться из прежней колеи, сделаться самостоятельным, он первым делом считает это выказать перед своими односельцами ... и потому строит себе в деревне дом по возможности лучший в околотке ... керосиновые лампы, обои, обилие икон, часы, стулья, диван, шкафы, комод с чайной посудой, зеркало, портрет государя, самовар, составляет обязательные принадлежности дома отходопромышленника...

Одежда и обувь у большинства крестьян в здешнем уезде совершенно изменилась за последние 20 лет, и как у мужского, так и у женского пола составляют совершенное подобие городской, в особенности одежда праздничная молодых и девиц и молодых мужчин и женщин... Пиджаки совершенно вытеснили русскую поддевку, праздничный костюм – весь немецкого покроя: шляпа (цилиндр или обыкновенная круглая), дорогая фуражка, шелковая или шерстяная рубашка» [126] .

Кроме Ростовского и Гдовского уездов небольшая группа огородников шла в Петербург из Татьянковской волости Старицкого уезда Тверской губернии. Здесь почти во всех деревнях знали толк в разведении и продаже клубники. Клубника – ягода нежная и скоропортящаяся, поэтому ее необходимо реализовать как можно быстрее.

Татьянинцы снимали в окрестностях Петербурга огороды. В отличие от ростовчан, отправлялись на промысел целыми семьями. Только некоторые крупные огородники нанимали на лето работниц (человек до 30). При удаче зажиточные «клубничники» зарабатывали в урожайный сезон до 3 тысяч рублей, средние и мелкие – от 100 до 300. Часть членов семьи разносили ягоды по дачам и квартирам. Разносчиками становились, как правило, подростки, которые постепенно знакомились с профессией: ценами, искусством торговаться, обрастали клиентурой. Затем часть разносчиков профессионализировалась и занималась уже не только клубникой, но и продажей других ягод и фруктов, закупаемых на Щучьем рынке [127] .

Пошехонские портные

Среди уроженцев Ярославской губернии, пользовавшихся в России репутацией щеголеватых ловкачей, пошехонцы устойчиво считались недотепами [128] . Уроженцы этого лесного северо-восточного уезда губернии и примыкавших к нему волостей соседних Рыбинского и Романово-Борисоглебского уездов в отличие от большинства отходников губернии не были активны в торговле или трактирном промысле. Их главным занятием в Петербурге стало портновское ремесло.

В 1901 г. в Петербург отправлялось 5334 из 8879 ярославских портных и 979 из 1339 портних [129] . 5019 из них (79,5 %) приходили в Петербург из тринадцати волостей губернии, в которых петербургские портные составляли более четверти всех отходников (табл. 5.2).

Помимо пошехонцев, много в Петербурге было портных из Псковской, Олонецкой и, особенно, Тверской губернии. Здесь этим промыслом в начале 1880-х годов занималось 3143 человека (1605 – в Калязинском, 455 – в Кашинском, 305 – в Вышневолоцком (особенно из Борзыкинской и Спасской волостей) и в Бараньегорской волости Новоторжского уезда [130] .

В отличие от западноевропейских стран, в начале XX века готовая одежда не пользовалась в России заметным спросом. Первая фабрика конфекциона появилась в России только в 1882 г., а к 1914 г. таких фабрик в стране было всего 20 (из них 6 принадлежало военному ведомству). Между тем, в Германии в том же году было 254 такие фабрики [131] . Таким образом, подавляющее большинство петербуржцев всех состояний шило одежду у столичных портных.

Аристократически-гвардейский Петербург одевался у Ганри, Тедески, Калины, Бризака – в модных ателье Большой Морской и Невского проспекта. И владельцы, и большая часть закройщиков здесь являлись иностранцами. Перед сезоном они совершали поездки в Париж и Вену, где знакомились с последней европейской модой.

Таблица 5.2. Волости Ярославской губернии, где портновский отход в Петербург составлял более четверти всего отхода

1– количество портных, отправляющихся в Петербург (оценка);

2– процент портных, отходящих в Петербург среди всех отходников.

Единственным ярославцем, сумевшим войти в этот круг, был один из основателей Ярославского благотворительного общества, видный благотворитель, гласный Думы, коммерции советник П. Н. Фокин, выходец из деревни Александрово Варжской волости Ростовского уезда.

Отец Фокина, как и полагалось деятельному ростовцу, был огородником. Когда мальчику исполнилось два года, отец отправил его в Москву к дяде, хозяину каретной фабрики. В 12 лет (в 1858 г.) Фокин перебрался в Петербург, в мастерскую офицерских вещей Мельникова. В 1870 г. он купил эту мастерскую, а в 1881 г. и дом, в котором она находилась.

По словам биографа петербургских гласных, Фокин «уже тридцать лет снабжает русское воинство от поручика до генерал-лейтенанта включительно офицерскими вещами и аксессуарами» [132]. Его мастерская по изготовлению «офицерских вещей», с 1880-х годов располагавшаяся в собственном доме напротив цирка Чинизелли, считалась лучшей в городе. «Всего замечательнее были знаменитые фокинские фуражки, которые делались только на заказ и которые признавались в гвардейской кавалерии квинтэссенцией хорошего тона» [133].

В Петербурге П. А. Фокин не забывал свою родину – Ярославщину. В 1881 г. на его средства в Александрино было открыто земское училище, а в 1888 – курсы садоводства и плодоводства с интернатом [134].

Портные аристократических ателье составляли замкнутую касту и держались вместе. Их клубом был трактир «Зеленки» (Гороховая, 26/40 – нынешняя «Висла»), где обсуждались в основном профессиональные вопросы [135].

Петербургцы среднего достатка шили платье у «квартирников» – портных, не имевших специальных ателье. По подсчету С. И. Груздева, квартирников в Петербурге в 1900 г. было 11 236; на них работало примерно 23 тысячи подмастерьев [136]. Самими дешевыми из квартирников были «рыночники», мастерские которых располагались вдоль Садовой улицы. Здесь в основном и работали пошехонцы. Бывший агент фирмы «Зингер», производившей швейные машинки, даже утверждал, что эта компания «в Америке себе небоскреб выстроила на ярославско-пошехонские деньги» [137].

Большинство портных начинали свою карьеру в Петербурге в детстве. Процент «мальчиков» в этом ремесленном цеху выше, чем в какой-либо другой профессионально-отходнической группе – 13,3%. Подростков в обучение отдавали сами родители через родственников и односельчан-портных. Существовали и профессиональные «извозчики», получавшие по 10 рублей за каждого нового ученика с работодателя. За устройство посредникам полагалось угощение: «владелец дамской мастерской Ильин при поездках в деревню поил водкой крестьян и набирал мальчиков в ученье» [138]. Положение детей в портновском промысле считалось более тяжелым, чем в любом другом. Рабочий день в зависимости от времени года продолжался здесь от 10 до 15–17 часов.

Корреспондент профсоюзного органа писал об учениках: «Они валяются вместе с нами на верстаках, на грязных матрасах, а у других хозяев и на голых досках; посылают их в трактир утюги греть, в одной рубашке и в опорках зимой... Редкий мальчик, отживши 5 лет, не побывает по несколько раз в больнице» [139].

Один из хозяев, по словам того же журнала, «на пищу для шести мальчиков выдавал только 48 копеек в день. Они ходили в живопырню (в плохую столовую – Л. Л.), а затем стали покупать хлеб и масло и кушать дома. Узнав об этом, хозяин избил их. Спали ученики где попало: ни подстилки, ни одеял не было, покрывались нешитой материей» [140].

Мальчики часто втягивались в пьянство и карточную игру, их били хозяева и подмастерья. «Учение» продолжалось 4–5 лет, после чего подмастерья получали от мастера одежду, часы и 20–50 рублей, и впервые с начала ученичества отправлялись на побывку на родину.

Жизнь портного проходила в помещении мастерской, на портновском верстаке: сидя на нем по-турецки, он проводил свой рабочий день (15–16 часов, с тремя перерывами на чай и обед), на нем же и спал. Один из хозяев описывал типичную мастерскую так: «В длинной, гробообразной, нудно-тоскливой комнате нет мебели. На стенах сшитые и недошитые людские платья и около незатейливой, простой вешалки 2–3 обдерганных манекена... Спят на верстаках ученики, спят подмастерья» [141]. Единственной формой досуга работников было пьянство: «Хозяева привыкли видеть в нем просто неизбежное

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org зло, с которым привыкли мириться, не считая его даже препятствием для поступления в мастерскую» [142] .

В портновской работе было два особенно оживленных периода – зимний сезон, приходившийся на конец осени, когда шили платье на зиму и перед Пасхой (к весне и лету). Поэтому подавляющее большинство портных жило в городе с конца августа по июнь. Детние месяцы считались тихим временем, когда хозяева охотно давали отпуск или даже совсем распускали рабочих. Впрочем, многие пошехонцы предпочитали не тратиться на дорогу и перебивались этот глухой сезон в городе.

Заработок подмастерья на хозяйских харчах и жилье в хозяйской мастерской в среднем составлял 16 рублей в месяц, у мастера (закройщика) при тех же условиях – 24 рубля. Сезонность работы делала заработок крайне неравномерным. В страдную пору портной расплачивался с долгами, посылал деньги домой. В это время рабочие руки ценились на вес золота, и между хозяевами шла борьба за мастеров и подмастерьев. Хозяева устраивали «засидки» – угощение работников за счет мастерской перед началом сезона. Принявший участие в засидках как бы давал моральное обязательство остаться работать в мастерской.

Характерным примером пошехонца-портного был известный большевик И. А. Войнов, убитый во время подавления июльского мятежа 1917 г. Даже будучи нелегалом, он продавал нитки по мелочным лавкам Петербурга [143] .

В отличие от сел, где преобладающим был торговый отход, портновские селения не отличались красотой и богатством: «Селения портных крайне непривлекательны. Редко увидишь избы, крытые тесом: преимущественно они покрываются соломой. Невзрачные на вид дома наводят тоску... можно встретить и курную черную избу». В то же время по праздникам портные любили приодеться по-городскому. Парни носили «коротенькие сюртуки, пальто, белые манишки на ситцевых рубахах». Зимой были популярны шубы на разных мехах – от овчинного до лисьего и енотового. Молодые девушки щеголяли шляпками [144] .

Костромичи и ярославцы – строители

Среди крестьян – петербургских строителей, как показала первая городская перепись, существовала географическая специализация. Костромичи первенствовали среди каменщиков, плотников, столяров, маляров и водопроводчиков, петербуржцы преобладали между обойщиками и полотерами, архангелогородцы – среди кровельщиков. За ярославцами оставались печные (59,3 % всех артельщиков, 47,2 % рабочих по найму, 43,8 % одиночек) и штукатурные работы (соответственно 59,3 %, 52 %, 42,2 %) [145] .

По сведениям Статистической экспедиции, в 1853 г. в Петербург отправилось 5753 строителя из Ярославской губернии (больше чем представителей любой другой профессиональной группы) [146] . По данным Петербургской торговой депутации, в 1866 г. ярославцам принадлежало 15 из 21 имевшейся в столице печной артели (13 из них – уроженцам одного Даниловского уезда) [147] .

В 1901 г. в Петербург из Ярославской губернии отправилось 11 776 строительных рабочих (63,8 % всех строителей-отходников губернии). В столице работали одновременно 3362 ярославских печника, 3621 штукатур, 110 плотников, 1722 каменщика, 960 маляров, 1029 обойщиков, 420 кровельщиков, 552 рабочих прочих строительных специальностей [148] . Ни одна другая профессиональная группа ярославских отходников не была так локализована, как строители.

Область строительного отхода охватывала несколько волостей востока Романово-Борисоглебского уезда, северо-востока Ярославского и юга Даниловского уездов [149] . Из 9 волостей в Петербург направлялось 85,8 % всех ярославских печников. Из 5 волостей с наиболее развитым штукатурным отходом – 75,4 % штукатуров, из одной – Диево-Городищенской волости Ярославского уезда – 65,1 % всех маляров.

Компактное пятно строительного отхода на востоке Ярославской губернии граничит с востока с Буйским, Солигаличским, Галичским, Чухломским и Кологривским уездами Костромской губернии, поставлявшими в Петербург большинство плотников, столяров и маляров. Строительный отход, занимавший в Ярославской губернии важное, хотя и не преобладающее положение, был главным занятием петербургских костромичей.

Статистические источники по отходникам-костромичам более скудные, чем по ярославцам. Земские переписи здесь не дают поволостной разбивки

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org отходников по профессиям и направлению отхода. Тем не менее, труды местных и петербургских статистиков и краеведов и отчеты Костромского благотворительного общества в Петербурге позволяют воссоздать структуру этой мощной профессионально-земляческой группы, образующей единое целое со строителями из соседних уездов Ярославской губернии.

Еще в конце XVIII века в Солигаличском уезде 20 % крестьян были на посторонних заработках, в Кологриве и Галиче – 10 % [150]. Плотницкий и малярный отход в Петербург оставался основным источником дохода местных крестьян и в середине XIX века [151]. 36,8 % содержателей всех плотницких артелей столицы были костромскими крестьянами. Костромские крестьяне первенствовали среди маляров (57,5 % подрядчиков), столяров (21 % хозяев мастерских, 19,7 % рабочих), бочаров (76,2 % хозяев мастерских), гробовщиков (70,4 % всех хозяев), торговцев шапками и фуражками (44 % хозяев, 32,6 % приказчиков, 59,9 % одиночек) [152].

В августе 1901 г. статс-секретарь А. Н. Куломзин, пожизненный член Костромского благотворительного общества, осуществил перепись костромских крестьян, пребывавших в Петербурге. К организации переписи была привлечена столичная полиция. Куломзина интересовали, прежде всего, жилищные условия костромских строителей-отходников.

В Петербурге летом 1901 г. находилось 1618 костромских чернорабочих, 1393 штукатура, 829 разнорабочих, 619 печников, 286 бондарей, 284 слесаря, 259 кузнецов, 215 кровельщиков, 191 водопроводчик.

В начале XX века костромичи продолжали сохранять ведущее положение в строительном деле столицы: среди костромичей, упомянутых во «Всемирном Петербурге» за 1908 г., хозяев заведений малярного промысла – 25,7 %, плотницкого – 18,9 %, паркетного – 46,9 %; 21,6 % всех подрядчиков строительных работ.

Отход в Петербург из Костромской губернии сосредоточивался в компактном регионе на северо-западе губернии. И почти все отходники здесь были строительными рабочими.

Район малярного промысла занимал полосу, протянувшуюся с севера Кинешемского уезда до южной границы Вологодской губернии. В Солигаличском уезде маляры преобладали в Великовской, Гнездиловской, Корцовской, Нероновской волостях, в Чухломском – в Боровской, Бушновской, Судайской, Муравовской, Мирохановской, Идской волостях, в Галичском – в 18 из 23 волостей, в Кинешемском – в Клеванцевской, в Буйском – в Ильинской волости.

Плотники преобладали в Великовской, Вершковской, Зашугомской и Нольско-Березовской волостях Солигаличского уезда; Бушновской, Введенской, Вохтомской, Каликинской, Проселковской волостях Чухломского уезда; Ватамоновской, Вознесенской, Котельнической, Курловской, Ногатинской волостях Галичского уезда; Вожеровской, Ефремовской, Матвеевской, Никитинской, Николо-Паломской, Николо-Ширской, Савинской и Успенно-Нейской волостях Кологривского уезда. Этот район вытянут с востока на запад вдоль границы Вологодской и Костромской губерний.

В Георгиевской и Тормановской волостях Солигаличского уезда, Коровской и Введенской Чухломского уезда среди отходников больше всего было столяров. Эти волости образуют два небольших компактных региона в верховьях реки Костромы.

Наконец, на границе с Ярославским и Даниловским уездами Ярославской губернии был распространен отход в каменщики (Левашовская и Чернозаводская волости Костромского уезда, Никольская волость Нерехтского уезда) и штукатуры (Шишкинская и Климовская волости Костромского уезда; Ковалевская, Никольская, Блазновская волости Нерехтского уезда) [153].

Подрядчики-костромичи, как и ярославцы, предпочитали брать на работу земляков. Так, «подрядчик-галичанин всегда старался организовать свою рабочую артель из своих однодеревенцев, знакомых и, в крайнем случае, из галичан. К рабочим малярам из других губерний и даже уездов он относился пренебрежительно, называя их не малярами, а «маларями» [154]. «Чухломские отходники работали главным образом у своих подрядчиков чухломичей» [155]. Наконец, исследователь Солигаличского уезда пишет: «В одной деревне все маляры, в другой – бондари, есть целые волости, высылающие на сторону одних плотников. Если в деревне живет какой-либо крупный хозяин-промышленник, то вся деревня старается слать ему своих детей на обучение» [156].

Помимо пограничных уездов Костромской и Ярославской губерний существовал еще один район строительного отхода, который охватывал юго-запад Тверской губернии. Из губернии отходило 1386 печников, больше всего из Ивановской волости Бежецкого уезда (206 челвоек), Гнездовской (305) и Татьянковской (124) волостей Старицкого уезда.

Каменщиков-тверичей в дальнем отходе было 3552. Из них 2460 (69,3 %) отходило из замкнутого региона на стыке Новоторжского и Старицкого уездов: из Дарской волости Старицкого уезда – 674, из Страшевской – 258, из

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org Мошковской волости – 702, из Сукроминской – 573, из Прямухинской – 253. В Сукроминской волости только из Загорья отходило 69 каменщиков, из Анфимово – 62. Уходили тверские каменщики по преимуществу в Петербург (из Сукроминской волости в Петербург отходило 93,0 % всех отходников, из Мошковской – 74,6 %). Из Тверской губернии в дальний отход направлялись также 870 маляров и 1324 штукатура.

«Будучи пришельцем в городе, рабочий-строитель держался за своего хозяина, у которого зачастую он бывал в долгу из сезона в сезон. Задолжать хозяину было не трудно, так как расплата часто велась авансами нерегулярно: а попав в петлю к подрядчику, поневоле приходилось идти к нему и на следующий сезон. Многие подрядчики ездили зимой в деревню и там нанимали рабочих на лето, закабалая их заранее выданными задатками...» [157] .

В строительном деле, требовавшем значительной физической силы, труд детей и подростков был употребляем меньше, чем, скажем, в торговле, трактирном или портняжном промысле. У ярославских отходников, например, дети до 16 лет составляли 6,5 % всех печников и 3,9 % штукатуров, в то время как среди всех ярославских питерщиков их доля составляла 10,5 %. Исключением среди строителей являлись только обойщики (18 %) [158] .

Строительный отход начинался в 14–17 лет. На три года ученик, которого в строительном деле называли первогодком, отдавался в распоряжение мастера или подрядчика. Поначалу он использовался на самых тяжелых, грязных, не требовавших специальной квалификации работах: на хозяйской кухне, при уборке мусора, сборе и чистке рабочего инструмента, на посылках в москательную лавку (торгующую красками, клеем и пр. –

Ред.). Денег не полагалось, работа шла за харчи и угол.

Ученики проходили своеобразный обряд инициации: подмастерья посылали их ради смеха в мелочную лавку купить на 3 копейки «потасовки» или «совкового масла». Практиковалась и такая «шутка»: «мастер или подмастерье подносил к физиономии ученика кисть, жирно омоченную клейстером, и говорил: "А ну-ка плюнь на кисть и смотри, как она закипит". Ученик плевал и получал удар в физиономию грязной тряпкой при торжествующем хохоте своего учителя: "Смотри, закипело, ха-ха-ха! Иди, умывайся". Такие "шутки" проделывались добродушно, для развлечения, и на них ученик не имел права обижаться» [159] .

Через три года ученичества ученик получал от хозяина приличный костюм, пальто, шапку, сапоги с галошами, две пары белья и 30 рублей денег, и настоящим питерщиком возвращался на побывку в деревню, поражая земляков франтоватым видом, подарками матери и сестрам и мятными пряниками соседским детям.

Особенность строительного отхода в том, что в отличие от представителей большинства других профессий (за исключением огородников) строители ежегодно по окончании рабочего сезона возвращались в деревню. На зиму в столице, как правило, оставались лишь те, кто пропивал заработанные деньги и кому незачем и не на что было возвращаться домой или, наоборот, высококвалифицированные работники (прежде всего обойщики и штукатуры), работавшие на отделке внутренних помещений.

подавляющее большинство строителей отправлялось на промысел в конце зимы и весной. В деревне оставались «только болезненные и глуповатые мальчишки, которые по родительским соображениям не годятся для столичной жизни, не ужившиеся в Питере, старики, старосты, недоимщики, высланные по этапу, ослабшие люди (любящие выпить, погулять): "куда уж мне идти, я здесь за эти годы совсем обрусел и порядки-то питерские забыл"» [160] .

Раньше всех в Петербург отправлялись плотники (они могли работать и на снегу). В дальний путь все деревенские мужики следовали вместе. Солигаличане сплавлялись на больших лодках (белянах) по реке Костроме до Волги, потом на пароходе до Рыбинска, а оттуда на поезде до Петербурга [161] . Галичане ехали на промысел на тройках «со звоном бубенцов, с чиканьем и песнями» через Дюбим на железнодорожную станцию Пречистая [162] .

Возвращались из Петербурга в октябре–ноябре. Прибытие питерщиков – важнейшее событие в деревенской жизни: «они сразу же задавали тон и резко выделялись из серой деревенской толпы. На питерщиков и остающихся дома "домолегов" деревня имела свой собственный предвзятый взгляд. Она усматривала в каждом из домолегов грубость и неповоротливость, в то время как питерщико у нее считались «фартовыми» [163] .

В Петербурге зимой задерживались подрядчики и загулявшие строители, пропившие заработок. «Если с маляром случался загул осенью, когда кончались работы, то загулявшему приходилось туго... горемыкам приходилось зимовать в Питере и кое-как пробиваться случайным заработком, ютиться в холодных углах... Некоторые отправлялись домой пешком (от Питера до Галича 637 верст), но, увы, большинство таких путешественников по дороге попадали "на блок",

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org то есть на этап... Пересыльные пункты трактовых дорог между Питером и Галичем немало пропустили через свои мрачные недра вместе с ворами и бродягами и злосчастных галичских мастеров» [164]. В Солигалич «по липовой линии» (в лаптях по этапу – л. л.) в 1884 г. из Петербурга вернулось 84 строителя [165].

Еще один район строительного отхода в Петербург – север Тверской губернии. Отсюда шли в столицу каменщики и каменотесы, работавшие на изготовлении могильных памятников, обтеске колонн и гранитных плит. Из Тверской губернии отходило 1489 каменотесов: 870 из Новоторжского уезда, 331 – из Тверского, 120 из Старицкого, 102 – из зубцовского уезда.

В Новоторжском уезде каменотесы отходили из трех северных волостей: Поведской (609), Пречистокамской (114), Никольской (120). Особенно развит этот вид отхода в деревнях Заход (42 человека), Подсосенка (42), Яконово (65), Заполье (41) Поведской волости. В Никольской волости каменотесами были бывшие крепостные знаменитого петербургского архитектора Н. А. Львова из Челябинина (19 человек), Вишени (34), Сосенки (18). Надо отметить, что вышеперечисленные волости большинство отходников направляли именно в Петербург: Поведская – 85,8 %, Пречистокамская – 71,4 %, Никольская – 68,2 %.

Отход начинался в мае; возвращались каменотесы в город на Казанскую (22 октября). Каменотес должен был иметь свой инструмент – три «кирги» (по рублю каждая), наугольники (15 копеек), правилки (5 копеек), гвозди.

Ни в одной из отходнических групп земляческие отношения не были такими тесными, как в строительстве. Вся деревня держалась одной строительной специальностью, и все выходящие из нее отходники работали у своих земляков-подрядчиков. «Коллективной пролетарской спаянности среди большинства питерщиков не наблюдалось. Психологию их можно назвать узкоместнической; если у них и была товарищеская спаянность в городе, то разве между земляками одной деревни или нескольких соседних деревень. Все эти земляки, знакомые, сваты и братья объединялись вокруг своего хозяина и тянули свою трудовую лямку... чуждались незнакомых пришельцев, всяких новых веяний, а в особенности забастовок, и этим они добровольно усиливали хозяйскую кабалу» [166].

Рядовой рабочий получал в среднем 177 (печники), 190 (штукатуры), 195 (каменщики) рублей за строительный сезон продолжительностью семь месяцев. Маляры зарабатывали от 1,5 до 2 рублей в день (70-150 в сезон), столары от 1,2 до 2 рублей (50-140 в сезон), паркетчик – 1 рубль 60 копеек, плотники от 10 до 30 рублей в месяц на хозяйском содержании, водопроводчики – 250 рублей в сезон, бочары – 100-200 [167].

Тверские каменщики работали артелью в 20-40 человек (деревней). Во главе артели стоял выборный – он и еще 3-4 человека вели хозяйство артели и заключали сделки. Заработок за сезон – 120-130 рублей. По деревенским масштабам – неплохой заработок, так что каменщики жили и одевались лучше, чем плотники, пильщики и другие отходники из тех же волостей.

В Петербурге каменотесы или составляли артель, или нанимались к подрядчикам. Один из членов артели избирался ее членами старшим или артельщиком. Он вел все переговоры и расчеты с подрядчиком. Артель работала, как правило, сдельно. При изготовлении каменных лестниц, например, плата была пропорциональна числу ступеней, их высоте и требуемой чистоте отделки. Обработка сажени плиты для фундамента стоила от 70 (пудожская плита) до 80 (гранит) копеек. За квадратный аршин панели брали 7 копеек.

Жили и столовались каменотесы на артельной квартире за 9 рублей в месяц, чай пили все вместе в трактире. Осенью распределяли заработанное. В 1887 г. артельщик получал за сезон 170 рублей, лучшие рабочие («первой руки») – по 135, средние – по 110, худшие – по 95. У подрядчиков каменотесы за сезон получали от 70 до 120 рублей в зависимости от квалификации (на хозяйских харчах и квартире) [168].

Артели выполняли часто целый комплекс работ. Маляры, например, расписывали по трафарету стены и потолки, карнизы, полы, двери, клеили обои (ремонт средней трехкомнатной квартиры стоил 20-25 рублей). Они же вставляли стекла в рамы (двойная рама – 15-30 копеек), писали вывески, окрашивали крыши [169].

Жили строители на артельной квартире по несколько человек. Артельная квартира – обычно полуподвальная комната, снимаемая за счет хозяина поблизости от места стройки или в самом недостроенном доме. Условия жизни строителей – притча во языцех во всех отчетах петербургских санитарных врачей: «Комната 6 на 5 аршин (4,5 на 3,5 метра – л. л.); нары сплошь вверху и внизу, и в грязи на них спали десятки человек» [170]; «смерд, вонь от развешенной мокрой одежды, грязь и масса насекомых... Спят на нарах; тут же готовится пища» [171]. Уже упомянутое исследование А. Куломзина (он

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org лично осмотрел 36 квартир – 65 комнат костромских отходников в Рождественской части) показало: в среднем на одного костромича приходилось 7,4 м³ жилого пространства (гигиеническая норма городской управы – 20 м³, в ночлежках Берлина – 18 м³, согласно нормам английского закона о бедных – 13,5 м³).

Всего в 65 осмотренных Куломзиных комнатах помещалось 380 человек. В одной квартире из трех комнат жила артель плотников, состоявшая из 16 взрослых и 6 детей, в другой, из четырех комнат, – 23 каменщика, в третьей – 21 каменщик помещался в двух небольших комнатах и т. д. На двух человек полагались одни нары. Спали и на кухнях. Треть квартир находилась в подвальных помещениях, большинство комнат были сырыми [172]. В артели штукатуров на Глазовой улице 60 человек жили в нескольких комнатах с нарами, на которых не было ничего, кроме мешков с вещами, служивших подушками [173].

Готовила пищу специально нанятая артельная кухарка. На питание в день уходило в среднем 25–30 копеек на человека. Рабочий день строителя продолжался в среднем 14 часов: с 6 утра до 8 вечера с перерывами на завтрак (состоявший из одного хлеба), обед (двухчасовой перерыв с 12 до 14); в 17 часов – чай.

Костромские строители жили по преимуществу в районах новостроек; так, в конце XIX века особенно много их было на Песках [174]. Дюбимым местом отдыха костромских строителей был трактир «Солигалич» на углу Дегтярной и 4-й Рождественской [175].

Наиболее квалифицированные подмастерья выбивались в мастера. Мастер осуществлял лучшую, чистую, требовавшую особой квалификации работу. У маляров, например, это была «разделка дверей под разные деревья, раскрышка потолков соответствующими тонами, писанье углов, розеток, тяга филенок; они работали во дворцах, в музеях, в театрах, нередко являлись незаменимыми помощниками художников и живописцев» [176].

Грамотные, непьющие, исполнительные рабочие, часто родственники хозяина назначались десятниками. Они распределяли строителей по работам, выдавали материал, руководили работой на площадке. «У крупного подрядчика десятники распоряжались сотнями рабочих, сами почти не брались за кисть, а лишь надсматривали за работами или сидели в трактирах в компаниях управляющих и старших дворников ремонтируемых зданий» [177]. Десятники, приобретая знакомства среди потенциальных заказчиков, правдами и неправдами сколачивали первоначальный капитал и становились подрядчиками.

До такой высоты в строительном деле добирались немногие: хозяева составляли 0,6 % ярославских каменщиков, 4,7 % печников, 2,9 % штукатуров. Жили подрядчики в Петербурге постоянно, но связи с родиной не прерывали. Подрядчики, как правило, выписывали рабочих из своей деревни или волости.

Строительная артель, состоявшая из односельчан, не расстававшаяся ни на работе, ни в течение короткого отдыха, подчинявшаяся десятникам и подрядчикам из того же селения или волости, представляла собой своеобразный филиал конкретной ярославской, тверской или костромской деревни в Петербурге.

Калужские извозчики

Вплоть до революции гужевой транспорт оставался главным в столице. В 1890 г. в легковом извозе было занято 1198 хозяев, 5 служащих, 8042 извозчика, работавших «от хозяина», и 4639 одиночек; в 1900 г. (Петербург с пригородами) соответственно – 1633, 26, 13 025 и 4635. В ломовом извозе (1890 г.) – 514 владельцев, 13 служащих, 5762 извозчиков «от хозяина» и 694 одиночки; в 1900 г. (Петербург с пригородами) – 1106 извозопромышленников, 87 служащих, 15 921 извозчик, 545 одиночек. Перепись 1910 г. объединяет всех занятых «передвижением и сообщением» воедино.

В 1866 г. из 392 извозчицких дворов Петербурга 61 принадлежал ярославцам (больше всего рыбинцам – 26), 55 – петербуржцам (20 – царскоселам), 51 – калужанам (24 – уроженцам Калужского уезда, 8 – Мосальского), 42 – рязанцам (из них собственно рязанцам – 22, зарайцам – 12), 12 – коломенцам, 19 – верейцам [178].

Среди 188 ломовых извозчиков-хозяев в 1869 г. ярославцев было 30, рязанцев – 23, среди 1862 работников – 239 ярославцев и 339 рязанцев, среди 882 одиночек – 53 ярославца и 137 рязанцев. Среди 609 владельцев легкового извоза 88 было крестьянами Петербургской губернии, 56 – Калужской, 50 –

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org рязанской; из 4931 легкового извозчика 1219 были петербуржцами, 705 – рязанцами, 445 – калужанами. Из 7579 извозчиков-одинок – 4065 крестьяне Петербургской губернии.

К концу века число извозчиков-ярославцев резко уменьшилось. Так, в 1901 г. из Рыбинского уезда отходило всего (во все города империи) 62 легковых и 79 ломовых извозчиков. Можно предположить, что, напротив, выросло количество калужан. Петербургский журналист в 1897 г. утверждал, что большинство питерских извозчиков – выходцы из трех уездов Калужской губернии [179]. По переписи 1881 г. в наиболее насыщенном извозчицкими дворами втором участке Александро-Невской части крестьян из Калужской губернии было непропорционально много (11,0%; среди всех крестьян Петербурга калужан было 2%). Там же, в Ямской, в два раза выше среднего по городу была доля рязанцев (соответственно 9,4% и 5,6%).

Земские переписи освещают отход в извозчики крайне неравномерно. Большинство извозчиков-тверичей отходило в Петербург из Новоторжского уезда (всего по губернии 3656 извозчиков-отходников; Новоторжский уезд – 1919, Зубцовский – 415, Старицкий – 412, Калязинский – 372, Тверской – 625). В Новоторжском уезде на извозном промысле в Петербурге специализировались отходники Марьинской, Медновской (из одного села Медного шло в Петербург 84 извозчика), Мошковской (село Помазкино) Грузинской и Прудовской волостей [180].

Большинство калужских извозчиков отправлялось на отход в Москву [181]. Известно, что извозный промысел был распространен в Перемышльском уезде (в Полянской и Заборовской волостях) [182], в Щелкановской, Новосельковской, Тросняно-Ратокской волостях Мещовского уезда [183]. Однако, единственное описание промысла калужан-извозчиков по губернии относится именно к тем, кто искал заработка в Петербурге. Из Козельского уезда (Хотенская, Стреленская, Каменская, Меренищенская, Юрьевская волости) в столицу ежегодно отправлялось до 400 извозчиков; из них 300 шло из Хотенской волости [184].

В городе работало немало извозчиков-одинок, однако подавляющее большинство из них не принадлежало к мигрантам. Это или жители Петербурга, или еще чаще крестьяне пригородных волостей и участков, ежедневно возвращавшиеся домой к семье. Изживанию одинок способствовало и петербургское градоначальство, введшее в 1890-е годы правило, согласно которому у «номерного» официального извозчика обязательно должен был быть экипаж с верхом, стоивший 200–300 рублей.

Извозчики направлялись в город налегке. Все необходимое («закладку» – лошадь, сбрую и экипаж; одежду, кров, харчи) крестьянин находил в городе у содержателя извозчицкого двора. В отличие от большинства отходников извозчики требовались в Петербурге круглый год. Поэтому они могли отправляться в столицу в любое время.

Извозный промысел привлекал почти исключительно зрелых мужчин, в нем ученичества не было. Жили извозчики на извозчицких дворах, располагавшихся в районе Диговки. По словам петербургского журналиста Н. Н. Животова, проработавшего в 1893 г. несколько дней извозчиком, дабы посредством «включенного наблюдения» лучше узнать быт представителей этой профессии, «от Обводного канала (Новый мост) вплоть до Невского проспекта (Николаевского вокзала) по обе стороны Диговки тянутся красные вывески извозчицких резиденций: гостиницы, трактиры, чайные, закусовые, питейные дома, портерные лавки, ренсковые погреба. Извозчики живут здесь почти в каждом доме, в одной этой местности больше извозчиков, чем во всем остальном Петербурге. Извозчики лишены водопровода и газового освещения. Это для них "роскошь"... Диговка, засыпанная около города, оставлена в извозчицком квартале в своем первообразном виде, даже не почищенной...»

Этот квартал города носил название Ямской слободы. Слобода возникла в первые годы существования Петербурга, когда Петр I переселил сюда «для отправления почтовой гоньбы» крестьян разных губерний (об этом напоминают и названия улиц: Воронежская, Тамбовская, Курская, Коломенская, Волоколамский переулок). Ямщикам выделили земельные участки восьми сажень по фасаду и тридцати сажень длины. Дома здесь в конце позапрошлого века были каменные, преимущественно в 1–2 этажа, двory узкие, длинные, плохо мощенные, с деревянными службами. Здесь находилось 200 извозчицких дворов, 35 кузниц, 40 экипажных мастерских и помещалось одновременно до 13 тысяч лошадей, столько же экипажей. Многие извозчики сами были домовладельцами. Вследствие скученности населения были чрезвычайно развиты инфекционные заболевания. По смертности населения этот участок Александро-Невской части занимал одно из первых мест в городе [185].

Бытовые условия жизни и работы обыкновенных извозчиков (их называли «ваньками») были чрезвычайно тяжелыми. Извозчики, работавшие от хозяина, делились на дневных и ночных. Дневные работали с 10 утра до часу ночи с

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org перерывами, продолжительность которых определяли сами. Извозчики, ездившие в ночь, выезжали в 10 часов вечера и возвращались в 5 часов дня на извозчиный двор.

Ночевали «ваньки» тут же, в общих помещениях, отличавшихся чудовищной антисанитарией: «Ничего более зловонного, грязного, тесного, смрадного, убогого нельзя себе и представить. У извозчика нет ни угла, ни кола, ни даже иконы, а "ложе" его – общественное. Часа три спит один, часа два другой и т. д. Например, у хозяина 40 работников, а коек для спанья 20, потому что все работники в одно время не бывают дома, а если которому не хватит койки, то он приткнется в конюшне, на сеновале, на полу, где придется! Армяк, шапка, кушак, сапоги у извозчика "опчественные"; своего у него ничего нет» [186].

Заработок извозчика зависел от квалификации и множества случайных факторов. По сообщениям земского исследователя, калужские извозчики ежемесячно получали от хозяина 8–10 рублей. При этом извозчик обязан был привести извозопромышленнику за день работы 3 рубля в праздничный день и 2 рубля 50 копеек – в будний. Если «план» не выполнялся, деньги вычитали из заработка. «Если у всех извозчиков выручка окажется значительно ниже условленной, то сам хозяин выезжает за извозчика, чтобы узнать, отчего это зависит. В случае если извозчик на такой вычет не согласен, или его жалованья для этого уже не хватает, хозяева дают ему расчет. Таким образом, риск предприятия в значительной мере взваливается на плечи рабочего, заработок которого может быть сведен к нулю» [187].

В то же время извозчики свободно распоряжались деньгами «сверх плана». В результате средний «чистый» (без трат в городе) доход извозчика в год составлял у калужан 84 рубля [188]. Тверские «ваньки» получали в Петербурге меньше: отходники из Марьинской волости Новоторжского уезда – 6–10 рублей в месяц, из Мошковской – 6, из Пречистокамской – 5–8 (за лето ломовые привозили от 8 до 125 рублей, за зиму – 45) [189].

Содержатели извоза, как видно из разных источников, предпочитали брать на работу земляков. Так, из Хотенской волости Козельского уезда Калужской губернии отходили в столицу не только наемные рабочие, но и хозяева извозных заведений. Известен был, например, Николай Кирильцев из деревни Клесово, содержавший легковой извоз на 60 экипажей и 120 лошадей по адресу Лиговка, 20 [190].

Земляческая взаимопомощь у извозчиков выражалась в иных формах, нежели у других отходников. Ведь извозчик на работе с земляками не сталкивался: «в рейсе» он был один на один с полицией, дворниками, седоками. Своеобразными извозчиными клубами в Петербурге становятся трактиры. «Ваньки» заезжали в трактиры не менее трех раз за рабочий день. Помимо тепла, выпивки, закуски, возможности поспать, извозчиков привлекало то, что во дворе трактира можно было задать корма и напоить лошадь (в большинстве случаев хозяева не давали извозчику в дорогу овса, и он кормил лошадь сам).

Ночью извозчиные трактиры выглядели особенно мрачно: «Представьте себе, читатель, огромное разделенное перегородкой помещение, наполненное телами извозчиков. Да, телами, но "живыми", издающими смрадный запах пота, вони и всего прочего... Извозчики спят на полу, на столах, облокотившись до пояса, друг на друге... Все в полном наряде, без шляп; на сапогах лошадиный навоз, быстро разлагающийся в смрадной атмосфере и усиливающийся "букет"; храп, свист и стоны; по временам слышится площадная брань, но отрывочная, сквозь сон, когда сосед слишком навалился на "свата" или ткнул его ногой в голову...» [191]. По подсчетам Н. Животова, петербургские извозчики за месяц приносили трактирам до 350 тысяч рублей выручки.

Большая часть извозчиков ездила в «свой» трактир, куда съезжались земляки, люди одной волости, а то и деревни. При трактирах существовали своеобразные артели, где хранились деньги, получавшиеся извозчиком сверх обязательно сдававшейся выручки [192]. В извозчиных трактирах «все сидящие... одна семья, близкие товарищи, земляки или работники одного хозяина ... В Эртелевом переулке есть трактир, в который ездят извозчики известного села и уезда Рязанской губернии. Администрация этого трактира на свой счет отремонтировала сельскую церковь на родине извозчиков и послала туда новую церковную утварь на значительную сумму. Другой трактир на свой счет выстроил в деревне своих посетителей здание для школы...» [193].

У рязанцев обычай трактирной артели позаимствовали и калужане: «Извозчики-односельцы обыкновенно пьют чай и закусывают в одном трактире и в одно время. При этом выборный каждый день обходит товарищей с кружкой, собирая большую часть медяками; кроме того, хозяин трактира каждый месяц вносит 5–10 рублей. Деньги идут главным образом на украшение церкви своего села, но, кроме того, тратят и на местные училища. Так, например, учитель Хотенского двухклассного училища написал, что для училища нужен портрет

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org государя, и они немедленно его выслали за 25 рублей. Из копилки же выдаются деньги нуждающимся извозчикам: на дорогу, для расчета с хозяевами. Иногда присылаются пособия погорельцам. Выданные ссуды иногда подлежат возврату; например если кому выдано на дорогу, то он, по возвращении в Петербург, должен из заработка возвратить взятое. Деньги из кружки вынимаются ежемесячно и при всех. За три-четыре месяца набирается рублей 70–75» [194]

В 1906 г. артели существовали при трактирах на Кабинетской, Спасской, Глазовой, Волоколамской, Стремянной, Боровой, Можайской, Верейской, 8-й Рождественской улицах, в Басковом и Кузнечном переулках [195].

Удачливый извозчик старался не задерживаться в «ваньках». Но лишь немногим удавалось стать кучером у частного лица или лихачом. Здесь возможность накопить капитал, взять невесту с приданым, найти необходимые связи были значительнее выше. Из кучеров и лихачей многие выходили в извозопромышленники.

Тверские сапожники

Сапожное ремесло – одно из самых распространенных в старом Петербурге. Из всего «малого бизнеса» этот бизнес был мельчайшим. В 1890 г. в нем было занято 2152 владельца соответствующих заведений (больше чем трактирщиков и содержателей продовольственных лавок), всего 15 служащих, 9862 рабочих и 2275 одиночек; в 1900 г. – 2730 владельцев, 28 служащих, 14 255 рабочих и 2876 одиночек.

В 1866 г. тверичи решительно первенствовали только в одном из видов «внутренней торговли» Петербурга – сапожном деле: 27 мастерских по производству обуви принадлежало крестьянам Калязинского уезда, 20 – Корчевского, 16 – Кашинского. По переписи 1869 г. тверичи составляли 304 из 442 хозяев обувных мастерских, 1886 из 6616 работников, 391 из 2228 одиночек. Уже в XVIII веке в Кашинском уезде «некоторые обыватели из селений, по Волге лежащих, упражняются в сапожном мастерстве, отходя для того по зимам в Москву, Тверь и другие города» [196].

Ситуация не изменилась и в конце следующего века: «Башмачники и сапожники, занимающиеся починкой обуви, ходят в Петербург и Москву. Работают на своей квартире и харчах. Берут работу в лавках, торгующих старой обувью. Подбить подметки берут 60–70 копеек, а починка без подбоек подметок – 40 копеек. В неделю работник зарабатывает рублей 5, на харчи и квартиру за это же время выходит 2 рубля 50 копеек. Уходят из города в марте, возвращаются к Рождеству. После Масленицы опять уходят в города. В год приходится жить в городе 10 месяцев. Вместе с мужьями уходят в город и жены. Учеников совсем почти не берут».

Несколько иначе складывалась работа калязинских башмачников. Подмастерья и мастера жили на хозяйской квартире и харчах и работали за сдельную плату. Подмастерье зарабатывал в день от 80 копеек до 1,25 рублей, мастер – от 2 до 3 рублей. Женщины получали за ту же работу в полтора раза меньше.

Кроили обувь сами хозяева мастерской. Женщины-мастерицы сшивали заготовку на машинке, затем подмастерья и ученики обделывали башмаки окончательно: мальчики подшивали подошвы, а подмастерья их подрезали и прибавляли каблучки. Девочки-ученицы резали ветошку и резинку, а мастерицы их вшивали [197].

Сапожный отход был распространен в компактном районе вокруг знаменитого ремесленного села Кимры – главного центра кустарей-обувщиков России и охватывал соседние волости трех юго-западных уездов Тверской губернии: Корчевского, кимрского и Кашинского. Из 2938 башмачников-отходников Тверской губернии выходцами из Калязинского уезда было 2221 (75,6 %) [198].

Из 9670 сапожников 3894 выходило из Корчевского уезда (40,3 %), 3319 – из Калязинского (34,3 %), 1201 – из Кашинского (12,4 %) и 710 – из Бежецкого (7,3 %). При этом в каждом из уездов сапожники концентрировались в нескольких волостях [199].

Подбойщики – бродячие, уличные сапожники (их называли еще «холодными»), которые чинили обувь прямо под открытым небом в присутствии клиента, стоящего рядом на босую ногу.

Подбойщики выходили из Старицкого (265) и Новоторжского (301) уездов (всего по губернии – 668). В Старицком уезде этот промысел был

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org распространен в Тредубской (171 отходник), Иворовской (53) и Дарской (40) волостях. В Тредубской – в деревнях Тредубье, Чиграево, Поломеницах (почти все мужское население) и селе Троицком. В Иворовской – в селах Станишино и Васильевское, в Дарской – в Новом и Дмитриеве [200]. В Новоторжском уезде все подбойщики выходили из Мошковской волости. Больше всего их было в деревнях Матюково (30 человек), Стружино (52), Дурулино (32) [201].

Таблица 5.3. Распределение сапожников-отходников по уездам и волостям Тверской губернии

1– количество сапожников-отходников в волости;

2– процент сапожников из волости, отходивших в Петербург.

Еще в 1865 г. некий Демид Гаврилов научился этому промыслу у кашинских подбойщиков и увлек за собой других, страдавших из-за недостаточности своих наделов. В 1870-е годы сверхприбыльность этого ремесла повысила конкуренцию на петербургских улицах и вызвала некоторый кризис. Артельная организация промысла сменилась в Старицком уезде одиночками. В Новоторжском уезде промысел пошел от стружнинских крестьян, в свою очередь научившихся ремеслу от подбойщиков Старицкого уезда. Здесь преобладали артели по пять человек, которые скупали целые улицы (вероятно, у городских и дворников) [202].

Начинающий подбойщик-одиночка обыкновенно присоединялся к родственнику или соседу и за 1–2 месяца обучался профессиональным навыкам. В работе использовались большая деревянная палка с железной лопаткой на конце, молоток и нож (все это можно было купить рубля за два). Нужно было иметь и кожу (часто она была гнилая и старая). Затем подбойщик выбирал людное место, наполненное простонародьем, и начинал починку обуви проходящим потребителям.

Особенно много подбойщиков работало на Александровском рынке (угол Садовой и Вознесенского), специализировавшемся на торговле старой одеждой. «У каждого висела кожаная сумка через плечо, в сумке лежали инструмент и гвозди. На другом плече висел мешок с кожевненным товаром для починки обуви, а также старая обувь, которую он скупал, а мог и продать. Главной эмблемой его профессии была "ведьма" – палка с железной загнутой лапкой, на которую он надевал сапог для починки. Целый день, в мороз и жару, сапожники слонялись по толкучке, дожидаясь клиентов. Расчет их был прост – быстро, кое-как починить и скорее получить деньги с клиента, которого едва ли еще встретишь» [203]. За подбойку подметки он получал от 20 копеек до 1 рубля, так что в среднем выходило 1,5 рубля в день, а иногда и 3–4. В деревню подбойщики приносили из Петербурга по 70 рублей.

Осташи – рыболовы

Север Осташковского уезда Тверской губернии богат озерами, входящими в систему Селигера. Поговорка гласит: «Где лужа – там осташ» [204]. Здесь крестьяне традиционно занимались больше рыболовством, чем земледелием. Отсюда выходили и 1165 рыбаков-промышленников, занимавшихся рыбной ловлей в столице. Почти все они происходили из четырех северных приозерных волостей уезда. В районе отхода этим промыслом занималось более трети осташей-рыбаков, причем отход в Петербург составлял более 90 %.

Таблица 5.4. Распределение рыбаков-отходников по волостям Осташковского уезда

1– общая численность рыбаков-отходников;

2– процент рыбаков среди всех отходников волости;

3– процент отходников в Петербург среди всех отходников волости.

Как правило, осташи делили занятие рыбацким промыслом между Селигером и Невой: лето проводили в родных местах, а с конца октября до начала весны

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org (а иногда и вплоть до июня) промышляли в Петербурге или Кронштадте. Нанимались в Крещение у своих земляков-прасолов.

Зимой рыбу ловили так: «Начиная от Галерной гавани и сплошь до Кронштадта, на взморье там и сям пробиты проруби для спуска рыболовных снастей. Отправляясь осматривать рыболовные снасти, рыбаки берут с собою холщовые шатры для защиты себя от холодного морского ветра. Поставив походный шатер около проруби, рыбак становится с подветренной стороны, вытаскивает рыболовную снасть и выбирает из нее попавшуюся рыбу [205] ».

Когда река вскрывалась, осташи работали на тоне. «Рыбацкая тonya представляет собой избушку, воздвигнутую на отмели: во избежание наводнения она высоко подымается на столбах над поверхностью воды. Рыба ловится "мотнею" сажень 300 длины и 3–4 ширины, смотря по глубине моря. Закинутая мотня опускается в море стеною от поверхности воды вплоть до дна. Сверху мотни плавают деревянные поплавки, а снизу подвешены каменные грузила. Мотню с обеих сторон тянут на берег при помощи ворота, который приводится в движение поденщиками. Когда закинут невод, поденщики медленно вертят ворот, ходя по кругу "в ногу" и понуриив головы» [206]. Некоторые прасолы (оптовые скупщики рыбы –

Ред.) имели в Петербурге свои ловли – ворожницы, где держали до 30 работников. Другие ворожниц не имели, а снабжали рыбаков лодками, сапогами, передниками, пенькой, выправляли им паспорта на родине и давали деньги на выправку прав на ловлю в Петербурге. Все это стоило дорого (лодка, например, – 15 рублей) и поэтому самостоятельно в Петербург никто не отправлялся. Улов шел прасолу. Рыбак получал за сезон в среднем рублей 60 [207].

Тверские речники

Главной транспортной артерией, соединявшей столицу с остальной Россией в конце XIX – начале XX веков, была Нева. В 1877 г. по ней приходило в Петербург 59,7 % всех грузов, в 1890 – 66 %, в 1900 – 38 %, в 1913 – 30 % [208]. Невой в Петербург везли дрова, кирпич, лес, хлебные продукты, керосин. Велика была и навигация внутри города. Так, в 1904 г. в пределах столицы выгружено было 20 716 судов, из них с дровами – 7782, с песком и землей – 5662, с кирпичом, плитой и камнем – 3647, с углем и коксом – 1157. Кроме того, по рекам невольской дельты перевозилось 6,4 млн пассажиров [209].

Суда из бассейна Волги шли по каналам Мариинской системы до Петербурга самоходом (здесь с навигации 1897 г. не требовалось буксирной тяги для судов с подъемной способностью до 40 тыс. пудов). Большинство же плавсредств нуждалось для прохода по Неве в буксирной тяге. Среди них различали, в частности, невольские барки (1096), строившиеся с расчетом на 1–3 рейса, более крепкие межеумки (182), рассчитанные на 3–10 рейсов, сплавные полубарки (70) для 1–2 рейсов (в скобках указано количество судов, прошедших по Неве в навигацию 1894 г. – л. л.). Все эти суда рассчитаны были на доставку в Петербург самого ходового товара – леса и дров. Лес шел также на плоты (в 1894 г. в Петербург прибыло 13 248 плотов) [210].

Лес в Петербург шел по преимуществу из бассейна озера Ильмень по Волхову. В его сплаве, как и вообще в навигации по Неве, участвовали по преимуществу тверичи. Судорабочих в Петербург поставляли несколько волостей четырех приволжских уездов Тверской губернии: Бежецкого, Зубцовского, Старицкого, и Осташковского.

В Бежецком уезде судорабочие шли в столицу по преимуществу из чижевской, яковлевской и поречковской волостей (417, 199 и 145 соответственно; всего по уезду – 851). Яковлевские крестьяне занимались погрузкой, доставкой и выгрузкой кирпича с кирпичных заводов (они располагались в Рыбацком и Усть-Ижоре). Шли артелями к знакомым или землякам-лоцманам. Зарабатывали за сезон (с Пасхи до сентября) от 120 до 150 рублей, лоцманы – 180–200. Жили на судах; на прокорм тратили по 25 копеек с человека в сутки. Дорога за счет рабочего, до Петербурга – 1 0 рублей. Работа считалась тяжелой, т. к. барки делали много оборотов, разгрузка и выгрузка происходила иногда по несколько раз в день.

В чижевской волости из деревень Дуброво и Чижово все мужчины поголовно грузили и возили дрова и гнали плоты (в неделю взрослые получали 4,5 рубля, подростки – 2,75).

Из Поречковской волости шли лодочники, содержатели яличных перевозов,

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org лодок и яликов для катания. В этом промысле больше всего было городковских, любодицких и федорцевских мужиков, а родился промысел в сельце Якшине. С появлением небольших пароходов для перевозов и прогулок промысел ощутимо пал и часть из яличников стали содержателями или, чаще, арендаторами перевозов, купален, портомоев (прачечных на берегу реки – Ред.), рыбных садков, а их односельчане стали наниматься к ним рабочими [211].

В Зубцовском уезде различались судовщики (337) и рабочие на судах (656). Первые – владельцы собственных несамоходных барж и рабочие на них, вторые – служащие на пароходах.

Судовщики выходили в основном из Ушаковской (109) и Первитинской (108) волостей. Здесь жили и хозяева, и их матросы. Хозяева имели каждый от одной до пятнадцати барок, на которых возили в Петербург дрова из бассейна Волхова. Подряд брался у новгородских и петербургских лесопромышленников. Погрузка, доставка и выгрузка одной сажени дров стоила от рубля до полутора, осуществлялась она собственными рабочими, которые загружали на барку 500–700 сажень дров. В лето делали три полных рейса.

Барку частью тянул буксир, частью – лошади. По Неве от Шлиссельбурга до Петербурга за буксировку хозяину парохода платили 10 рублей, путь вниз стоил 25. Путь по Староладожскому каналу на буксире – 20 рублей, лошадьми – от 30 до 70. По Волхову 16 верст вниз – 10 рублей, вверх – 15.

На барке полагалось иметь 3–4 рабочих-земляков. Набирались они на всю навигацию (6 месяцев) за 80 – 110 рублей на хозяйских харчах (30 копеек в сутки). Барки нередко разбивались, и их хозяева сильно рисковали. Зарабатывал владелец барки за сезон 100 рублей или чуть больше. Между тем сама барка с оснасткой стоила рублей 350, да на ней еще груз [212]. Работали на барках и 112 судовщиков Грузинской волости Новоторжского уезда (больше всего из погоста Дмитриевского – 25 человек) [213]. В этом уезде их называли дровокатами.

Из Осташковского уезда, вообще по преимуществу рыбацкого, в Петербург отходило 207 рабочих на барках (111 из Синцовской и 63 из Дрычевской волостей). Каждая деревня специализировалась на определенном типе груза: зарьевские и дубовские крестьяне, например, возили мусор, грязь, уголь, суворицкие – мусор и песок. Из деревни Верхнее Залучье Дубковской волости отходили перевозчики бульжника, из Погорелова – товаров с кораблей, из Зуевки Павлихинской волости – перевозчики песка. В Заплавье Краватынской волости мужики отходили в Кронштадт, где зарабатывали за лето рублей по 80, перевоза на яликах пассажиров с судов, стоявших на внешнем рейде [214].

В Старицком уезде судовщики и судорабочие отходили по преимуществу из Емельяновской волости (112 из 316), встречались также из Братковской, Ефимьевской, Кобелевской и Татарковской. Судохозяева выходили в основном из деревень Дубровнино и Улитино Татарковской волости. Из Емельяновской волости отходили также перевозчики и лодочники (160 из 172 по уезду) [215].

Пароходные кочегары и машинисты отходили в Петербург из Иружской волости Зубцовского уезда (соответственно 151 и 83; всего по уезду – 183 и 105), Прасковьинской (77 и 15) и Братковской волостей (41 и 18) Старицкого уезда (всего по уезду – 145 и 52). Промысел основали два крестьянина из Мартьянова и один из Алексина в начале 1860-х годов; потом их примеру последовали соседи. В обоих уездах были деревни, где на пароходном промысле было занято подавляющее большинство отходников (Братковская волость – Тальцы и Климово; Прасковьинская – Липино, Изосенок, Заблино, село Бороздино; Иружская – Мартьяново, Лукшино, Богоявленская).

Начинали ходить в Петербург в 18–19 лет. При удаче отходник последовательно становился вначале матросом, потом рулевым; из кочегаров выходили помощники машинистов, затем машинисты.

На пароходы нанимались в начале марта в судоводных конторах столицы. Там предпочитали иметь дело с уже испытанными в прошлые навигации служащими или теми, кого они рекомендовали. Плата за месяц матросу составляла 15–20 рублей, шкиперу – 35–40, рулевому – 2530, кочегару – 18–20, машинисту – 35–50. В начале 1890-х годов в капитаны выбился только один тверской крестьянин из деревни Мартьяново. Будучи безграмотным, он получал 100 рублей в месяц.

Харчевались пароходные служащие за свой счет. Матросы и кочегары тратили на еду 4 рубля в месяц, остальные – 8–10. Навигация на Неве продолжалась 7 месяцев. В деревню отходники приносили от 2/3 заработка, остальное проживали в городе и тратили на дорогу (20 рублей в два конца) [216].

Мелкие профессиональные землячества

4 апреля 1866 г. костромской картузник Осип Комиссаров отклонил руку стрелявшего в Александра II Дмитрия Каракозова и тем спас государя от верной смерти. Как и многие столичные шапочные и картузные мастера и торговцы, О. И. Комиссаров происходил из села Молвитино Буйского уезда.

Согласно городской переписи, в 1869 г. из 116 владельцев шляпных и фуражечных мастерских в Петербурге костромских крестьян было 51, из 700 рабочих – 228, из 172 одиночек – 103. В 1890 г. всего в Петербурге насчитывалось 164 хозяина шляпных и фуражечных мастерских, 2 служащих, 1260 рабочих и 176 одиночек. В 1900 г. соответственно 350, 8, 1706 и 203. В Костромской губернии шапочным ремеслом занимались только в селе Молвитино и в одноименной волости Буйского уезда.

Молвитино, насчитывавшее в 1860-е годы, по данным П. Семенова-Тян-Шанского, 280 дворов и 1271 жителя, располагалось на оживленном торговом тракте в 40 верстах от уездного города [217]. Земледелием молвитинцы занимались мало: их основными занятиями были скупка льна у окрестных крестьян и, главным образом, изготовление шляп, шапок и картузов.

Шапочный промысел был распространен и в самом селе, и в прилежащих к нему 36 деревнях Молвитинской волости. Появился он в здешней округе еще в конце XVII столетия. С 1850-х годов местные шапочники начали уходить на заработки в столицу. К 1890 годам около тысячи молвитинцев занималось изготовлением головных уборов. Девять десятых шили шапки (это считалось более выгодной работой), остальные – картузы. Широко использовались швейные машинки.

Мех для шапок оптом закупался на нижегородской ярмарке (кроме бобра и кролика – они шли из Москвы). В Петербурге покупали старые зонтики – их шелк шел на тульи. Из столиц в село шли и другие потребные в ремесле материалы – бархат, плис, сукно, коленкор, тафта, вата, машинные нитки.

10 мастерских работали в 1890-е круглый год, имея по 5-25 мастеров и по 1-5 мастериц и 30 мальчиков. Лучшая мастерская делала оборот на 100 тысяч в год. Большинство же хозяев с мастерами и учениками отправлялись в одну из столиц и там работали с мая до конца декабря, по заказу магазинов. Заработок бывал от 60 до 160 рублей. [218]

Молвитинские шапочники – редкий пример сельских ремесленников, перенесших свое ремесло из деревни в город практически без изменения характера его организации. Они интересны еще и тем, что образовывали костяк единоверческого прихода.

Буйский уезд, вообще «примечательный крайней домоседливостью своих жителей», высылал в Петербург точильщиков. Их присутствие в городе, дворы которого они методически обходили с неизменным «ножи, ножницы точить», было весьма ощутимо. В отличие от большинства других костромичей точильщики оставались в Петербурге на зиму, а летом возвращались к себе в Буй. Точильщики образовывали в городе небольшие артели в 3-5 человек. В артельную кассу шла примерно треть заработка: она тратилась на жилье и утренний чай с хлебом. Точильщики, по сообщению анонимного газетного очеркиста, зарабатывали в среднем полтора рубля за день работы. Главный доход давали им даже не индивидуальные заказы, а работа для кухмистерских, трактиров, Апраксина двора (заточка старых ножей, поступавших на продажу) [219].

В Иружской волости зубцовского уезда был распространен отход пильщиков. Их занятием была продольная пилка для мебельщиков. Уходили осенью с 1 сентября и возвращались первый раз к Пасхе. Затем снова отправлялись в Петербург, где находились до Петрова дня.

Пильщики работали парами. Пара работала у мебельщиков сдельно. Оплата зависела от числа «проходов» и породы дерева. Дороже всего стоила пилка орехового дерева – 25 копеек за проход, ясень – 15 копеек, дуб – 10, липа – 5, ольха – 3. Самой невыгодной считалась пилка толстого орехового дерева, самой выгодной – тонкого. Пилили или на козлах (хозяйских), или на ямах (толстое дерево). Чурки американского ореха весили до 100 пудов. Пара в день зарабатывала 2-3 рубля. Работали на своих харчах (в среднем 2 рубля на человека в неделю). За квартиру – 1 рубль в месяц.

Для работы требовался сравнительно дорогой инструмент: пила долевая стоила 8 рублей, топор – 50 копеек, подпилки – 15 рублей (по 35 копеек подпилков), ручки – 50 копеек, лом – рубль, веревки – 65 копеек. Всего на пару около 25 рублей. Летом инструмент оставляли в Петербурге у знакомых. К концу XIX века промысел сильно пал из-за появления специальных пилорам.

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
Из Тверской губернии в 1890-е годы отходило 530 крючников. В Петербург шли крючники из Иружинской волости Бежецкого уезда (в основном из деревни Алексино) и соседней с ней Раменской Новоторжского – всего 107 человек. Остальные находили работу на волжских пристанях.

Тверские крючники занимались погрузкой и разгрузкой судов, работали на железнодорожных станциях или совмещали погрузо-разгрузочные работы с ломовым извозом. Уходили крючники из деревень в конце апреля, в деревню возвращались к 14 ноября.

Отход начинался в 18–19 лет. Существовали три типа трудоустройства крючника: артельная, наем к определенному подрядчику, поденная работа. Артели и работники, связанные с определенным подрядчиком, нанимались на сезон. Хозяин обеспечивал харчами и квартирой. За семь месяцев работы на руки полагалось 120–180 рублей.

Артель (она состояла обычно из 25–40 человек) избирала из своей среды нескольких выборных, ищущих выгодный подряд. Снималась артельная квартира рублей за 25 в месяц. Харчи выбирались в долг в лавке, расплачивались ежемесячно или за все лето. Питание одного крючника в месяц обходилось примерно в 10 рублей. Еще рублей 6 платили кухарке.

Выдача заработка происходила по окончании сезона. Размер выплаты зависел от полезности работника как ловкого и сильного крючника или как предпринимателя.

Больше всего полагалось артельному подрядчику – старшему из выборных, взявшему работу на подряд (сам он в физической работе участия не принимал). Затем шли «отделенные», заведующие «штабелем», то есть порядком укладки, «вешальщики», стоявшие у весов и контролировавшие количество перенесенного груза, и носильщики девятипудовых кулей. Следующий разряд – носильщики мешков (в стандартном мешке – 5 пудов). Наконец, последними по оплате шли молодые члены артели, так называемые первоучки, которые «ставили» мешки, то есть подавали их и помогали ставить на плечи. Если при работе требовались лошади, то наем ломовых извозчиков производился самой артелью.

Поденщики получали от подрядчиков от 80 копеек до полутора рублей в день. Харчи за свой счет: обычно завтрак из хлеба, рубца и печенки – 10 копеек, такой же обед с чаем – 20, ужин – 10; всего 40 копеек в день. Ночевали поденщики в ночлежках – 5 копеек за ночь.

С конца XVIII века в Холмовской волости Пошехонского уезда получил распространение отход в Петербург корзинщиков. Корзины, сделанные из сосновой дранки в виде ящиков для упаковки ягод, посуды, яиц и других хрупких или легко повреждающихся товаров, широко употреблялись в магазинной торговле города.

В 1869 г. этот промысел в столице был почти полностью монополизирован ярославскими крестьянами (21 из 29 хозяев корзиночных мастерских и 173 из 273 рабочих в них).

В 1901 г. корзиночным промыслом был занят 671 ярославский крестьянин, из них 619 (92,3 %) уходило в Петербург. Подавляющее большинство из них (98,3 %) отправлялось в столицу из трех волостей, лежавших на стыке Романово-Борисоглебского, Пошехонского и Даниловского уездов [220]. Отход здесь не был сезонным, корзины в магазины требовались постоянно.

Широко применялся труд подростков – четверть корзинщиков была моложе 18 лет. Ученье продолжалось 23 года, причем в это время мальчикам жалованье не полагалось. Подмастерье зарабатывал от 10 до 14 рублей в месяц на хозяйских харчах. Жили работники в помещениях мастерских. Работа продолжалась 13–15 часов чистого времени в день. В день рабочий изготавлял в среднем 60 корзин из сосновой дранки.

Технология работы была сравнительно несложной, инструмент стоил 5–10 рублей, и поэтому среди корзинщиков было довольно много самостоятельных хозяев (5,7 % или 38 человек). Одиночка зарабатывал в год до 300 рублей, хозяин в среднем – 1200.

Глава 6 Земляческие общества

В начале XX века в Петербурге существовало множество официальных благотворительных обществ, построенных по земляческому принципу. Большинство из них было создано иностранцами (немцами, итальянцами, швейцарцами и т. д.).

Существовали и общества взаимопомощи уроженцев нескольких русских губерний – Олонецкой, Вологодской, Костромской, Рязанской, Владимирской,

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org Тамбовской, Архангельской. Ярославская губерния была представлена сразу тремя благотворительными организациями, объединявшими ярославцев в целом и отдельно уроженцев двух ее уездов: Угличского и Мышкинского.

Земляческая благотворительность преследовала цель облегчить положение мигрантов в столице. Общества содержались на взносы своих членов (как правило, пожизненные члены платили при вступлении 100 рублей, действительные – по 3 рубля в год, члены-корреспонденты – по рублю в год), отдельные пожертвования (иногда очень крупные), поступления от специальных сборов (кружечный сбор, благотворительные спектакли и балы). Полученные средства капитализировались.

Расходы обществ состояли, прежде всего, из безвозмездных пособий землякам, оказавшимся в затруднительном положении в столице. Чаще всего это были относительно небольшие пособия, иногда железнодорожные билеты, необходимые для возвращения в родную деревню. Общества арендовали или покупали недвижимость, чтобы содержать в ней дешевые или бесплатные квартиры, приюты, богадельни, ясли, столовые.

Общества ежегодно выпускали печатные отчеты о своей деятельности. Такие отчеты год от года сохраняли одинаковую структуру: очерк деятельности общества за прошедший год, баланс расходов и доходов, сведения о состоянии капитала общества и полный список членов.

Эти отчеты (как и сами общества) до сих пор не вызвали интереса историков. Между тем, списки членов общества в сопоставлении с различными справочными пособиями (прежде всего «Всем Петербургом» и справочниками купеческой управы) позволяют выяснить региональный состав столичной национальной буржуазии, ее связи с чиновничеством и духовенством города и, в конечном итоге, получить важные выводы о значении земляческих связей в социальной мобильности русских крестьян.

Возможность уточнить материалы отчетов дают справочники, ежегодно выпускавшиеся столичной купеческой управой [221]. Они представляют собой алфавитные аннотированные списки всех лиц, выбравших в Петербурге торговые и промысловые свидетельства. Особенно ценно, что в них сообщаются сведения о приписке всех крестьян и мещан, внесенных в списки (губерния, уезд, волость, деревня). Однако большинство занесенных в списки, в конце концов, приписывались к петербургскому купечеству. И тогда определение их происхождения вызывает определенные трудности. До 1880 г. в справочниках указывается только губерния, к которой были приписаны торгующие в столице крестьяне и мещане. Были и такие, кто приписывался к купечеству сразу по обретении собственного дела.

Ярославцы

«Ярославец – венец создания в Великороссии по своим дарованиям», – писал И. С. Аксаков [222]. Резкое своеобразие населения этой губернии отмечали многочисленные свидетельства современников.

Протоиерей П. А. Смирнов, обращаясь к своим землякам, жившим в Петербурге, так описывал эту особую ярославцев среди уроженцев других губерний: «Характеристические черты населения: дар предприимчивости, умение ужитья где угодно и с кем угодно и найтись в самых трудных обстоятельствах, выносливость в труде и нужде до последней степени возможности, дар сообразительности <...> и решимость на риск в благоприятную минуту. История всех здешних ярославцев, с незначительными изменениями, одна: наденет отец или мать образок на шею, даст медный пятак в руку, и – ступай с Божьим благословением. И вот, натерпится, намается человек, но встанет наконец на ноги, берет в руки дело, строит там, в деревне, дом высокий, или школу, или церковь, приобретает известность, дает начало богатому роду в столице» [223].

Наблюдение земского исследователя: «Смышленость ярославского крестьянина и его природная сообразительность открыли ему доступ во все концы нашего обширного государства; но особенно охотно избрал он центром своей отхожей деятельности нашу северную столицу <...> вы не встретите его ни землекопом, ни каменщиком, ни бурлаком, <...> а пошел он приказчиком в лавку, половым или буфетчиком в трактир и на всякую другую деятельность, требующую не тяжкого труда, а лишь известной смышлености и расторопности» [224].

Наконец, бытописатель столичной торговли видел специфику ярославского отходника так: «Малоземельность и скудость почвы давно приучили ярославца к отхожим промыслам, которые он обратил в постоянный источник своего

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org благосостояния. Вращаясь между людьми всех классов, и по преимуществу в столицах и больших городах, ярославец выработал себе особую манеру обращения: вежливую, вкрадчивую, что называется "себе на уме". Жизнь в городах и служба в трактирах и торговых заведениях познакомила ярославца с роскошью и щегольством: и мужчины и женщины любят щеголять нарядами и вообще по одежде и обстановке казаться более горожанами, чем поселянами» [225] .

Крестьяне Ярославской губернии по преимуществу уходили на промысел в Петербург. С момента основания новой столицы она перенимала все большую долю ярославцев, работавших на стороне. Первые достоверные статистические данные о направленности отхода относятся к 1842–1852 гг. К этому времени в Петербург ежегодно направлялся 27751 ярославский крестьянин, т. е. 47,7 % от общего числа взявших паспорта для того, чтобы покинуть пределы губернии. По профессиям доля тех, кто уходил в северную столицу, среди всех ярославцев-отходников выглядела так: строители – 48,0 %, торговля – 36,0 %, прислуга – 35,4 %, огородники – 77,6 %. В 1897 г. 52,8 % всех ярославских крестьян отправлялось в Петербург и только 13,2 % – в Москву [226] . Преобладание отхода в Петербург сохранялось и в начале XX века.

«Ярославское благотворительное общество в Петербурге» (далее ЯБО) – самое старое из официальных земляческих организаций столицы. Оно стало самым влиятельным и представительным из земляческих обществ Петербурга, эталоном и предметом зависти и подражания.

Мысль о создании ЯБО возникла в 1893 г., устав утвержден в 1894-м, торжественное открытие состоялось 28 декабря 1897 г. в зале общества распространения религиозно-нравственного просвещения. Инициатором создания общества стал председатель учебного комитета при Синоде протоиерей П. А. Смирнов. 70 петербургских ярославцев собрали 673 рубля и избрали правление во главе с коммерции советником И. С. Крючковым [227] .

Крючков, остававшийся председателем общества до 1917 г., родился в 1849 г. в Петербурге в семье крестьянина-ярославца, уроженца села Николо-Задубровское Рыбинского уезда. Свою карьеру в торговле он начал по окончании Реформатского училища в фирме Елисеевых. Знание иностранных языков и усердие в работе обеспечило ему быстрое продвижение в крупнейшем торговом доме Петербурга. Он заведовал торговой конторой Елисеевых в Гостином дворе, а затем завел собственное дело. Купец-фруктовщик, он содержал три лавки в Апраксином дворе, много лет был гласным Городской думы, председательствовал в Санкт-Петербургской купеческой управе, входил в правление нескольких банков и благотворительных обществ [228] . Справочник Городской думы характеризует И. С. Крючкова так: «заклятый враг темного царства, как человек обладает веселым нравом и умеет понять и оценить на лету брошенную мысль» [229] .

К десятилетнему юбилею Общество насчитывало более трех тысяч членов. Им были открыты приют для сирот, убежище для мальчиков и столовая для бедных [230] . Общество оказывало единовременную помощь попавшим в беду землякам: с 1898 по 1913 гг. на эти цели было потрачено 68 659 рублей (обратилось в общество 20 495 ярославцев).

В детском приюте и яслях (Большой проспект П.С., 51/2) в помещении из 6 комнат призревалось к 1913 г. 30 детей до 14 лет. На 4-й Рождественской, 9, в убежище для мальчиков Ярославской губернии, приезжающих в столицу на промыслы, в том же году нашли временное пристанище 164 мальчика. В столовой (Коломенская, 40) бесплатным обедом из двух блюд ежедневно кормили 200–300 человек. Средний расход общества на дела благотворительности достигал 35 тысяч рублей в год [231] .

В Ярославское благотворительное общество входили несколько видных государственных деятелей: ярославский губернатор, будущий премьер-министр Б. В. Штурмер, дворцовый комендант В. А. Дедюлин, член Государственного совета Н. А. Зиновьев, многолетний городской голова А. Г. Ратьков-Рожнов, заведующий придворным духовенством протоиерей П. А. Благовещенский. Интеллигенция была представлена слабее: сын ярославского крестьянина, знаменитый скульптор А. М. Опекушин и редактор «Петербургского листка» Н. А. Скроботов [232] .

Большую часть общества (69,8 %) составляли торговцы и трактировладельцы. Из тех 727 членов, занятия которых удалось установить, владельцами заведений по продаже продовольственных товаров были 191 или 26,3 % (колбасники – 11, молочники – 21, мясники – 63, зеленщики – 21, бакалейщики – 60, булочники – 9, рыбники – 4, квасники – 3), продажей промышленных товаров занимались – 204 или 28,1 % (мануфактурщики и обувщики – 83, торговцы предметами домашнего обихода – 43, строительными материалами – 23, мелочники – 37, книготорговцы – 11, торговцы иконами и церковной утварью – 7), сеном торговали 8 человек. 104 участника общества содержали трактирные заведения, ренсковые погреба, владели гостиницами или банями

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org (14,3 %).

Кроме того, в состав общества входило 25 торговых служащих, 30 владельцев промышленных предприятий, 31 подрядчик, 25 владельцев ремесленных мастерских, 10 извозопромышленников, 14 банковских служащих, 44 чиновника, 16 священнослужителей, 10 врачей, 8 лиц прочих профессий.

В составе Общества было 154 купца (из них 44 – первой гильдии), 119 потомственных почетных граждан.

Ярославцы контролировали деятельность фруктовой, чайной, винной, рыбной бирж (16 членов биржевого комитета, в том числе председатель И. В. Черепенников, товарищ председателя Ч. Г. Бродович, казначей С. И. Буштуев). Председателем правления яичной, масляной и курятно-дичной биржи был другой ярославец – К. В. Чистяков, а в ее правлении состояло еще три члена общества. Наконец, в скотопромышленной и мясной бирже членами правления состояли 8 ярославцев, в том числе председатель Н. А. Пузырев.

Ярославцы составляли большинство членов правления в Обществе взаимного кредита Санкт-Петербургского уездного земства (8 из 14, включая председателя Н. И. Капустина) и Санкт-Петербургском обществе взаимного кредита (3 из 4 членов правления, 4 из 8 депутатов). Кроме того, их позиции были сильны в Русском для внешней торговли банке: 3 из 14 членов правления.

Ярославцы были достойно представлены в городском и сословном управлении. В 1909 г. из 159 гласных Городской думы 16 состояло членами Ярославского благотворительного общества. И. С. Крючков (председатель общества) был и председателем Купеческой управы; к обществу принадлежали заседатели управы и оба гильдейских старшины.

В Ярославском обществе состояли 22 церковных старосты. При этом А. Г. Чадаев был старостой Казанского собора (он радел и своей родине: на его средства в селе Успенском Вятской волости Даниловского уезда в 1892 г. была сооружена Иоанновская церковь), Н. М. Чечурин – Троицкого, П. Е. Воеводский – церкви Успения Святой Богородицы (Спаса на Сенной), Д. С. Бочков – Вознесения Господня (Вознесенской), А. И. Улыбин – Благовещения Пресвятой Богородицы (Конного полка), В. П. Барышков – Введения во храм Святой Богородицы (Семеновского полка), В. П. Крутов – Св. Кн. Александра Невского (Суворовская Кончанская на Преображенском плацу), В. И. Черепенников – Сергиевского всей артиллерии собора. Среди ярославцев и руководители двух старообрядческих общин – федосеевец А. И. Латынин и поморец П. Н. Кончаев.

В старейшем и наиболее влиятельном из земляческих обществ Петербурга состояли не только ярославцы. Среди пожизненных членов общества (а ими считались те, кто пожертвовал на его нужды не менее 100 рублей) – многолетний председатель Костромского благотворительного общества, крупнейший петербургский колбасник Д. Л. Парфенов, председатель Олонецкого благотворительного общества, владелец кожевенного завода М. А. Зверков (впрочем, возможно Зверков был и ярославцем, его отец А. В. Зверков завещал Ярославскому губернскому земству капитал в 100 тысяч рублей на нужды народного образования Даниловского уезда) и другие олончане-кожевники – братья Брусницыны.

Трудно сомневаться, что из Ярославля не происходили председатель Санкт-Петербургского общества германских подданных, купец 1-й гильдии Э. Тильманс, врач и виноградовец, католик Чеслав Бродович и владелец хромолинографии, иудей Г. А. Хаймович [233] .

Угличане

3 июня 1901 г. на собрании в Александровской зале Городской думы было создано Общество взаимопомощи уроженцев города Углича и уезда его в Санкт-Петербурге. День был выбран не случайно – годовщина перенесения мощей царевича Димитрия из Углича в Москву в 1606 г. [234]

Угличане первыми в Петербурге основали земляческое общество для уроженцев уезда; другие подобные общества объединяли уроженцев одной губернии. И понятно: один Угличский уезд давал Петербургу больше купцов, чем любая губерния, кроме Ярославской и Тверской. Всего же, по словам корреспондента «Петербургского листка», в столице насчитывалось 10 тысяч уроженцев Угличского уезда [235] .

С момента основания и до 1917 г. председателем общества оставался Л. Ф. Соловьев, личность яркая и странная. Он родился в 1864 г. в Сигорской волости Угличского уезда, с 1890 г. содержал ренсковый погреб на Белозерской улице, 15, имел дом на Шамшевой. Поэт, публицист и

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org историк-любитель, почетный гражданин города Углича, он написал вышедший тремя выпусками памфлет «Тайны Петербургской стороны», где под прозрачными псевдонимами скрыты чрезвычайно ехидно и грубо охарактеризованные его соседи по Петербургской части. «Ида Державиц, известна благотворительностью для мужчин; содержит женский "монастырь". Обыватели считают ее покровительницей», – имеется в виду Ита-Лея Державич, владевшая домом по Б. Белозерской, 28. Домовладелец А. В. Шкаров с Рыбацкой охарактеризован так: «А. Шаров, единственный наследник дома, сильно влюблен в "соточку", чудный виртуоз, музыкант, но жизнь свою на пустыки сменял. Автомобилист» [236] .

Как видно из сочинений основателя Общества, его занимала мысль о том, что «большинство угличан, переехав в другие города, забыли почти свою родину и весьма редко посещают ее, от чего в городе заметно опустение жилищ». С другой стороны, он испытывал патристическую гордость: в его уезде «всюду видна веселость и праздники справляются выдающимися торжествами; что же касается общежития и нарядов их, они не уступают городским нарядам» [237] .

Само возникновение Общества угличан при наличии уже действовавшего Ярославского было вызвано каким-то неизвестным нам конфликтом. «Не могу обойти молчанием того факта, что в Петербурге год назад учреждено Общество взаимопомощи города Углича и уезда его. Угличане – не те же ли ярославцы? И к чему это разделение?» – взывал к землякам попечитель детского приюта Ярославского благотворительного общества [238] .

Угличское общество включало в свой состав членов учредителей, почетных членов (внесших единовременный взнос в сумме не менее 500 рублей), пожизненных (не менее 60), действительных (не менее 3 рублей в год), членов-соревнователей (1 рубль).

Численность общества в первый год его существования – 755 человек. Затем она значительно снизилась и колебалась до 1917 г. в пределах от 300 до 400 человек. Общество расходовало в год 2–3 тысячи рублей на пособия петербургским угличанам, на отправку на родину тех из них, у кого не было денег на билет.

Проводились собрания, балы, рождественские праздники для детей. У общества был свой дом с обстановкой на Покровской, 37. В 1912 г. был приобретен дом с участком земли на Крестовском острове для открытия приюта во имя св. царевича Дмитрия.

Общество старалось всемерно способствовать процветанию родного Углича: когда решался вопрос о дальнейшем трассировании железнодорожной ветки, шедшей от Николаевской дороги на Калязин, общество «уполномочило Л. Ф. Соловьева, Т. П. Карасева, Н. А. Русинова хлопотать перед правительством о скорейшем сооружении железной дороги на город Углич» [239] . Хлопоты (делегация была принята министром путей сообщения) увенчались успехом [240] . В Углич посылались собранные в Петербурге деньги: на нужды Реального училища, на елку для бедных детей и т. д. [241]

Угличане имели связи в «сферах»: общество с момента своего создания находилось под августейшим покровительством великого князя Сергея Александровича, а после его гибели – Михаила Александровича. Среди почетных членов – генерал А. Н. Куропаткин, известный публицист из «Нового времени» Н. А. Сыромятников (Сигма), редактор «Ведомостей С.-Петербургского градоначальства» М. Г. Кривошлык.

Вообще же, общество угличан по своему составу значительно демократичнее ярославского. В составе его правления не было сколько-нибудь известных предпринимателей, все это рядовые лавочники и трактирщики. Однако угличане, избравшие местом своих неформальных встреч трактир «Ягодка» в Апраксином рынке, именно благодаря социальной однородности своих сочленов, использовали общество не только для богоугодных дел на малой родине, но и для, как сейчас сказали бы, социализации угличан в столице. На вечерах, организованных обществом, искали женихов и невест дочерям и сыновьям. Тут сплетничали, искали компаньонов и кредиторов [242] .

Мышкинцы

Последним из трех обществ, объединявших петербургских ярославцев, в 1904 г. основано было Мышкинское благотворительное общество в Петербурге, имевшее целью «доставление средств к улучшению материального быта и нравственного состояния впавших в бедность жителей города Мышкина и его уезда без различия пола, возраста, состояния и вероисповеданий, за

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org исключением лиц иудейского исповедания [243] ». Инициатором создания общества был уроженец села Прилуки Мышкинского уезда, известный метеоролог Н. А. Булдаков. Среди бессменных членов правления общества – три мышкинских трактировладельца: А. Ф. Морозов, П. Ф. Морозов и А. В. Шувалов.

К 1910 г. в Обществе состояло 215 человек: 18 почетных членов, 2 – пожизненных, 7 – членов-сотрудников, 147 действительных, 37 членов-соревнователей. Расходы общества не превышали 300 рублей в год.

Костромичи

Петербург построен строителями из трех уездов Костромской губернии: Чухломского, Галичского, Солигаличского. Тесно скрепленные между собой земляческими и профессиональными связями, костромичи образовывали в столице второе по влиянию, после ярославского, крестьянское сообщество.

Костромское благотворительное общество (КБО) было основано 14 марта 1901 г. там же, где за четыре года до него образовалось ЯБО – в Обществе религиозно-нравственного просвещения на Стремянной улице. 14 мая – местный костромской церковный праздник в честь иконы Федоровской Божьей Матери; с ней костромичи в 1612 г. совершали крестный ход к Михаилу Федоровичу, умоляя его принять царский венец.

Инициатива создания общества принадлежала жившим в Петербурге священникам-костромичам: епископу нарвскому Никону (позже он стал экзархом Грузии и был убит в 1905 г.) и настоятелю Исаакиевского собора И. А. Соболеву, а также статс-секретарю А. Н. Куломзину, крупнейшим петербургским колбасником Д. Л. и Ф. Л. Парфеновым и мануфактурщику и фабриканту, гласному Думы И. И. Дернову, который вплоть до 1905 г. оставался председателем правления КБО [244] .

Число членов общества (они в зависимости от заслуг перед КБО делились на почетных, пожизненных, действительных и членов-соревнователей) колебалось от 865 (в 1908 г.) до 344 (в 1916-м). Общество ежегодно выдавало пособия нуждающимся землякам, оказавшимся в столице (на сумму примерно в 5 тысяч рублей), проводило собрания, вечера и балы.

В 1907 г. КБО выстроило трехэтажный дом на углу Киевской и Лубенской улиц. Проект безвозмездно составил член КБО техник-строитель В. С. Шорохов, подрядчик Кононов также бесплатно выделил кирпичи на постройку, а кладку безвозмездно произвела артель каменщиков Сизова. В доме помещались правление общества, дешевые квартиры, сдававшиеся исключительно костромичам, и богадельня, где призывалось 18 костромских старушек.

Из 373 членов КБО, перечисленных в отчете за 1908 г., профессию которых можно определить по справочнику «Весь Петербург», 140 (37,5 %) были строительными подрядчиками или владельцами строительных мастерских (46 – малярных, 24 – столярных, 14 – паркетных, 26 – общестроительных, 7 – водопроводных, 14 – прочих строительных), 9,4 % владели торговыми заведениями по продаже продовольственных товаров, 12,6 % – промышленных (из них 6,2 % торговали строительными товарами), 7 % были хозяевами ремесленных заведений, 9,7 % – чиновниками, 6,2 % – священниками, 5,1 % – хозяевами промышленных предприятий, 12,5 % – прочими.

Хотя КБО не имело в своем составе такого количества влиятельных людей, как Ярославское благотворительное общество, в нем было представлено много видных горожан.

Среди 15 церковных старост, входивших в КБО, – уроженец деревни Халоново Верховской волости Солигаличского уезда Н. А. Серяков – староста церкви Владимирской Божьей Матери, крупнейший в Петербурге торговец водопроводными принадлежностями (три лавки в Апраксином дворе), дядя известного биолога, староста церкви Преображения Господня (Гренадерского полка), владелец лесной биржи на Петровском острове П. А. Любищев, купец 1-й гильдии П. Е. Воеводский (он входил и в ЯБО) – староста Спаса на Сенной, Ф. Я. Колобов – владелец лесопильного завода на углу Зелениной и Левашовского и 27 доходных домов – староста церкви Спаса Преображения на Колтовских, крупнейший петербургский гробовщик, купец 1-й гильдии Д. П. Шумилов – староста церкви Св. Марии Магдалины при Ивановском детском училище [245] , братья Ф. Л. и Д. Л. Парфеновы – старосты соответственно Пантелеймоновской церкви и церкви Троицкого Общества распространения религиозно-нравственного просвещения. Крупнейшие в Петербурге торговцы шапками И. Ф. Зверев, П. Ф. Лезов и Г. И. Сандин были старостами единоверческих церквей Николая Чудотворца на Николаевской и на Знаменской

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org улицах и Дмитрия Солунского на Большеохтинском кладбище соответственно.

О старшем Парфенове, председателе КБО с 1905 по 1915 гг., следует упомянуть особо. Дмитрий Лаврентьевич Парфенов родился в 1852 г. в селе Спас-Серапиха Чухломского уезда. Он рано осиротел и воспитывался со своим родным братом Федором в семье дяди в соседнем селе. Как шутил позже председатель КБО, «брат Федя получил низшее образование, потому что учился в деревне у дьячка, а я – среднее, потому что учился у дьякона» [246]. Сам же дядя, С. А. Парфенов, содержал в Петербурге колбасную лавку.

С 12 лет Д. Парфенов – в столице, мальчиком в чайной лавке Н. Ф. Кулебякина. С течением времени «среди чайных торговцев он приобрел себе славу специалиста, знатока чайного дела, его звали к себе на службу как нужного человека, прибавляя ему жалованье». В 1870-е годы Парфенов служит старшим приказчиком в чаеоторговой фирме Шенке, получая 125 рублей в месяц – оклад значительный. «Хозяева его любили и баловали, катали его вместе с собою на тройках, приглашали на балы и вечеринки, впереди сулили золотые горы».

В 1882 г. судьба Парфенова резко меняется – дядя передает ему с братом свою колбасную лавку. В материальном отношении переход от чаеоторговли к скромной колбасной лавке был невыгоден: «из протоиерея в дьячка». Как вспоминал позже Парфенов, «из чистого сюртука и крахмальной сорочки – надел из толстого сукна пиджак и на него фартук». Только к началу 1890-х годов дело на новом месте пошло в гору.

В 1896 г. Д. Парфенов совершил поездку в Германию, где изучал тамешнее колбасное производство и холодильные камеры. Привезя оттуда немецкого инженера, он построил по его проекту крупнейшую в Петербурге колбасную фабрику с холодильными установками и ледником. С тех пор, вплоть до смерти в 1915 г., Парфенов оставался крупнейшим производителем и торговцем колбасой в столице (среди 10 принадлежавших ему торговых заведений самыми крупными были два магазина на Невском и лавка на углу Садовой и Гороховой). Кроме фабрики на Киевской, 6, он один и вдвоем с братом владел 9 домами, председательствовал в совете Санкт-Петербургского общества взаимного кредита.

С 1890-х годов он становится и одним из самых заметных благотворителей столицы, играя активную роль в деятельности Общества религиозно-нравственного просвещения. Парфенов был старостой Троицкой церкви общества («идеальный церковный староста – шумный, быстрый, стремительный»), руководил сбором средств и постройкой дома общества на Стремянной улице, Введенской церкви у Варшавского вокзала, Предтеченской церкви на Выборгской стороне, церкви Эстлянского православного братства, жертвовал на Казанский собор, на Спасо-Сенновскую церковь, на храм села Мартышкина (там была его дача).

Будучи инициатором создания КБО, Парфенов вносил вклады во все церкви родного ему Чухломского уезда, а в родном селе построил каменную церковь, приют с ремесленными классами и богадельню.

Широкая благотворительность Парфенова сделала его кавалером орденов Св. Святослава, Св. Анны, Св. Владимира. В 1914 г. он стал действительным статским советником.

В Городской думе в 1908 г. костромское землячество представляли 6 гласных, в том числе один из известнейших домовладельцев в России, бывший городской голова, владелец знаменитой Громовской лесной биржи В. А. Ратьков-Рожнов, владелец кирпичного завода в Усть-Ижоре (на нем работало 235 рабочих), и 5 доходных домов, подрядчик строительных работ, член правления трех кредитных обществ, коммерции советник М. В. Захаров, знаменитый петербургский адвокат, брат известного писателя-костромича, автора «Горькой судьбины», П. А. Потехин, владелец Белозерских бань, домовладелец П. П. Шорохов, присяжный поверенный, председатель комиссии о постройке Охтинского моста Н. Я. Романов.

Значительно слабее по сравнению с ярославцами были позиции костромичей в банковском и кредитном деле. Помимо банковской конторы действительного члена КБО П. Е. Бурцева, два члена общества – И. Конечский и Ф. Бажанов (оба состояли и в ЯБО) входили в правление Санкт-Петербургского общества взаимного кредита и Второго Санкт-Петербургского общества взаимного кредита (председатель совета Д. Л. Парфенов, член совета П. П. Шорохов). Видное место в деловой жизни столицы играл в начале XX века владелец банкирского дома на углу Невского и Троицкой, купец 1-й гильдии З. П. Жданов [247].

Среди членов КБО было 13 купцов 1-й гильдии. Кроме уже перечисленных, это М. В. Захаров, крупнейший оптовый торговец мясом, поставщик двора М. И. Смирнов, строительный подрядчик, домовладелец Н. С. Батов.

Связи с правительственными кругами обеспечивали КБО его члены из губернского дворянства – министр торговли и промышленности И. П. Шипов,

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
начальник главного тюремного управления В. Д. Курлов, сенатор Н. И. Вуич,
статс-секретарь А. Н. Куломзин, вдова министра внутренних дел З. Н. Плева и
некоторые другие лица «большого света».

Тверичи

Самое многочисленное с начала XX века в столице – тверское
землячество было гораздо менее активно, чем костромское и, тем более,
ярославское.

Инициаторами создания Тверского благотворительного общества в
Санкт-Петербурге (далее – ТБО) были потомственный почетный гражданин,
купец, занимавшийся оптовой торговлей нитками и шерстью, член правления
Мариинского общества торговцев М. И. Масленников и настоятель Владимирской
церкви протоиерей Д. М. Приселков (отец известного историка) [248] .

19 мая 1902 г. десять инициаторов собрались в зале Мариинского
общества торговцев и утвердили проект устава, выработанный Приселковым.

Устав ТБО, в отличие от соответствующих документов ЯБО и КБО, в
качестве основной задачи будущего общества называл не только помощь
землякам на чужбине – в столице, но и на родине – в Тверской губернии.

12 декабря того же года в день покровителя Тверской земли, Святого
Благоверного князя Михаила Александровича, в помещении Ремесленной управы
(на Большой Московской, 1) собралось учредительное собрание ТБО, избравшее
правление во главе с Приселковым (председатель) и Масленниковым (товарищ).

В обращенной к собравшимся речи Д. М. Приселков говорил о значении
тверичей в столичной жизни: «Они подвизаются на различных поприщах –
начиная от хлебной торговли и содержания всех перевозов на яликах,
продолжая всем производством обуви, изготовлением кос, топоров, паркета,
тонких кружев, кож, шитых золотом, мелкою торговлю, работою на фабриках и
заводах и кончая более солидными коммерческими оборотами и общественном
положением». Указав на пример ярославцев и костромичей, более
многочисленных в столице, позаботившихся прежде тверичей о нуждах своих
земляков, оратор охарактеризовал общие черты уроженцев Тверской губернии.
При этом для контраста, особенно оттенявшего прелести тверского
«национального» характера, явно использовались ярославцы: «Тверичи народ
живой, бойкий, предприимчивый, любящий свою святыню и Родину. Если в них
нет той излишней бойкости, самонадеянности, которая, не в обиду сказать,
свойственна иногда некоторым соотечественникам, то есть бойкость,
просветленная знакомством с разнообразными условиями жизни, благодаря
положению между столицами, рассудительная, мужественная, выносливая... нет
той склонности к обману, лукавству и надувательству, которые свойственны
также некоторым из наших соотечественников, занимающихся отхожими
промыслами» [249] .

Уже в 1904 г. в ТБО состояло 885 человек, а его капитал составлял 12
000 рублей. Помещение для собраний предоставил Масленников, торговец
писчебумажными изделиями И. Божков снабдил общество канцелярскими
принадлежностями, а доктор В. Ч. Изразцов бесплатно пользовал его членов.

В 1909 г. в ТБО состояло 715 членов: 18 почетных, 41 пожизненных, 653
действительных и 3 члена-соревнователя. Профессия 303 из них
устанавливается по «Всему Петербургу» за соответствующий год.

Больше всего среди тверичей было торговцев – 134 (44,2 %): 41 –
мануфактура, 19 – обувь, 35 – продовольствие, 10 – кожа, 7 – строительные
материалы, 6 – ювелирные изделия, 5 – писчебумажные товары, 11 – остальные
товары.

Содержателей ремесленных мастерских было 53 (17,5 %): 24 – сапожных,
8 – монументных, 21 – прочих. 23 (7,6 %) члена ТБО содержали трактиры, бани
и гостиницы, 9 – банковские конторы, еще 9 владели фабриками, по 5 человек
были подрядчиками и содержали извоз.

В ТБО состояло 22 чиновника и офицера, 15 священнослужителей, врач и
учитель.

Почетным членом ТБО числился городской голова И. И. Глазунов.
Насколько известно из истории знаменитой семьи серпуховских, а затем
петербургских книготорговцев, к Твери они отношения не имели. Не был
тверичем, хотя и состоял в ТБО, другой гласный Думы, кожевник Н. Н.
Брусницын.

В ТБО состояли коммерции советники В. А. Петров (владелец
гастрономических магазинов на Невском и Большой Морской), Н. Н. Полежаев

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org (председатель правления Русского для внешней торговли банка, крупный хлеботорговец), 1-й гильдии купцы Г. С. Семенов (владел 8 табачными лавками в центре города); А. В. Смирнов (гласный, попечитель Санкт-Петербургского коммерческого суда, казначей общества вспомоществования нуждающимся ученикам при Коммерческом училище, член петербургского раскладочного присутствия, владелец банкирского дома «А. В. Смирнов»); П. Н. Никифоров (владелец банковской конторы); В. И. Морозов (один из крупнейших жертвователей, владелец трех ювелирных лавок на Зеркальной линии Большого Гостиного двора); И. В. Мартынов (обувной магазин в Апраксином дворе).

Церковными старостами были 7 членов ТБО: товарищ председателя общества, оптовый торговец полотном (три лавки в Апраксином дворе), владелец каменного дома на углу Разъезжей и Коломенской Н. А. Афанасьев – Воздвиженской церкви; Б. П. Барашков – Введенской церкви при Семеновском полку; И. И. Кудяшов (происходивший из крестьян деревни Елисеево Елисеевской волости Кашинского уезда) – церкви Рождества Христова; А. В. Озеров – Александра Невского при одиночной тюрьме; В. А. Петров – при институте Императрицы Марии; П. В. Нырин – Покрова Пресвятой Богородицы; торговец конфекционом в Апраксином рынке П. Фонарев – Воскресения Христова при доме графини Апраксиной.

Из других влиятельных членов ТБО можно назвать купца А. М. Аникина, происходившего из крестьян деревни Кузнечково Нагорской волости Калезинского уезда. Ему принадлежало два магазина по продаже белья на углу Садовой и Гороховой и на Зеркальной линии Гостиного двора. Он был выборным купеческой управы, членом правления Общества взаимного от огня страхования Большого Гостиного двора, старшиной Русского купеческого собрания. Кашинский мещанин В. А. Иванов, тоже выборный купеческой управы, был одним из известнейших в столице ювелиров, держал в Апраксином дворе две лавки. М. И. Орлов, происходивший из крестьян деревни Крупосево Медновской волости Новоторжского уезда, держал чайный магазин на Невском проспекте и имел доходный дом на Покровской площади.

Из тверичей – торговцев пищевыми продуктами надо назвать Н. Ф. Белосельского, зятя городского головы И. И. Глазунова, одного из владельцев Новорыбного рынка [250]; владельца чайного магазина на углу Невского и Гоголя И. И. Горохова; хозяина шести лавок и дома на Садовой И. И. Бычкова.

Упомянем также владельца типографии, переплетной и писчебумажной торговли на углу Невского и Николаевской И. А. Башкова и почетного потомственного гражданина, владельца бань и четырех доходных домов в Ямской, председателя Общества благотворения в память 19 февраля 1861 г. П. М. Капитонова.

В Тверском обществе состояли в качестве почетных членов бывший председатель Тверского земства и будущий премьер Б. В. Штюмер, занимавшие в разное время должность губернатора в Твери Н. Г. фон-Бютинг, А. А. Ширинский-Шихматов и С. Д. Урусов, архиепископ Тверской и Кашинский Алексей.

Олончане

Олончане, немногочисленные, но предприимчивые, издавна были известны в Петербурге, прежде всего как каменотесы и стекольщики [251]. Олонцкое благотворительное общество (далее ОБО) провело свое первое заседание 18 апреля 1908 г. в зале Знаменского благотворительного общества. Вступительное слово произнес священник И. К. Кьяндский. По его словам, «нет города бессердечнее Петербурга. Здесь каждый сам за себя. Нужда иногда вопиющая, горе, иногда, безысходное не находит ни в ком отклика». Впрочем, «между олончанами в Петербурге всегда существовало взаимное единение, только оно носило частный характер на почве взаимного общения между собой хлебом-солью» [252].

Идею создания общества впервые высказал еще в 1901 г. олонцкий епископ Назарий. Устав выработал и пробил его утверждение чиновник Государственного контроля К. Н. Плотников. Он был избран товарищем председателя общества, а председателем стал купец 1-й гильдии, гласный Городской думы М. В. Максимов, в доме которого на Ивановской улице и находилось правление общества [253].

Председатель ОБО пользовался общим уважением среди петербургского купечества. Он был «хозяином обширнейшей в России кожаной торговли, обладал солидным общим и коммерческим образованием. Пионер воскресного отдыха для

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org петербургских приказчиков, отношения с которыми пока чуть ли не единственные по отношению хозяина к личным и имущественным интересам служащих. Его речь захватывает простотой и сердечностью» [254] .

К 1910 г. в составе ОБО числилось 5 пожизненных членов, 20 почетных, 331 действительных и 23 члена-корреспондента. Капитал общества составлял 7,7 тысяч рублей, из которых ОБО тратило на пособия примерно по 600 рублей в год. Состав ОБО отличался крайней демократичностью. Из 356 его членов во «Всемирном Петербурге» обнаруживаем только 178, то есть ровно половина обладала для этого слишком низким социальным статусом. Среди тех, профессия которых устанавливается, больше всего владельцев торговых заведений – 85, причем 39 из них (т. е. 21,9 % всех членов ОБО, профессия которых известна) – торговцы кожей. Много священников – 27 или 15,2 %, чиновников – 21 или 15,2 %.

В ОБО входили хозяева трех крупнейших в Петербурге фабрик по обработке кожи братья А. Н. и Г. Н. Брусницыны (500 рабочих в 1913 г.), И. А. Осипов (800 рабочих), М. А. Зверков; владелец самого большого в городе кирпичного завода М. Е. Стрелин (в 1900 г. 353 рабочих).

Из известных торговцев отметим почетного члена ОБО, владельца старейшего в столице торгового дома по торговле изделиями из железа М. П. Петрова (он входил и в ЯБО); П. Ф. Харламова – владельца огромного склада металлолома на Ново-Александровском рынке, старосту Троицкого Измайловского собора; члена коммерческого суда, домовладельца, собственника склада и магазина кожи на Мариинском рынке; чаеоторговца М. А. Макарова, уроженца Шуйской волости Петрозаводского уезда, владельца четырех доходных домов.

Рязанцы

Хотя Рязанская губерния скорее тяготела к Москве, нежели к Петербургу, уроженцы этой губернии занимали ведущие позиции в качестве содержателей ренсковых погребов – тогдашних магазинов ликеро-водочной продукции.

11 мая 1905 г. основано было Благотворительное общество рязанцев в Петербурге. Инициаторами его создания являлись граф С. А. Толь (он был избран первым председателем общества), протоиерей и профессор Петербургской духовной академии С. А. Соллертинский (товарищ председателя), профессор И. П. Павлов (к этому времени – Нобелевский лауреат), К. Я. Грот, П. С. Смирнов и И. К. Янжул, протоиереи П. К. Смирнов и Н. В. Тригодин, трактирщик И. А. Почалкин.

К 1912 г. капитал общества составлял 1300 рублей. Председателем был Д. П. Семенов-Тян-Шанский (сын путешественника, географ). Рязанское общество насчитывало 230 членов (6 почетных, 6 пожизненных, 172 действительных, 45 членов-корреспондентов). В отличие от Ярославского, Костромского и Олоневского, Рязанское общество было в сословном отношении менее однородным. Только 59 из его членов, специальность которых устанавливается по «Всемирному Петербургу», являлись торговцами или промышленниками, 20 – чиновниками и офицерами, 25 – священнослужителями, 9 – врачами и учителями [255] .

Если в ЯБО преобладали торговцы и трактиропромышленники, в КБО – подрядчики, в ОБО – торговцы кожей, то среди купцов-рязанцев не было столь яркого преобладания представителей одного промысла. Среди почетных членов купцов не было вовсе, среди пожизненных – владелец фабрики по производству зеркал и двух лавок по их продаже в Апраксином дворе К. Ф. Любимов и торговец фуражом И. Х. Стопкин.

Было среди рязанцев 15 трактирщиков (о зарайских целовальниках см. ранее), в основном хозяев одного или нескольких ренсковых погребов, 4 извозопромышленника, 7 торговцев упряжью, кулями и рогожей, 8 мануфактурой и конфекционом.

В торгово-промышленном мире Петербурга из рязанцев выделялись: купец 1-й гильдии, член городской управы, староста Знаменской церкви В. Г. Евреинов (банковская контора и шляпная торговля), мясоторговец И. М. Сорокин (член котировочного комитета Мясной биржи), купец 1-й гильдии, содержатель банковской конторы, благотворитель С. С. Федотов, домовладелец С. И. Зайцевский, торговец мешками и кулями П. А. Фролов (товарищ председателя общества), трактирщик С. И. Сидоров, пивоторговец И. И. Доцатовский, содержатель гостиницы И. Е. Корсеев [256] .

Но костяк Рязанского общества составляли не купцы. Его почетными

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org членами являлись дворяне, губернские землевладельцы П. П. Семенов-Тянь-Шанский, бывший министр внутренних дел, гофмейстер А. Г. Булыгин; знаменитый богач, обер-гофмейстер Ю. С. Нечаев-Мальцев; граф Е. И. Толь. Среди действительных членов – академик И. П. Павлов, профессор К. Я. Грот, князь А. А. Куракин, граф А. П. Кутайсов.

Вологодцы [257]

Уроженцы Вологодской губернии, жившие в Петербурге, объединились в 1901 г. Первоначально их организация называлась «Общество вспомоществования учащимся в Петербурге волгожанам». Студентам и курсисткам, учившимся в столице, выдавались ссуды, каждую осень снималась «временная квартира для недостаточных волгожан, приехавших в Петербург сдавать экзамены для поступления в учебные заведения», доставались «бесплатные билеты для проезда до станций различных железных дорог» (это было нетрудно, так как место председателя общества занимал министр путей сообщения С. В. Рухлов).

24 апреля 1905 г. на общем собрании общество было преобразовано в «Общество вспомоществования волгожанам в С.-Петербурге». С этого времени оно начало оказывать помощь всем уроженцам губернии, а не только учащимся. Крестьянам и мещанам, в отличие от студентов, ссуды и железнодорожные билеты выдавались безвозмездно.

В обществе состояло между 1905 и 1916 гг. примерно около 300 членов. В год на нужды общества тратилось около 5 тысяч рублей, а капитал составлял около 15 тысяч.

Из 151 действительного члена общества, перечисленного в отчете за 1909 г., 57 – чиновники (37,7 %), 32 – торговцы и содержатели банкирских контор (21,2 %), 13 – врачи и фельдшера, 9 – учителя, 10 – инженеры, по 7 адвокатов, лиц свободных профессий и офицеров, 5 – фабрикантов, 4 священника и один фотограф (знаменитый Карл Булла).

Как видим, недаром общество начинало с помощи студентам-волгожанам – оно в значительной большей степени, чем другие подобные организации в столице состояло из лиц, получивших высшее образование.

Среди предпринимателей и торговцев членов общества почти нет «мелочи», подавляющее большинство – известные купцы; необычно много протестантов (директор завода, бельгийский консул И. А. Шарье, владелец парфюмерных магазинов Г. Г. Розелиус, комиссионер Ф. Ф. Эбергардт и другие).

Из русских предпринимателей выделяются коммерции советник В. А. Таратин – крупнейший торговец мануфактурой (7 лавок в Гостином дворе); купцы 1-й гильдии П. Е. Бурцев (банковская контора, он был членом и в КБО), И. П. Мартынов (хлеботорговец, председатель биржевого комитета Калашниковской хлебной биржи, член правления Общества взаимного кредита Петербургского уездного земства), Ф. А. Кривцов (торговля шелком в двух лавках Гостиного двора), М. Д. Бараков (домовладелец), Н. А. Пузырев (председатель мясной биржи, член ЯБО), В. Ф. Спехин (гласный Думы, член правления Общества взаимного кредита Санкт-Петербургского уездного земства, торговец мануфактурой, владелец зонтичной фабрики, член ТБО), Н. И. Дернов (мануфактура в Мариинском рынке, благодетель, домовладелец, член КБО).

В составе ВБО два церковных старосты – В. А. Тестенев (крупный хлеботорговец) – церкви Бориса и Глеба, и В. А. Крутов (член правления винной, чайной и рыбной биржи, рыботорговец с Сенного рынка, член ЯБО) – Александра Невского (Суворовская кончанская).

Из других предпринимателей вологжан отметим рыботорговца И. В. Язикова (6 лавок) и К. О. Пшенистова (2), мануфактуриста из Гостиного двора А. С. Калашникова, домовладельцу О. Г. Григорьеву, хлеботорговцев А. В. Мурина и В. И. Морозова, ресторатора Ф. М. Столбухина.

Как уже было сказано, Вологодское общество больше чем какое-либо другое можно считать интеллигентски-чиновничьим. В его составе такие известные литераторы, как Л. Ф. Пантелеев, П. В. Засодимский, Е. П. Леткова-Султанова, редактор «Старых годов» П. П. Вейнер. Из профессуры в ВБО входили физиолог Н. Е. Введенский, ориенталист Н. И. Веселовский, филолог, директор известных курсов Н. П. Раев.

Помимо уже упомянутого С. В. Рухлова, в общество входили и другие влиятельные сановники: гофмейстер А. С. и сенатор Н. С. Брянчаниновы, экс-начальник главного тюремного управления, член Государственного совета, М. Н. Галкин-Враской, камергер И. И. Назимов, член Государственного совета

Владимирцы

Владимирская губерния тяготела к Москве, а не к Петербургу. К тому же и в самой губернии существовала мощная текстильная промышленность, поглощавшая крестьян-отходников. Поэтому история Владимирского благотворительного общества в Петербурге так грустна.

1 марта 1903 г. владимирцы, проживавшие в столице и издавна друг с другом знакомые, во главе с Иннокентием, епископом Нарвским, обсудили и приняли проект устава будущего общества. Среди собравшихся, заметим, не было ни одного купца, а только директор гимназии, профессор, генерал, трое священников.

2 марта того же года в церкви «Общества ревнителей нравственного просвещения в духе православной церкви» на Стремянной улице владимирцы отслужили «при общем пении собравшихся земляков» молебен в честь покровителя страны владимирской и открываемого общества Св. Александра Невского. После чего в зале Общества состоялось собрание, избравшее правление общества [258].

Изначально немногочисленное, общество постепенно сокращалось (95 членов в 1903 г., 107 – в 1904-м, 112 – в 1905-м, 74 – в 1906-м, 72 – в 1907-м, 37 – в 1908-м, 52 – в 1909-м). Траты на пособия в год не превышали 347 рублей, на ссуды – 232. Недвижимости общество не имело.

Из 52 членов Владимирского общества, состоявших в нем к 1909 г., 12 священников, 11 чиновников, 4 доктора, 2 инженера, 6 торговцев и артельщиков.

Единственным крупным предпринимателем среди петербургских владимирцев был в 1909 г. потомственный почетный гражданин П. П. Синебрюхов – подрядчик, владелец бань на Лиговке и 12 доходных каменных домов в разных частях города. Впрочем, взнос Синебрюхова на пользу общества составил всего лишь 5 рублей.

Составитель отчета общества недаром жаловался: «Тогда как в других земляческих обществах в С.П.Б., например, в Ярославском и Тверском, состоятельное купечество этих губерний считает своим нравственным долгом быть членами их земляческих благотворительных обществ и содействовать их материальному благосостоянию, и благодаря этой земляческой сплоченности и своего рода благородной гордости эти общества имеют возможность не только оказывать широкую материальную поддержку своим землякам, но даже приобретать миллионной стоимости недвижимость и устраивать в них дешевые квартиры и богадельни, приюты и ясли и дешевые столовые и т. п., а в Благотворительном обществе Владимирцев даже доселе нет ни одного члена из купечества Владимирской губернии, несмотря на публикацию об обществе во владимирских печатных органах» [259].

Новгородцы

Новгородское общество [260] возникло в 1911 г. Оно было малочисленным (46 членов в 1911 г., 66 – в 1912-м, 146 – в 1913-м) и небогатым: его капитал в 1912 г. составлял 64 рубля. Первым председателем общества был присяжный поверенный С. Я. Климовский, а с 1913 г. им стал действительный член Императорского Археологического института, почетный мировой судья Л. Н. Нелепин.

Из 146 членов в 1913 г. предпринимателями было только 20. Из них известны Безнины – хлеботорговцы с Калашниковской биржи; Е. И. Конецкий, директор Товарищества судоходства и пароходства, названного его именем; экспедитор водочного завода «Келлер и К» Н. М. Серпухов. В основном общество состояло из чиновников, священников, преподавателей, врачей.

Материально землякам общество помогало мало, что объяснялось скудостью его средств: за первые четыре года существования взносов было собрано всего 310 рублей. При обществе существовал Отдел по приисканию занятий землякам, выдавались ссуды (в 1913 г. – 14 ссуд в размере от 2 до 5

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org рублей; члены общества пользовались преференциями при экскурсиях в Новгород и при лечении на Старорусских минеральных водах).

С 1914 года собирались средства и оказывалась помощь раненым новгородцам, оказавшимся в петроградских госпиталях. Общество подумывало о том, чтобы его члены на долевых началах пользовались благотворительными учреждениями более благополучных родственных организаций – ЯБО, КБО, Угличского общества.

Ежегодное общее собрание общества происходило 8 сентября (день открытия памятника тысячелетию России) в зале Российского ветеринарного общества на Бассейной, 65. Редактор «Архива ветеринарных наук» Г. И. Светлов состоял у новгородцев членом правления. Проводились ежегодные благотворительные балы общества, для чего снимался зал Благородного собрания.

Глава 7 Фабрично-заводские рабочие – динамит революции

В большевистской концепции истории Петербург – Петроград – колыбель русской и мировой пролетарской революции. А здешние промышленные рабочие – гвардия классовой борьбы трудящихся. И правда, все три русские революции начались в городе на Неве и их движущей силой стали рабочие от станка.

Промышленные рабочие составляли не самую крупную по численности группу самостоятельного (трудового) населения Петербурга. Количество работников сферы услуг, торговли, строительства в столице превышало число классических пролетариев (табл. 7.1).

Жили торговые служащие много хуже промышленных рабочих: заработок у них ниже, рабочий день дольше; у подавляющего большинства не было возможности содержать в городе семью. Они были поголовно грамотны, имели сильные профсоюзы. Но, несомненно, решающую роль в революционных выступлениях с 1890-х гг. сыграли именно заводские рабочие. Почему?

Подавляющее большинство торговых служащих и промышленных рабочих Петербурга были выходцами из деревни, горожанами в первом поколении. Успешное приспособление крестьян к жизни в городе зависело от степени их включенности в землячества – своеобразные неформальные гильдии, объединяющие выходцев из одной местности, специализирующихся на определенном промысле. Как мы видели, галичане, чухломичи, солигаличане, даниловцы специализировались в строительном промысле, пошехонцы – в портняжном, угличане, мышкинцы, любимцы – в торговле и трактирном промысле, коломенцы и зарайцы были целовальниками, новоторы – каменотесами.

Таблица 7.1. Распределение самостоятельного населения Петербурга по типу занятости [261] (в процентах к численности населения)

Принадлежность к землячеству обеспечивала обучение профессии, давало кров, определяло трудоустройство, обеспечивало продвижение вверх по профессионально-социальной лестнице. Наконец, землячество представляло собой некую промежуточную зону, где деревенские нормы поведения сочетались с принятыми в столице. Это уменьшало социально-психологический стресс, обусловленный переходом от сельского образа жизни к городскому [262].

В жизни фабрично-заводских рабочих землячества играли куда меньшую роль, и это имело далеко идущие социальные последствия.

Откуда прибывали в Петербург промышленные рабочие?

Прежде всего, следует выяснить: имелась ли связь между родиной крестьян-мигрантов и выбором ими профессии фабрично-заводского рабочего? Существовал ли регион, поставлявший в Петербург по преимуществу промышленных рабочих?

Ответ на этот вопрос можно получить только на основании косвенных данных. Городские переписи (за исключением одной, произведенной в 1869 г.) не дают сведений о распределении лиц, занимающихся определенной

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org профессиональной деятельностью по месту их рождения.

Согласно данным переписи 1869 г., среди фабричных рабочих основных специальностей в Петербурге было непропорционально много крестьян Тверской, Смоленской, Витебской, Новгородской губерний. Среди мужчин-ткачей крестьянского происхождения тверичи составляли 25,9 % (17,6 % – среди всех крестьян-петербуржцев), смоляне – 16,4 % (3,0 %), новгородцы – 7,5 % (6,8 %) а ярославцы, например, только 10,8 % (25,8 %); среди металлистов тверичи – 25,4 %, ярославцы – 11,8 %, новгородцы – 11,2 %. Среди ткачей первенствовали уроженки Витебской – 18,8 %, (3,9 %), Тверской – 16,7 % (15,0 %), Смоленской – 14,4 % (3,0 %) губерний, среди табачниц – Тверской (22,9 %), Петербургской – 18,1 % (17,2 %), Новгородской – 17,0 % (13,7 %).

Некоторые статистические выводы о региональном распределении крестьян – промышленных рабочих можно сделать и на основании городских переписей 1881–1910 годов. В них содержатся данные о распределении крестьян по губерниям приписки отдельно по городским и по пригородным участкам (перепись 1881 г., единственная из городских переписей, дает и распределение количества крестьян, приписанных к различным губерниям по частям и участкам; к ее результатам мы обратимся далее). Между тем, доля промышленных рабочих в пригородных участках значительно выше, чем в городских. Так, в 1900 г. на одного хозяина предприятия приходилось работников: по «большому» Петербургу в целом 10,0, в Шлиссельбургском участке – 15,4, в Петергофском – 18,7 (здесь за Невской и Нарвской заставами жило более 80 % населения пригородных участков). По главным промышленным специальностям эта доля еще выше: в 1900 г. в пригороде жило 15,7 % всех крестьян-мужчин и 15,9 % крестьянок, но 29,0 % всех ткачей и 31,6 % всех ткачих Петербурга, 24,6 % машиностроителей, 39,5 % металлистов.

В промышленных пригородах жило непропорционально много тверичей, новгородцев, а особенно псковичей, смолян, витебцев (в 1900 г. – 50,2 % крестьян и 51,5 % крестьянок, в 1910 г. соответственно – 49,3 % и 50,0 % крестьян в пригородах было уроженцами этих губерний).

В 1881 г. в тех городских участках, где было большое количество фабрик (Василеостровская 3-я – Гавань и Голодай; Нарвская 3-я – южнее Обводного канала; Выборгская 2-я – набережная Большой Невки), жило непропорционально много крестьян из тех же губерний, что и в промышленных пригородах.

Эти данные подтверждаются и другими источниками. Обследование 11 295 петербургских текстильщиков в 1902 г. дало следующие результаты: в Тверской губернии родилось 26,0 %, в Псковской – 12,8 %, в Петербургской – 11,8 %, в Смоленской – 9,5 %, в Витебской – 8,7 %, в Новгородской – 5,8 %, в Рязанской – 4,9 %, в Московской – 3,8 %, в Калужской – 3,1 %, в Ярославской – 3,0 %, в Тульской – 2,3 %, в остальных – 8,3 % [263].

70 % рабочих Трубочного завода в начале века были выходцами из Псковской и Смоленской губерний. Далее «нисходящим» порядком следовали уроженцы Рязанской, Тверской, Ярославской и Витебской губерний [264]. На Путиловском заводе из 9 тысяч рабочих в 1900 г. 2 тысячи составляли тверичи, 0,75 – псковичи, 0,7 – смоляне, 0,6 – новгородцы [265].

Нами были также проанализированы «черные списки», составлявшиеся петербургским «Обществом фабрикантов и заводчиков» [266]. Списки включали наиболее активных забастовщиков, членов профсоюзов и прочие нежелательные элементы (табл. 7.2). Они рассылались администрации и владельцам предприятий.

Все вышесказанное приводит к выводу: наиболее связаны с промышленным производством были крестьяне Псковской, Смоленской, Витебской и Тверской губерний. Зона преимущественной миграции рабочих на фабрики и заводы Петербурга охватывала северо-запад Тверской губернии, северо-восток Смоленской, север Псковской и Витебской губерний.

Между тем, как раз уроженцы этих губерний имели наименьшие традиции земляческой сплоченности. Смоляне, псковичи и витебцы, например, так и не основали в Петербурге своих благотворительных обществ. Тверичи, самые многочисленные из мигрантов, объединились позже ярославцев и костромичей. Смоленская, Псковская и Витебская губернии по сравнению с другими давали наименее грамотных и профессионально подготовленных мигрантов. Среди уроженцев этих губерний в Петербурге меньше всего старожилов и больше – недавних мигрантов.

Ярославская, костромская, коломенская, кашинско-калязинская, архангельская, олонечская земляческие общины имели давние и установившиеся связи со столицей, восходящие еще к временам крепостного права. Про губернии же, дававшие Петербургу в начале века по преимуществу промышленных рабочих, еще в 1877 г. писали так: «Несмотря на значительные цифры дефицита хлеба, население западных губерний не обнаруживает склонности к отходу».

Отмечалась «малоспособность белорусов и псковичей к техническим занятиям и

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org отсутствие в них предприимчивости». «Пскович, – писал исследователь, – в стороне на петербургской трудовой арене, где на его долю достаются самые нехитрые и грязные работы. В Петербурге пскович прежде всего тряпичник и собиратель бытового стекла, а витебляне преимущественно занимаются очищением нечистот» [267] .

Таблица 7.2. Территориальное распределение рабочих, попавших в «черные списки»

Налицо первое важное отличие рабочих и ремесленников в отношении к земляческим общностям. Первые отходили из районов, где профессионально-территориальная специализация была значительно слабее.

Потомственные и кадровые

Вопрос о соотношении потомственных пролетариев и недавних крестьян среди столичного пролетариата конца XIX – начала XX веков является спорным. В советской исторической науке (и даже прежде, в полемике между народниками и марксистами) он был идеологически маркирован. Иначе говоря, идеологический заказ со стороны руководящих инстанций был на потомственного и сознательного пролетария. Так, Л. М. Иванов писал, что в России к 1917 г. преобладали потомственные рабочие [268] , С. Н. Семанов и Э. Э. Крузе считали, что в начале XX века большинство рабочих Петербурга были кадровыми, то есть порвавшими всякие связи с деревней [269] .

Подтвердить или опровергнуть этот взгляд довольно трудно. Проблема, как уже говорилось выше, в том, что городские переписи после 1869 г. не дают распределения профессий ни по сословному происхождению, ни по месту рождения. Поэтому любые выводы в данном случае могут основываться только на косвенных источниках.

Сторонники преобладания кадровых рабочих в столице ссылаются обычно на тот факт, что в Петербургской губернии (по данным промышленной переписи 1929 г.) среди рабочих, начавших работать на заводах до 1905 г., потомственными пролетариями были 43,1 %, выходцами из крестьян – 52,0 %, причем землей владело 17,6 %. Для тех же, кто начал свой трудовой путь в 1906–1913 гг., соответствующие цифры – 52,2 %, 42,0 %, 14,5 % [270] . Но здесь речь идет не обо всех дореволюционных рабочих, а лишь о тех из них, кто пережил эпоху революционных бурь и разрухи и остался в Петрограде – Ленинграде. Ясно, что среди них должны были преобладать люди, укорененные в городе. Это же обстоятельство подрывает доказательность данных, основанных на промышленной переписи 1918 г.: в 1897 г. землей владело 16,9 % рабочих Петербурга, в 1918 – 8,7 % [271] .

После революции значительная часть питерских рабочих исчезла из города. Из 406 312 промышленных рабочих, числившихся в Петрограде на 1 января 1917 г., к 1 января 1919 г. осталось 134 345 (безработных было около 10 тыс. человек) [272] . Даже учитывая мобилизованных в Красную армию, такое падение численности невозможно объяснить, если не учитывать сохранившуюся для большинства из них возможность возвращения на родину – в деревню. В 1918 г. специально занимавшийся изучением демобилизации труда в Петрограде С. Г. Струмилин отмечал «огромное значение для страны расселившихся по ней 300 000 петроградских апостолов революции» [273] .

Опираясь на данные городских переписей, на материалы фабричных инспекторов и некоторые другие статистические сведения, Э. Э. Крузе приходит к выводу, что в 1912–1913 гг. 60 % всех петербургских рабочих порвали связь с землей [274] . С. Н. Семанов на основе материалов обследования петербургских ткачей, проведенного в 1902 г., утверждает, что уже в начале века на предприятиях города преобладали кадровые рабочие [275] .

Данные городских переписей указывают на гигантское преобладание в городском населении (и, конечно, еще большем среди рабочего класса) крестьян, причем родившихся вне Петербурга. В 1900 г. в Петербурге родилось 22 % всех проживавших в нем крестьян, в 1910 – 24 %. Причем большинство родившихся в городе на момент проведения переписи составляли дети. В 1910 г. среди крестьян моложе 10 лет местных уроженцев – 65 %, среди тех, кому от 16 до 30–11 %, от 30 до 40 – 6 %. Нет никаких оснований считать, что такое соотношение разнилось среди рабочих, с одной стороны, и

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org ремесленников и торговых служащих, с другой. Об этом свидетельствуют результаты немногих специальных обследований петербургских рабочих.

В ходе городской переписи 1900 г. двое переписчиков, скрывшиеся под псевдонимами М. и О., составили подробное описание населения пятиэтажного доходного дома в Нарвской части, населенного 2600 рабочими (и членами их семей) фабрики Кенига, Калининского, Костообжигательного и Путиловского заводов и Резиновой мануфактуры.

Из обследованных ими рабочих 18 % – потомственные пролетарии. 80 % порвали связь с землей, но не с деревней. Всего в деревню каждое лето ездило 18 % жильцов дома (Костообжигательный завод – 34 %, Путиловский – 15,4 %), деньги в деревню посылали 59,8 % рабочих Костообжигательного завода, 43,4 % – Резиновой мануфактуры, 57,6 % – Калининского и Путиловского заводов. Со временем эта связь уменьшалась: среди тех, кто прожил в городе больше десяти лет, процент посылавших деньги (из рабочих трех перечисленных заводов) был соответственно 22,3, 46,2 и 25,2. Из 111 человек, ездивших в деревню, только трое реально работало в страду, остальные отправлялись на побывку [276].

Проблема, однако, не в редкости поездок летом в деревню (понятно, что для рабочего или ремесленника, дорожившего постоянным рабочим местом, она была просто невозможна) и не во владении землей (до столыпинской реформы избавиться от земли было тяжело, даже если связь с ней утрачивалась). Важно, когда и как связь с деревней становилась менее значимой, чем связь со столицей, когда и как крестьянин окончательно становился городским рабочим.

Посмотрим в этой связи, как отличались рабочие, выходцы из различных губерний по их «приживаемости» в городе. Как и ранее, сравним для этого крестьян по преимуществу фабричных окраин с крестьянами, осевшими в самом городе.

Доля старожилов среди выходцев из губерний с торгово-ремесленным отходом (Московская, Ярославская, Костромская) на протяжении всего периода была выше, чем из фабричных и в городе, и в пригороде. Однако различие это за десять лет значительно уменьшилось.

В 1900 г. старожилов в городе было больше, чем старожилов в пригороде в большинстве изучаемых губерний (8 из 14). К 1910 г. ситуация решительно меняется: среди крестьян всех губерний доля старожилов у горожан меньше, чем у жителей пригорода. За десять лет значительно возросло общее количество крестьян, проживших более 20 лет и в городе, и в пригороде. Но в пригороде этот рост значительно больше (быстрее всего среди уроженцев Вологодской губернии – на 14,0 %, медленнее всего среди уроженцев Петербургской – на 5,8 %), чем в городе (здесь число старожилов больше всего возросло среди псковичей – на 6,3 %, а у новгородцев даже уменьшилось на 1,7 %).

Процент крестьян-мужчин, родившихся в Петербурге в пригороде, значительно больше, чем в городе, и эта разница в начале века возрастала. Процент родившихся в столице, среди крестьян, приписанных к промышленным губерниям, был выше, чем среди тех, кто был приписан к губерниям с преимущественно торгово-ремесленным отходом.

Итак, процесс образования потомственного пролетариата в фабричной среде шел более высокими темпами, чем в ремесленной. К 1910 г. около трети крестьян, живших в пригородных участках, были уроженцами Петербурга, а из тех, кто родился в деревне, более четверти прожили в Петербурге более 20 лет. Таким образом, население пригородов состояло более чем на 40 % из крестьян, превратившихся в петербуржцев.

Как видно из этого, рабочие имели более тесные связи с городом, чем торговцы и ремесленники. И это второе важное отличие между ними.

Заводские и деревенские

На первом этапе социализации (прибытие из деревни в город, поиск жилья, устройство на завод) земляческие связи в жизни заводских рабочих играли роль не меньшую, чем у торговцев и ремесленников.

Как писал изучавший рабочий быт публицист-эсер, «отдельные лица, особенно подростки, уходящие из деревни на заработки, находят в городах целые сети знакомств – земляков, оказывающих им самые разнообразные, многочисленные и незаменимые услуги» [277].

Другой наблюдатель рабочего быта рисует картину, напоминающую ту, которую мы уже видели в торговых и ремесленных землячествах: «Достаточно

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org одному деревенскому жителю попасть в город, найти заработок, как за этим пионером потянутся его однодеревцы и под его руководством, по его примеру устраиваться. Поэтому нам приходилось видеть квартиры, населенные односельчанами... вся интенсивная жизнь большого города с его разнообразными интересами идет мимо этих людей и не затрагивает их» [278] .

Характерным примером земляческого объединения заводских рабочих были конопатчики из Родинской волости Зубцовского уезда Тверской губернии (412 человек из 669 по губернии) [279] .

На заводе «Эриксон» все столяры были костромичами [280] . На Александровском заводе обособленность сохраняли выходцы из Тамбовской губернии, которых звали «щепелевщиной» [281] .

В 1890-е годы земляческий принцип господствовал при найме рабочих в мастерских Варшавской железной дороги: «Самыми отсталыми рабочими были кочегары из паровозных бригад и чернорабочие. Сначала все они были из крестьян Псковской губернии, пока старший кочегар псковитянин не был заменен крестьянином из Витебской губернии. Под его руководством псковичи были после жестоких драк вытеснены как своего рода нежелательные иностранцы крестьянами из Витебской губернии. И псковичи, и витебские мало отличались друг от друга. Все они представляли собой людей, только что оторванных от сохи, очень выносливых, приехавших в Питер, чтобы подработать немного денег, необходимых в крестьянском хозяйстве. Прожив год-два в Питере, приобретя костюм-тройку, сапоги с лакированными блестящими голенищами, пунцовую рубаху с поясом, гармошку "тальянку"... он возвращался в деревню» [282] .

На Путиловском заводе в 1860–70 гг. рабочие жили земляческими артелями, пили в трактирах на один счет, ели из одной миски [283] . В 1891 г. мастер Касаткин подрядил на погрузку рельсов артель земляков-рязанцев [284] . Да и другие строительные артели на заводе носили характер землячеств тверичей и псковичей.

Такая деревенская патриархальность соблюдалась и в выборе места жительства. Путиловцы, жившие на Богомоловской улице у завода, старались блюсти земляческий принцип расселения: «кварталы псковичей, новгородцев; деревенские жили земляк к земляку, дядя к племяннику [285] ».

Подобно строительным рабочим-сезонникам многие кадровые промышленные рабочие жили артелями. П. Тимофеев, например, описывает типичную артельную квартиру, где в одной комнате на нарах, в грязи жило 18 рабочих (11 из них были женаты, и их жены оставались в деревне). Цена жилья по петербургским меркам – минимальная (8,25 рубля с человека в месяц). При этом артель нанимала кухарку, а заработок отдавала старосте, который расплачивался с кухаркой и домохозяином, хранил деньги товарищей. Эта артель состояла из крестьян двух смежных деревень Новгородской губернии, так что все ее члены артели доводились друг другу земляками. «Они жили удивительно дружно. Землячество связывало их в одну семью, и в жертву ему некоторые члены артели приносили очень многое» (один из них с Нарвской заставы ходил на работу на Выборгскую сторону, а другой – за невскую заставу) [286] .

Земляческие связи многое значили и в трудовых конфликтах. Вот полицейское описание стачки на кирпичном заводе Липина: «Семь человек рабочих сделали между собою стачку ... оказалось, что все семь человек – крестьяне одной губернии, уезда и волости, а именно Смоленской губернии, Гжатского уезда, Липецкой волости, и что главными зачинщиками стачки были крестьяне Петр Кузьмин и Еким Григорьев. Из них первый рассказывал остальным рабочим, что он три года сряду работает на кирпичных заводах, и каждый год в середине лета уходил безнаказанно» [287] . Другой пример – забастовка рабочих на строительстве памятника Екатерине II – все семеро ее зачинщиков оказались земляками из Тверской губернии, Новоторжского уезда: четверо – деревни Осташкова, двое – Клима, один – Селихова [288] .

Деревенские обычаи сохранялись в рабочей среде долго: на заводе Варгуниных, как в деревенскую страду, стряпки приносили обед рабочим артелям прямо в цех. Среди путиловцев популярны были разговоры о разрыв-траве, нечистой силе, оживших мертвецах [289] . На заводе Поссея работницы отмечали «Семишник» на Смоленском кладбище – «выпьют, а потом поют и пляшут» [290] .

Таким образом, в жизни промышленных рабочих землячества играли определенную роль, как и в жизни ремесленников. Но это сходство заканчивалось на этапе, который в ремесле отмечается переходом от мальчика к подмастерью или приказчику. Для торговых служащих и ремесленников и на этом «взрослом» уровне земляческие связи оставались исключительно важными: земляки были, прежде всего, членами своего клана. А вот для промышленных рабочих разница между профессиональными пролетариями высокой квалификации и собственно рабочими, не утерявшими еще связи с деревней, была важнее, чем их возможные земляческие связи.

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org

Здесь могло играть роль несколько обстоятельств. Во-первых, на промышленных предприятиях работало значительно больше рабочих, чем в лавке, трактире или ремесленной мастерской. В результате рабочий поневоле сталкивался не только и не столько с земляками, и земляческие связи, зачастую только усиливавшиеся в столичном «малом бизнесе», на многотысячных заводах со временем слабели.

Во-вторых, большинство столичных заводов, в отличие от работодателей-торговцев, владельцев ремесленных мастерских, трактирщиков, не обеспечивало рабочих жильем. Поэтому промышленные рабочие были вольны выбирать себе нары, угол или комнату сами. Их соседями могли быть и не земляки. Так как городской транспорт в Петербурге был дорог и недостаточно развит, рабочие селились поближе к заводу, а заводы были расположены недалеко друг от друга. В результате в городе появлялись относительно гомогенные по социальному признаку районы, заселенные по преимуществу рабочими (Выборгская сторона, Невская и Нарвская заставы, южная сторона Обводного канала к западу от Балтийского завода и другие). Таким образом, вне завода промышленные рабочие жили и проводили досуг среди своих товарищей по классу вне зависимости от их земляческих корней. Ремесленники же оказывались изолированы в той же немногочисленной среде сослуживцев-земляков, с которой проводили свой рабочий день. Они больше держались за земляков и из опасения потерять работу.

Между тем, в Петербурге при высокой безработице всегда ощущался недостаток опытных станочников, механиков, наладчиков, слесарей. Характерный случай, зафиксированный мемуаристом: 1912 г., мальчишки 15-ти лет – фрезеровщики, изгнанные за драку с мастером с Металлического завода, и группа взрослых крестьян Вятской губернии одновременно «от проходной» пытаются устроиться на машиностроительный завод. Мальчишек берут немедленно, с оплатой 3 рубля в день, крестьянам отказывают [291].

Уже в 1879 г. земский статистик Петербургского уезда отчетливо чувствует разницу между мастерами, «специальность которых требует предварительной подготовки в течение нескольких лет» и «фабричными рабочими, работа которых не требует долгой подготовки и большого навыка, и которые очень часто, работая на фабрике только известную часть года, например зиму, на лето отправляются на родину» [292].

По наблюдению Г. В. Плеханова, рабочие высокой квалификации в материальном отношении жили много лучше, чем студенты: в светлых, просторных комнатах, покупали книги, пили хорошее вино, одевались как франты. К крестьянам и фабричным они относились презрительно. Отношение их к своим деревенским родителям принимало порою трагический характер. Потомственные рабочие, подростки особенно активно проявляли себя и при забастовках [293].

Разницу между коренными рабочими и рабочими-крестьянами описывал и мемуарист из пролетарской среды: «В то время как мастеровой по большей части разорвал всякую связь с деревней и окончательно поступил в состав "армии промышленности", чернорабочий всячески поддерживает эту связь, высылая в деревню время от времени более или менее крупные суммы денег... Получая 60–70 копеек поденной платы и понимая, что его в любой момент могут уволить, он чувствует, что деревню не надо бросать» [294]. Но по мере профессионализации связи с деревней слабеют.

Зарабатывая рублей 30–35 в месяц, рабочий не так уж охотно посылал деньги в деревню, и мне часто приходилось слышать о неудовольствии между родителями, живущими в деревне, и детьми, работающими на заводах. Нередко дело доходит до суда: из-за того, что сын не хочет посылать отцу денег, отец не выдает ему паспорт. Исключение составляют только те, кто, имея в деревне много земли и хорошее хозяйство, не был связан необходимостью высылать родным деньги. Остальным нет от деревни никакой выгоды, а только одни убытки... для них вся связь с деревней сводится к выписке паспорта и к уплате налога на землю» [295].

Между кадровыми рабочими и фабричными новичками возникал видимый конфликт. Как писал путиловец, «старая мастеровщина считала неквалифицированного рабочего человеком случайным в своей среде; рабочих, не усвоивших своей специальности, пренебрежительно называли "мастеровыми по хлебу"... Только хорошо работавший по своей специальности мог оказывать на окружающих нужное влияние» [296].

У «недавних крестьян, людей по большей части неграмотных... грубые нравы, матерщина слышалась постоянно. Молодежь хвастала своими похождениями в кабаках и в других заведениях. Квалифицированные рабочие: ловкие движения токарей... несомненное чувство собственного достоинства, меньше унижительной неряшливости и грубости» [297].

Это различие сказывалось и во время трудовых конфликтов: «Бастовать! ... Они взяли да и уехали в деревню, а мы-то остались на бобах... мешают они

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org рабочему делу, для них потребность в союзах не сказывается в такой степени, как на нас» [298] .

Оппозиция профессионал – чужак в рабочей среде была важнее, чем противопоставление земляка и постороннего, характерного для торговцев и ремесленников. В сущности, земляки на заводе были и не очень нужны друг другу. Земляк мог помочь только на первых порах, да и то – советом. В лавке же, трактире, на стройке, в артели, на извозчиьем дворе они определяли условия быта, заработок, возможности продвижения по службе.

Пределы профессиональной мобильности

В торговле и ремесле, пройдя трудный, но заранее определенный путь от мальчишка до старшего приказчика, буфетчика, десятника, крестьянин почти всегда мог рассчитывать на то, чтобы стать самостоятельным хозяином. Землячество выступало при этом поручителем, кредитором, источником необходимых связей и контактов.

Иначе было в промышленности. Даже квалифицированных рабочих администрация казенных предприятий и особенно владельцы частных заводов (иностранцы) предпочитали находить за границей – в Прибалтике, Финляндии. В 1869 г. нерусскими были 26,8 % рабочих петербургских верфей, 21,6 % рабочих металлургических предприятий, 11,6 % предприятий по обработке металлов, 15,6 % текстильных фабрик, 32,3 % администраторов крупных предприятий, 36,8 % инженеров [299] .

И в начале века ситуация менялась мало. В модельной мастерской металлургического завода, например, квалифицированными рабочими главным образом были финны, эстонцы, латыши – «народ суровый, молчаливый, с которым было чрезвычайно трудно сойтись». На Сименс-Гальске работали в основном иностранцы: немцы, шведы, эстонцы, но их всех объединяли общим названием «немцы». На работу они приходили в крахмальных воротничках, в шляпах, некоторые приезжали на велосипедах [300] .

Русские мастера внушали не лучшие чувства. Никакой правильной процедуры назначения на эту должность не было. Решали (именно в нижеследующей последовательности) протекция, родственные связи, образцовая работа [301] .

Вот типичная история: «Наш мастер произошел от дел, так сказать, матримониальных. Его сестра была в кухарках у одного из членов правления, приобрела на этого члена сильное влияние, пленила его сердце и волю... и поставила нам мастером своего братца» [302] .

Между тем, роль мастера в заработке и судьбе рабочего была колоссальна: «Мастер – это такой человек, который кого хочешь сделает счастливым» [303] . Особенно велика была его власть по отношению к новичкам: на Путиловском заводе в 1890-е годы чернорабочие поступали на работу за взятку мастеру: гусь, петух, кадка масла [304] . Играли роль и земляческие связи: «Мастера из рабочих – большие патриоты, так что они приглашают в свои мастерские только тех рабочих, которые доводятся им земляками. В Петербурге есть завод, где в целом отделе работают исключительно два уезда Тверской губернии – Старицкий и Новоторжский, откуда происходят два начальника» [305] .

Раздражала рабочих и часто была причиной волнений и забастовок грубость мастеров. «Правда» и «Луч» перед Первой мировой войной почти в каждом номере описывали конфликты рабочих с мастерами. Приведем только некоторые из них. На арматурно-электротехническом заводе акционерного общества «мастер Эруст забыл, что у рабочих есть имена: на провинившихся рабочих он начинает кричать, причем выпускает такие ругательства, что даже стены краснеют. Рабочих он называет не иначе, чем черт, сволочь, мерзавец и т. д., но рекорд на первенство побил токарный мастер Шванецкий, известный рабочим других заводов своей прежней деятельностью. Сломает рабочий сверло, за это на него сыплются бесцензурные ругательства...». Забастовку и демонстрацию на ряде заводов вызвало самоубийство рабочего завода Нового Лесснера Я. Л. Стронгина, несправедливо обвиненного мастером Лаулем в краже меди из цеха [306] .

Многие волнения и забастовки на заводах были связаны именно с недовольством рабочих произволом мастеров. Слова петиции рабочих Николаю II 9 января 1905 г. (события эти, как известно, были спровоцированы произволом мастера патронной мастерской Путиловского завода): «Над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org свою участь и молчать», – относятся, несомненно, прежде всего, к мастерам, столкновения которых с рабочими были повседневными.

В результате подавляющее большинство квалифицированных рабочих не стремилось повысить свой статус на производстве, считая это безнадежным, а должность мастера одиозной и презираемой. Наблюдатель заводской жизни начала века писал: «За десять лет жизни среди рабочих мне лишь очень редко приходилось встречать таких, которые не мечтали переменить профессию». Но мечты эти сводились к чему-то несвязанному с заводом: «домишко в городе, торговля, возвращение в деревню» [307].

Как показал Л. Хаимсон, с начала XX века в требованиях забастовщиков все чаще звучит протест против некорректных форм обращения со стороны заводской администрации. «Упоминание о грубом обращении в требованиях и жалобах участников конфликтов означало многое: жалобы на грубое отношение мастеров и других представителей администрации предприятий, включая применение физической силы и употребление мата, на сексуальные посягательства по отношению к работницам, на отказ в перерывах на обед или отлучку в уборную, и общие жалобы на то, что с ними обращаются как с "детьми", "рабами", "крепостными", "вещами". Рабочие требовали "вежливого обращения", а именно на "вы", а не на "ты". Рабочие возражали против обращения к ним в той форме, какую использовали господин к слуге, помещик – к крестьянину...

Отмеченные явления свидетельствуют о росте протеста против остатков патриархальных и полукрепостнических отношений между верхами и низами даже модернизирующихся слоев русского общества... Остановимся еще на одном любопытном психологическом аспекте требований "вежливого обращения", требования к мастерам "обращаться культурно", как принято в цензовом обществе. Вместе с тем это и требование установить социальную дистанцию. Требование равенства, но также и самостоятельности [308] ».

Психологическая агрессивность, не имевшая выхода в возможности повышения социального статуса на производстве, находила два взаимосвязанных выражения: стихийное насилие и пьянство или выливалась в разнообразные формы социальной борьбы.

Выход – агрессия

Вся повседневная жизнь промышленного рабочего с детства была проникнута насилием. По воскресеньям на рабочих окраинах шли кулачные бои. Они были обычны на Малой Охте (охтинские плотники против крючников Калашниковской пристани, солдат, фабричных стежильщиков и фарфорового заводов), на Невской заставе (село Александрово против фарфорового), на Выборгской стороне (меднопрокатный и трубный завод против деревенских), за Нарвской заставой (Балтийская сторона против Петербургской) [309].

Обычное сообщение «Петербургского листка» за 1903 год: «Между молодежью Большой Охты и Песков уже давно существует вражда, постоянно происходят драки. Охтинская молодежь отправляется в город не иначе как группами. 12 января в воскресенье на Большой Охте раздался крик: "Братцы, песковские пришли на Охту, наших бьют!" Толпа охтинцев бросилась на выручку нескольким парням, которые подверглись нападению сорока песковских».

Любимым зрелищем обитателей района, прилегающего к Обводному каналу с севера, были драки извозчиков со столярами на Измайловском проспекте. Большим событием в Ротах, в частности, стали похороны любимого бойца – Мишки-пузыря [310]. На другом берегу Обводного канала были популярны бои на «трех бревнышках» [311]. Основным занятием путиловцев на досуге были, по словам мемуариста, «заливка несладкой жизни» и драки. Кулачные бои здесь шли улица на улицу в районе Горячего поля и на даче Лаутеровой [312].

Статистика преступности в Петербурге была пугающей – в 1900 г. в Петербургском окружном суде в убийстве обвинялось 227 человек, в разбое – 427, нанесении телесных повреждений – 1171, изнасиловании – 182, краже – 2197. В 1913 г. перед судом предстали 794 убийцы, 1328 разбойников, 929 опасных драчунов, 338 насильников и 6073 вора. Но и на этом фоне поражал рост хулиганства – беспричинных преступлений – за тринадцать лет число хулиганов выросло почти в четыре раза: с 2512 до 9512.

В 1910 г. в Петербурге (население около 2 млн человек) произошло 510 убийств, 989 случаев разбойного нападения, 4245 краж, 46 690 случаев мелкого хулиганства – больше чем в какой-либо другой европейской столице. И динамика была, что называется, положительной. Число убийств, например, за

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org первые десять лет века увеличилось в 3 раза, и большая часть из них не имела мотива.

К тому же, из всех столиц Европы Петербург был самым пьяным городом. Недаром Достоевский хотел назвать свой ненаписанный роман из жизни Петербурга «Пьяненькие». Ежегодно в полицию попадал за пьянство один из 23 жителей. В Берлине – один из 315, в Париже за десять лет вытрезвлялось в полиции 1415 человек. В то же время в одной только Спасской части Петербурга с 1905 по 1910 гг. принудительному вытрезвлению подверглось 47 785 человек. В среднем петербуржец выпивал полтора ведра водки в год. Большого всего пили на рабочих окраинах и вокруг рынков.

В Петербурге водку продавали в сотнях казенных ренсковых погребов (распивочно и на вынос) и в не меньшем количестве трактиров, торгующих крепкими напитками. Самыми пьяными улицами города считались Щербаков, Апраксин и Спасский переулки, в каждом из которых выпивку предлагали десятки разнообразных заведений, заполненных клиентами с утра и до поздней ночи.

Еще один бич столицы – беспризорность. Множество детей использовались преступными синдикатами как сборщики милостыни, проститутки, воров. Десятки тысяч детей на окраинах оставались на весь день без присмотра родителей. У многих не было отцов; матери работали по тогдашним правилам по 10–12 часов на фабриках, в прачечных или в услужении.

В начале XX века на заводах появляются поточные линии, для работы на которых квалификация не играет прежней роли. Поэтому все больше женщин находят места в промышленности. В результате на Выборгской стороне, за Невской и Нарвской заставами уже не редкость семьи, где работают оба родителя.

Городские власти создавали для беспризорников приюты и детские дома, но население Петербурга увеличивалось слишком быстро (за первые пятнадцать лет XX века – с 1,5 до 2 млн), чтобы проблема беспризорности, детской преступности и нищенства могла быть эффективно решена.

В любом мегаполисе мира есть так называемая красная, или фронтовая, зона. Она примыкает к крупным транспортным узлам, расположена невдалеке от центра. Здесь кончается район банков и офисов, дорогих магазинов и ресторанов. Зажиточные горожане предпочитают селиться от нее подальше. Но и рабочий класс здесь редок – фабричные окраины в стороне от красной зоны. В этом квартале селятся люди без корней – случайный, наплывной, рискованный народ. Тут – сомнительные бары, дешевые гостиницы, воровские малины, притоны наркоманов. Путеводители советуют обходить это место стороной. Такой была нью-йоркская Гринвич-виллидж, берлинский Кройцбург, одесская Молдаванка, московская Марьяна Роща. В Питере фронтовой зоной с середины XIX века считалась Лиговка от Коломенской и Боровой до рельсового пути Николаевской железной дороги, от Невского проспекта до Волкова кладбища, периферия Петроградской стороны и Васильевского острова, Выборгская сторона.

Население Петербурга в 1910-е годы растет с необычайной скоростью. Темпы жилищного строительства не поспевают за количеством потенциальных новоселов. В то же время Питер – не Рио-де-Жанейро, никакие бидонвили появиться не могли, на территории столицы любые здания строились с разрешения строительного отдела городской управы.

В результате городские бродяги и деклассированные элементы жили на двух огромных городских свалках – Горячем поле, напротив Новодевичьего монастыря, и поле Гаванском, находившимся на месте нынешнего Дворца культуры Кирова.

Типичная история с Васильевского острова. В конце июня 1913 г. в районе Гаванского поля двое хулиганов – Иван Веселов, 21 год, и Николай Щербаков, 22 года – встретили рабочего Карла Рыймуса, находившегося в состоянии глубокого алкогольного опьянения. Рыймус был прилично одет – две сорочки, пиджак и сапоги. Он возвращался мимо злосчастного Гаванского поля домой. Веселов и Щербаков, приметив его, уговорили продать одну сорочку, а вырученные деньги пропить. Рыймус легко согласился. Сорочку продали за 50 копеек, выпили вместе, после чего пролетарий заснул.

Бродягам стало жалко, что пропадают остальные части костюма Рыймуса, и они проломали ему голову бульжником. Выяснилось, что сапоги продать нельзя – они были дырявые, сорочку забрызгали кровью, а вот за пиджак выручили 1 рубль 40 копеек, которые пропили с местными проститутками.

Полиция исправно пыталась выкорчевать бродяг, как говорили тогда, персонажей, достойных пера Максима Горького, из их шалашей и нор. Для этого нередко использовались любимцы публики полицейские собаки Атлет и Ахилл, специально для этого натренированные. На Гаванском поле городские однажды обнаружили пожилого оборванца, бывшего чиновника, который проводил там ночи, ловко закапывая себя в мусор. В канаве с мусором около Крестовского

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org моста, собаки разыскали убежище двух страных субъектов, которые сказали, что они внуки дедушки с Луны и отказались от дальнейших объяснений. Все эти оригинальные горожане доставлялись в сыскное отделение для удостоверения личностей через антропометрическое бюро.

Однако если бродяги при всей их злокозненности в основном находили себе пропитание в нищенстве, то главным бичом горожан стало безмотивное насилие, исходившее от хулиганов.

Хулиганы

Слово хулиганы появляется в 1890-е годы. До этого уличных безобразников в Питере именовали башибузуками, по названию турецких нерегулярных частей, знаменитых своими зверствами на Балканах. Позже появляется французское слово «апаш». Не один из номеров «Петербургского листка» не обходился без рубрики «Проделки апашей».

Термин «апаш», однако, не прижился. В обиход вошел англо-саксонский аналог – хулиган. Хулиганство – преступление, не имеющие цели: оскорбление, избиение или убийство чаще всего незнакомого человека. Сам термин к тому времени еще нов и моден. Он импортирован из викторианской Англии, где печальную славу приобрели злодейства неких братьев hoodligan.

Основной контингент хулиганов выходил из людей, не имеющих постоянной работы – молодых фабричных безработных, к которым примыкали ремесленники и ремесленные ученики «изгои». Но большинство составляли именно фабричные; ремесленные ученики были повязаны артельной дисциплиной, а детство проводили с матерями в деревне. Заводилами были ребята городские, родившиеся в Петербурге.

Участие в банде – способ самореализации молодежи в обществе, которому нет до нее дела и нет для нее места. Банда давала подростку защиту, чувство принадлежности к некоей общности, возможность заявить о себе brutальным образом.

Заломанные фуражки-московки, красные фуфайки, брюки, вправленные в высокие сапоги с перебором, папироски, свисающие с нижней губы, наглый вид. Внимательнейшее отношение к внешности – челочка в виде свиного хвостика спадает на лоб, при себе всегда расческа и зеркальце. В кармане – финский нож и гиря, заменяющая кастет. Цвет кашне указывает на принадлежность к той или иной банде. Все давало понять многоопытным петербуржцам – перед ними сборище хулиганов, лучше держаться подальше.

Питерские тинейджеры сбивались в преступные молодежные группировки, контролировавшие целые районы. Самыми старыми и известными из них были «Роща» и «Гайда». Чуть позже появились «Колтовские». Все эти банды возникли на Петербургской стороне – в районе, где в 1900-е годы шло непрерывное строительство, и деревянная застройка соседствовала с фешенебельными шестиэтажными доходными домами, заселявшимися тогдашним средним классом.

Население Петербургской стороны быстро менялось – в деревянных домиках с мезонинами доживали свое семейства мелких чиновников, торговцев с Ситного рынка. Ближе к Невкам селились рабочие с местных фабрик и заводов – Дюффона, Семенова, Тюдора. Жилые массивы переходили в рощи, капустные поля, заброшенные сады бывших роскошных дач. Наконец, необычайные возможности для потайной жизни давали Петровский и Александровский парки. В этом последнем располагался Народный дом с его дешевой антрепризой, аттракционами и танцульками.

Рощинские и гайдовские чувствовали себя хозяевами на Большом проспекте Петербургской стороны и прилегающих к нему улочках. Они жестоко расправлялись со сверстниками-чужаками, случайно забредшими в чужую часть города. Заметив идущих девушек, хулиган бросался с разбега между ними и хрюкал или мяукал. Зимой они буквально сбивали прохожих снежками. Взрослые буяны и подростки приставали к прохожим, особенно к дамам, вырывали ленточки из кос гимназисток, чтобы дарить их потом своим возлюбленным. Ночью по Большому ходить не решался никто – хулиганы могли безнаказанно избить, ограбить, надругаться. А стоило городскому сделать хотя бы шаг по направлению к рощинцу или гайдовцу, они мгновенно исчезали через проходные дворы.

Вскоре хулиганские банды появились и в других районах города. Рощинцы и гайдовцы роптали: новички, говоря нынешним языком, совершенно «отмороженные», живут не «по понятиям». По словам родоначальников питерского хулиганства, ножи и гири они применяли только в стычках с

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org соперничающими группировками, не промышляли сутенерством, а вот те, кто пришел им на смену, горазды на любое беспричинное преступление и используют своих возлюбленных как товар.

Действительно, после 1905 г. хулиганство охватило весь Петербург. Излюбленными местами для прогулок хулиганов считались Вознесенский проспект, Садовая за Сенным рынком, Фонтанка, Шлиссельбургский проспект, район Нарвских ворот, Пески, Лиговка и особенно Холмуши – район нынешнего клуба «Грибоедов».

На Васильевском острове издавна противостояли друг другу молодые люди с Голодая – «Железноводские» и собственно «Васинские». Смоленка считалась границей зон влияния, и переходить ее не рекомендовалось. «Железноводские», возглавляемые Васькой Черным, резали «Васинских», как только те оказывались на их территории – севернее Малого проспекта Васильевского острова. Самим же «Железноводским» было смертельно опасно заходить в Соловьевский садик, где собирались «Васинские» во главе с Колькой Ногой.

3 октября 1910 г. на Собачьей аллее Петровского парка собралось несколько десятков подростков и молодых людей, при появлении которых гуляющих с собаками словно сдуло ветром. Сходбище хулиганов на Петровском острове было необычным. Здесь присутствовали участники и главари обеих василеостровских банд, обычно находившихся в смертельном соперничестве. Сейчас же обе банды пересекли Тучков мост и перешли на Петербургскую сторону, в вотчину «Ждановских», «Рошинских» и «Дворянских». В другой раз они бы за это жестоко поплатились. За полгода до встречи «ждановец» застрелил «васинского» у Медного всадника. Но сегодня «Роща» и «Ждановские» принимали посланцев василеостровских банд для важного разговора.

Между хулиганами существовало соглашение, согласно которому Александровский парк вокруг Народного дома императора Николая II был своего рода нейтральной территорией. Здесь можно было бить и резать гуляющих, приставать к девицам, привлеченным в Народный дом танцами, кинематографом и дешевыми представлениями, но друг с другом сражаться было не принято. Украденные продавали скупщикам, а деньги пропивали с девицами в гостинице для проходящих «Россия», на углу Большого и Шамшевой. «Дворянские» нарушили эту идиллию, порезав Ваньку Котла – «Васинского» хулигана. Решено было двинуться в Народный дом, а оттуда на Троицкую аллею и раз и навсегда научить «Дворянских» хорошим манерам.

У Народного дома было как всегда много народа. Двери вот-вот должны были открыться, и у входа стояла огромная толпа девиц и молодых людей. Среди них были и два рядовых команды военной электротехнической школы Волков и Блоцкий. Четверо «Железноводских» оказались рядом с ними. Девятнадцатилетний Казаков – вожак банды по кличке Васька Черный, в толкучке залез Волкову в карман. Это заметил второй солдат, Блоцкий, и, сказав товарищу «внимание налево», схватил Ваську Черного за руку. Тогда другие хулиганы начали кричать: «Товарищи, Ваську Черного солдат схватил. Надо выручать». Семнадцатилетний Аксенов достал кинжал и ударил Волкова в шею, перерезав ему сонную артерию. Со словами «дышать нечем» солдат умер на месте. «Железноводские» бросились врассыпную.

Хотя жертвами хулиганов и прежде становились невинные люди, но, как правило, они убивали себе подобных. Убийство солдата всколыхнуло Петербург. Началась облава на хулиганов по всей столице. В полицейских обходах пригородов и трущоб принимали участие собаки из полицейского питомника. Собак спускали в нежилые помещения, на дачи, стога сена и другие места, где имели обыкновение скрываться столичные апаши. Удалось арестовать несколько чрезвычайно опасных хулиганов и воров. Задержаны были и вожаки «Железноводских».

26 ноября убийц судили. По делу шло четверо подсудимых: старшему 19, младшему – 17. Выяснилось, что, узнав о гибели Волкова из газет, Аксенов сказал приятелям: «Убил, ну и ладно». Аксенова приговорили к повешению, остальные получили разные сроки каторги. Васька Черный отбыл свои полтора года каторги, вернулся в Петербург, чтобы быть зарезанным «Васинскими» 5 августа 1912 г.

На Выборгской стороне «фризовские» жестоко соперничали с «Сампсоньевскими». Чуть что – дело доходило до ножей. Но и здесь общее дело подчас объединяло хулиганов воедино.

Насилие уличное и насилие революционное

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org

Уличное насилие переносилось и на производство. Избить мастера, вывезти его с завода на тачке считалось не преступлением, а примером доблести: «Несколько человек внезапно хватили виновника недовольства, на голову его надевали мешок с суриком или с сажей... и с шумом и гамом вывозили за ворота завода» [313] .

Избиение мастера считалось своеобразным лихачеством, необходимым элементом досуга рабочей молодежи: «Мы, молодежь, били старших. Рабочие били мастеров, купали их в одежде в речке Ижора. При непорядке в заводской лавке разбивали стекла, били уполномоченных, устраивали обструкцию, бросая на трибуну стулья. Вмешивался полицейский – били и его» [314] . В 1913 г. на Франко-Русском заводе рабочий Яковлев в ответ на замечание мастера Лемана ударил его несколько раз молотком по голове и был осужден по обвинению в покушении на насильственное убийство [315] .

Впрочем, также вели себя решившие бастовать по отношению к тем, кто в их глазах представлялись штрейкбрехерами (ломающими стачку): «Если рабочие продолжали работать, мы немедленно выключали рубильники электромоторов или закрывали трубы со сжатым воздухом, бросали в окна мастерской болты» [316]

«Избить или даже убить полицейского считалось подвигом» [317] . После демонстраций, разогнанных полицией, естественно было заявление рабочих городским, которые жили с ними в одном доме: «Если вы не уедете отсюда, то мы вас убьем» [318] .

Ненависть к полиции выявилась во множественных случаях столкновения рабочих с городскими в 1905–1907 гг. и летом 1914 г. [319] Роль хулиганов в этих событиях недооценена.

Между тем, в 1905–1907 гг. уровень хулиганства в столице достиг невиданных высот. По сообщению «Петербургского листка», только в апреле 1906 г. было арестовано 2520 уличных правонарушителей. Только 23 апреля задержали 150 человек. В период с 10 по 16 апреля 286 людям были предъявлены обвинения в уличных беспорядках и 888 – в хулиганстве. В августе того же года из Петербурга выслали 3150 хулиганов и арестовали 1200.

Весной 1907 г. столица была взбудоражена серией грабежей, как писали тогда в газетах, «произведенных в чикагском стиле». 3 апреля группа из 13 человек по сигналу вожака (он свистнул в свисток) ворвалась в кассу Петербургского университета. Они вытащили пистолеты, предводитель крикнул посетителям и служащим кассы: «Руки вверх, смирно!» Грабители забрали всю наличность и потребовали провести их в комнату-сейф. Однако сторож Воробьев, услышав шум, заперся в сейфе и отказался его открыть. Тогда вожак произнес: «Как сказано», – грабители выбежали и исчезли с места ограбления. Всего унесено было 1730 рублей.

23 мая 1907 г. та же шайка напала на 34-е почтовое отделение в Тучковом переулке. В отделении внезапно ворвались десять человек с револьверами и приказали: «Руки вверх!» Попробовавшего поднять тревогу чиновника пристрелили на месте. Было украдено 1500 рублей.

30 мая восемь человек ограбили 11-е отделение Санкт-Петербургского частного ломбарда. Грабители перемахнули через стойку и выгребли наличность в размере 1700 рублей. У стойки стоял трамвайный кондуктор Александров, только что получивший за заложенное пальто 14 рублей 75 копеек, деньги он отдать бандитам отказался, и немедленно был застрелен. Между тем, управляющий ломбардом сумел вылезти на улицу через окно задней комнаты и закричал: «Нас грабят, помогите!» Налетчики стали уходить по Саратовской улице. Появилась полиция и началась погоня. Грабители разделились. Отстреливаясь, они убили четырех человек и восьмерых ранили; троих преступников застрелили полицейские, двоих арестовали, трем удалось скрыться. Следствие производило Санкт-Петербургское жандармское управление, и вначале оно буксовало, арестованные показаний не давали.

Наконец жандармам повезло – начал давать показания некий Александр Кузов. В действиях шайки он непосредственного участия не принимал. Его арестовали в феврале 1907 г. за убийство собственной невесты – Александры Пупковой. Будучи безработным, Кузов не мог содержать Пупкову, и они решили покончить жизнь самоубийством (страшная мода на двойные самоубийства была тогда в самом расцвете). 6 февраля 1907 г. они заняли отдельный номер в гостинице Полозова на Нижегородской улице. Двумя выстрелами из револьвера Кузов убил наповал свою возлюбленную, а затем выстрелил себе в рот. Но рука дрогнула и пуля, пробив щеку, нанесла ему лишь легкую рану. Следующий выстрел дал осечку. В исступлении Кузов стал щелкать курком, но кроме еще одной раны в ногу никакого повреждения нанести себе ему не удалось. В марте 1909 г. суд приговорил Кузова к заключению на восемь месяцев.

В 1907 г. после двух лет революции владельцы заводов составили так называемые «черные списки», куда вошли участники забастовок. Их уволили с

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org предприятий и не брали на другие заводы. Положение их было безнадежно. Но за многими стоял опыт уличной жизни. Молодые безработные бывшие хулиганы решили добывать себе пропитание грабежом.

Группу возглавил рабочий Тимошечкин, водивший знакомство с революционными студентами Политехнического института, то ли эсерами, то ли максималистами. Во всяком случае, свою банду Тимошечкин назвал «Группа максималистов Выборгской стороны». Бандиты успокаивали свою совесть тем, что они грабят не из собственной корысти, а для дела революции. Но студентов вскоре арестовали, и никаких связей с подпольем у грабителей с Выборгской стороны не осталось.

По показаниям Кузова были задержаны все оставшиеся в живых участники банды. Любвеобильный Кузов к этому времени уже позабыл убитую им Пупкину и женился на работнице с Выборгской стороны. Узнав, что он предает товарищей, жена объявила, что бросает его. На свидании с супругой, проходившем в присутствии жандармского генерала Иванова, Кузов перерезал ей горло припасенной им опасной бритвой. Его судили за несколько дней до процесса над участниками шайки экспроприаторов и приговорили к пожизненной каторге.

1 марта 1911 г. петербургские газеты опубликовали приговор по «Делу 29» – были осуждены 29 участников бандитской шайки с Выборгской стороны. Перед Петербургским окружным судом предстали рабочие Латкин по кличке «Макс», Бузинов – «Васька-москвич», Дмитриев – «Колька-Химик», Астанин – «Васька-железнодорожник» и их сообщники. Все они были приговорены к различным срокам каторги.

А вот неполная хроника событий июля 1914 г. в Петербурге забастовка. 1 июля из окон домов на Васильевском острове рабочие закидывали камнями полицию и казаков. По углам Сампсониевского проспекта были возведены 6 баррикад. Рабочие валили столбы, заборы и перевязывали баррикады колючей проволокой. Утром на баррикады на Сампсониевском состоялся налет городских. Со стороны рабочих – 6 убитых, 20 раненых. 18 городских пострадали от бомбардировки камнями.

В 1-м часу ночи конный разъезд городских на набережной Малой Невки заметил рабочих у деревянного основания моста. Они поджигали мост. Все были схвачены, однако толпа пыталась освободить арестованных. Одновременно хулиганы и рабочие разрушали здания водоканчки в Зеленковом переулке. На Лесном проспекте повалили телеграфные столбы и порвали кабель телефонного сообщения с Финляндией. На Мясной улице толпа рабочих и хулиганов с пением «Марсельезы» избивала двух городских. На Тамбовской улице был избит чиновник железной дороги. В 1-м часу дня на Галерной 800 работниц-штрейкбрехеров, вышедших на обед, были атакованы бастовавшими работницами. Началась кровавая драка. Городовой Францевич с проломленной головой отправлен в больницу. На Галерной хулиганы избивали хорошо одетых людей с криками «Долой интеллигенцию!». Налет на трамвай на Лиговском. Камнями до смерти был забит кондуктор Богомолов. Полицейские власти послали охрану на все станции и вокзалы города.

В 11 часов вечера было прекращено трамвайное движение. Всего из строя выведено 200 из 600 вагонов, разбито 500 дорогих стекол. Забастовал Обуховский завод. Рабочие прорвали кольцо полиции. 600 рабочих с песнями отправились к Шлиссельбургскому проспекту. Прибывшая полиция отняла 2 флага, арестовала 9 рабочих. Для постройки баррикад был ограблен воз с кирпичами, ехавший на стройку больницы им. Петра I.

11 июля в город через Нарвские ворота вступила гвардия. На солдат напали рабочие. Прогрели выстрелы. Город объявлен на военном положении.

Февраль 1917 г., собственно, и представлял собой победу питерских рабочих над ненавистными им полицейскими.

Питерские рабочие составляли только одну десятую часть населения Петербурга. Но именно они решили судьбу Российской империи и ее столицы. Сен-Жерменским предместьем города, местом, откуда на Петербург надвигались забастовки и бунты, была Выборгская сторона, где на относительно небольшой территории находились десятки машиностроительных заводов, а рядом, на Большом Сампсониевском проспекте и пересекавших его улочках, жили почти исключительно рабочие по металлу и их семьи. Опыт насилия, приобретенный сизмальства, делал здешних рабочих авангардом любого мятежа. Рабочая молодежь наряду с матросами в октябре 1917 г. привела большевиков к власти.

Итак, в отличие от преобладавших среди наемной рабочей силы Петербурга торговых служащих и ремесленников, промышленные рабочие, во-первых, были сильнее укорены в столице (среди них было больше родившихся в Петербурге и проживших здесь более 20 лет), во-вторых, промышленные рабочие были в основном выходцами из губерний, среди уроженцев которых земляческие связи не были особенно сильны. Тем самым патриархальная кланово-земляческая система не играла в их среде той роли, которую она играла среди торговцев и ремесленников.

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
Если в «малом бизнесе» существовала высокая мобильность, и наиболее социально активные из крестьян-отходников быстро делали карьеру, то для рабочих существовал некий потолок, выше которого они по существу не поднимались. Конфликт между возможностями и притязаниями превращался в конфликт с заводской администрацией и городской властью. Насилие, пропитывавшее рабочую среду, делало этот конфликт потенциально опасным для существовавшего режима.

Примечания

1

З. Николаева. Купец и гражданин: Краеведческий очерк: История русского Лаффита. Режим доступа: <http://www.proza.ru>.

2

М. А. Кастрен. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири. М., 1860. С. 143.

3

Об этом подробнее см.: И. Прыжов. История кабаков в России в связи с историей русского народа. М., 1991. С. 239–240.

4

А. А. Фет. Мои воспоминания. Часть 1. М., 1890.

5

Кокорев В. А. Экономические провалы. СПб., 1887.

Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского пр-ва. М., 1960.

6

М. Гавлин. Российские Медичи. Портреты предпринимателей. М., 1996. С. 11–51.

7

Ради благополучия России. От Волжско-Камского банка до акционерного общества «Промышленно-строительный банк». СПб., 1996. С. 29–77.

8

Взгляды Василия Александровича на экономику и политику. См.: Кокорев В. А. Экономические провалы. М., 2002.

9

А. Кобак, Л. Лурье. Малоохтинское кладбище // Исторические кладбища Петербурга. СПб., 1993. С. 419–420.

10

Столетний юбилей Торгового товарищества «Братья Елисеевы». СПб., М., 1907.

Краско А. В. Дома купцов Елисеевых. СПб., 1997.

Красильщиков А. Храмы, школы и больницы Елисеевых: Елисеевы: известные и забытые факты // Нева. 1998. № 1. С. 212–223.

Краско А. В. Елисеевы // Свод поколенных росписей. СПб., 1998. Вып.

3.

Рогатко С. А. Выдающиеся продовольственные предприниматели России. М., 1999. Шундалов И. Ю. Елисеев // Три века Санкт-Петербурга. Девятнадцатый век: Энциклопедия. СПб., 2008. кн. 6. С. 405–415.

11

Воспоминания А. И. Дельвига. М.–Л., 1930. Т. 2. С. 525–529.

12

А. Ф. Кони. Дело Овсянникова // Собр. соч.: в 8 т.; Т. 1. М., 1996, С. 37.

13

В. К. Случевский. Из первых лет жизни судебных приставов // Журнал Министерства юстиции. 1914. № 9. С. 181–233.

14

Игнатий Платонович Закревский и введение судебной системы в Царстве Польском: Отрывки из воспоминаний // Исторический вестник. 1912. Т. 128. № 4. С. 206–218.

15

М. Гавлин. Указ. соч. С. 113–115.

16

Брита Осбринк. Империя Нобелей. М., 2003. С. 13–32.

2003. Бенгт Янгфельд. Шведские пути в Санкт-Петербург. Стокгольм – СПб.,

Механический завод «Людвик Нобель». СПб., 1912.

17

К. А. Манн. Воспоминания // Исторический вестник. Т. 147. № 2. С. 308–338, № 3, С. 600–623.

18

М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульяновский. История Путиловского завода. 1801–1917. 3-е изд. М., 1961.

- Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
С. Костюченко, И. Хренов, Ю. Фёдоров. История Кировского завода
1917–1945. М., 1966.
- 19
Валентин Смирнов. На дамбе Морского канала // Санкт-Петербургские
ведомости. 2010. № 175. 17 сент.
- 20
Рябушинский В. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.,
1994. С. 144. Ср. также: Рындзюнский П. Г. Старообрядческая организация в
условиях развития промышленного капитализма // Вестник истории религии и
атеизма. М., 1950. С. 188–248.
- 21
Crummey R. The Old Believers & The world of Antichrist. Madison,
1970. P. 136–137.
- 22
Статистические сведения о старообрядцах (на 1 января 1812 года).
СПб., 1912.
- 23
Об этом подробнее см.: Пирютко Ю. М., Кобак А. В. Волково кладбище.
Лютеранское кладбище // Исторические кладбища Санкт-Петербурга.
Справочник-путеводитель. СПб., 1993. С. 364–367.
- 24
Любопытный П. Л. Исторический словарь 86 отцов и каталог или
библиотека староверской церкви. Саратов. 1912. С. 142.
- 25
К истории раскола старообрядчества второй половины XIX века.
Переписка проф. Н. И. Субботина. М., 1914. С. 545.
- 26
Там же. С. 592.
- 27
Демьянов Г. Волковская «панاما» или егоровщина // Петербургский
листок. 1895. № 137. С. 3.
- 28
Скроботов Н. У петербургских старообрядцев // Петербургский листок.
1881. № 70. С. 1–2.
- 29
Животов Н. Н. Церковный раскол Петербурга в связи с общероссийским
расколом. Очерки. СПб., 1891. С. 66.
- 30
Собрание старообрядцев-федосеевцев // Петербургский листок. 1910.
№ 87. С. 3.
- 31
Там же. С. 72.
- 32
У федосеевцев // Петербургский листок, 1906. № 300. С. 3.
- 33
Шульц С. Крамы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб., 1994.
С. 224.
- 34
Раскольничьи общины в Петербурге // Русские ведомости. 1880. № 52. С.
2.
- 35
Шульц С. Указ. соч. С. 224.
- 36
Архангельский М. Из истории раскола в Петербурге. Б. м., 1870.
- 37
Нильский В. Очерки из быта старообрядцев: Малоохтинское поморское
кладбище в Петербурге // Истина. 1975. кн. 42. № 9/10. С. 29–48. Нильский
В. Раскол в Петербурге. Малоохтинское Поморское кладбище в Петербурге //
Церковно-общественный вестник. 1875. № 67. С. 6–8; № 68. С. 7–8; № 69. С.
6–8.
- лурье Л. Я., Кобак А. В. Малоохтинское кладбище // Исторические
кладбища. С. 417–423.
- 38
Раскольничьи учреждения в Петербурге // Христианское чтение, 1887.
№ 9/10. С. 443.
- 39
Crummey R. Ibidem. P. 144–150, 201–202.
- 40
Нильский В. Поповцы в Петербурге. Поморская моленная на Моховой улице
// Истина. 1875. кн. 42, № 9/10. С. 29–48.
- Нильский В. Раскол в Петербурге: Поморская моленная на Моховой улице

- Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
// Церковно-общественный вестник. 1875. № 46. С. 6–8; № 47, С. 6–8.
- 41
РГИА. ф. 254, Оп. 1, л. 8; Оп. 100, л. 18, л. 120–124.
- 42
Хронология закрытия старообрядческих кладбищ и богаделен в Петербурге. См.: Обзор мероприятий министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1885 год. СПб., 1903. С. 171–175.
- 43
Отчет Петербургской христианской общины старообрядцев поморского согласия, приемлющих браки. С 19 июня 1906 по 11 января 1908 г. СПб., 1908. С. 2.
- 44
Скроботов Н. У петербургских старообрядцев // Петербургский листок. 1881. № 70. С. 2.
- 45
Скроботов Н. Поморцы // Петербургский листок. 1881. № 81. С. 3.
- 46
Погребение В. А. Кокорева // Петербургский листок. 1889. № 112. С. 2.
- 47
Новый старообрядческий храм // Петербургский листок. 1907. № 358. С. 3.
- 48
Портреты гласных С.-Петербургской городской думы сессии 1877/1880 гг. СПб. Б. г. С. 53.
- 49
Очерки истории поповщины // Полн. собр. соч. Т. 14. СПб., 1898. Ср. также: Кобак А. В., Лурье Л. Я. Громовское кладбище // Исторические кладбища. С. 424–439.
- 50
Шульц С. Указ. соч. С. 223.
- 51
Раскольничьи общины в Петербурге // Русские ведомости. 1889. № 118. С. 3.
- 52
Шульц С. Указ. соч. С. 222.
- 53
Раскольничьи общины в Петербурге // Русские ведомости. 1880. № 69. С. 4; Скроботов Н. Поповцы // Петербургский листок. 1881. № 85. С. 1.
- 54
См.: Среди старообрядцев // Петербургский листок. 1912 (11 декабря; 20 декабря). С. 17.
- 55
Среди старообрядцев // Петербургский листок. 1907. № 290. С. 3.
- 56
Среди старообрядцев // Петербургский листок. 1907. № 290. С. 3.
- 57
С-кий М. Исторический очерк единоверия. СПб., 1867. С. 187.
- 58
Там же. С. 108.
- 59
Там же. С. 181–188, 190–192.
- 60
Отчет о деятельности С.-Петербургского единоверческого братства за 1909/1910 год. СПб., 1910. С. 21–23.
Запись о деятельности С.-Петербургского единоверческого братства за 1912 год. СПб., 1912.
- 61
Юхнева И. В. Этнический состав и этносоциальная структура Петербурга. Л., 1984.
- 62
Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Часть 1. Вып. 2. СПб., 1892. С. 40–50.
Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 2. Распределение населения по занятиям. СПб., 1903. С. 70–87.
Петроград по переписи 15 декабря 1910 года. Население. Часть II. Вып. I.
- 63
Виды внутренней торговли и промышленности в Санкт-Петербурге. СПб., 1868. С. 3–56.
Воробьев К. Я. Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии: По данным о паспортах 1896–1902 гг. // Статистический сборник по

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org Ярославской губернии. Вып. 19. Ярославль, 1907.

64

Распределение ярославских торговцев по уездам в табл. 4.1 дается нами для 1866 г. по книге «Виды внутренней торговли и промышленности в Санкт-Петербурге» (СПб., 1868), а для 1902 и 1912 гг. по «Справочной книге С.-Петербургской купеческой управы» за соответствующие годы. Следует учесть, что данные за 1866 г. включают всех владельцев торговых заведений, а за 1902 и 1912 гг. – только торгующих крестьян и мещан, выбравших свидетельство в купеческой управе.

65

Письма из деревни [дер. Василево Угличского уезда] // Вестник Ярославского земства. 1904. № 17. С. 110.

66

Подробнее см.: Н. А. Лейкин. Апраксинцы. Сцены и очерки из быта и нравов петербургских рыночных торговцев и их приказчиков полвека назад. СПб., 1904. С. 6–8, 37–45.

67

Мехов А. Землячество // Сборник «Угличанина». Углич, 1908. С. 7982. (Автор – купец 2-й гильдии, в 1895 г. в 39 лет записался в петербургское купечество из угличских мещан, владел двумя магазинами по торговле кожей.)

68

Бахтияров А. Зеленая торговля в Петербурге // Плодоводство. 1892. № 3. С. 34–36.

69

Список населенных пунктов Костромской губернии (по сведениям 1907 г.). Кострома. 1908. С. 278.

70

Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Д., 1991. С. 92.

71

Отчет общества олончан в Санкт-Петербурге за 1908–1909 гг. СПб. С. 4–6.

72

Браддт Б. Питейная монополия // Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. Т. XXIIIа (Петропавловский – Поватажное). СПб., 1898. С. 723.

73

Ср. поговорку: «Дедиловцы–целовальники»: Пословицы русского народа // Сборник В. Даля в двух томах. Т. 1. М., 1989. С. 267.

Подробнее см. Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 3. Вып. 1: Зарайский уезд, Рязань, 1885. С. 57, 142.

Географо–статистический словарь Российской империи. Т. II. СПб., 1865. С. 257, 694.

Дедилово // Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. Т. XI. СПб., 1893. С. 323.

Очерки истории России. Период феодализма: XVII век. М., 1955. С. 126, 454.

74

И. Г. Прыжов. Очерки по истории кабачества // Очерки, статьи и письма. М.–Д., 1934. С. 207.

75

Правда, 1913. № 12. С. 6.

76

Ярославцы: физиологический очерк. – Цит. по: Русский очерк: 4050–е годы XIX века. М., 1986. С. 386. Впервые напечатано в журнале «Финский вестник» в 1846 г.

77

Ярославцы: физиологический очерк. Указ. соч. С. 462.

78

Кольшко И. Волга и волгари. СПб., 1891. С. 59.

79

[Аноним]. Питерщики // неделя. 1891. № 19. С. 596.

80

РО ИРДИ. Ф. 377 (С. Ф. Венгерова). № 2877.

Годин Я. Памятка о юбилее Николая Григорьевича Позднякова (Ухтомского). СПб., 1912.

На берегах Невы. 1912. № 3.

81

Воробьев К. Я. Указ. соч. С. 117–118.

82

Грбовщиков П. Пречистенская волость Любимского уезда // Вестник

- Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
Ярославского земства, 1904. № 13. С. 15.
- 83
Даль В. Пословицы русского народа. Указ. соч. Т. 1. С. 262.
- 84
См., например: Сборник статистических сведений по Тверской губернии.
Т. У. Калязинский уезд. Тверь. 1890. С. 146. Так, граничившая с Угличским
уездом Семендяевская волость Калязинского уезда давала в 1888 г. 424
половых. Неясно, впрочем, их распределение между Москвой и Петербургом.
- 85
Отчет о деятельности Общества вспомоществования волгожанам в
Петербурге за время с 1 января 1906 по 1 января 1907 года. СПб., 1907. С.
42–46.
- 86
Воробьев К. Я. Указ. соч. С. 132.
- 87
Серебряков М. Из села Заозерье Угличского уезда // Вестник
Ярославского земства. 1903. № 11/12.
- 88
Животов Н. Н. Петербургские профили. Вып. 4. Среди шестерок: Шесть
дней в роли официанта. СПб. С. 19.
- 89
Животов Н. Н. Указ. соч. С. 16–18.
- 90
Воробьев К. Я. Указ. соч. С. 35.
- 91
Засосов Д. А., Пызин В. И. Указ. соч. С. 102.
- 92
Воробьев К. Я. Указ. соч. С. 35.
- 93
Животов Н. Н. Указ. соч. С. 3.
- 94
Серебряков М. Указ. соч.
- 95
Слуги трактирного промысла // Правда. 1913. 14 апреля. С. 7.
Ресторан Крутецкого // Правда. 1913. 1 июня. С. 4.
- 96
Кичунов Н. В. Огородничество в России // Огородный промысел и
промышленно-ягодные культуры под Петроградом. СПб., 1914. Вып. 5. С. 10.
См. также: Огородное хозяйство в Ростовском приозерном крае.
Ярославль, 1914.
- 97
Ярославские губернские ведомости: Часть неофициальная. 1848. № 41.
(цит. по: Федоров В. А. Указ. соч. С. 55.)
- 98
Ярославские губернские ведомости: Часть неофициальная. 1854. Август.
С. 114. (цит. по: Федоров В. А. Указ. соч. С. 56.)
- 99
Федоров В. А. Указ. соч. С. 60.
- 100
Регель. Э. Огородное заведение Е. Грачева в Санкт-Петербурге //
Вестник Российского Общества садоводства в Санкт-Петербурге. 1860. № 10. С.
17.
См. также: А. Арбашев. Петербургское огородно-зеленое производство в
культурно-торговом и общественно-бытовом отношении // Сельское хозяйство и
лесоводство. СПб., 1876. Ч. 122, с. 119–158, 235–255.
- 101
Труды по огородничеству Ефима Андреевича Грачева (1826–1877). СПб.,
1997.
- 102
Редкозубов М. Ф. Выдающийся русский огородник Е. А. Грачев
(1826–1877). Л., 1954.
- 103
Боос Г. В., Бадин Г. В. Ефим Андреевич Грачев. М., 1984.
- 104
Бахтиаров А. А. Огородничество в Москве и Петербурге // Плодоводство.
1898. № 7. С. 552.
- 105
Кичунов Н. В. Указ. соч. С. 14.
- 106
Высочков Л. В. Указ. соч. С. 91.
- 107
Там же. С. 11.
- 108
Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. СПб., 1875. Вып. 3.

- Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
С. 237.
- 106
Титов А. А. Статистико-экономическое описание Ростовского уезда
Ярославской губернии. СПб. С. 79.
- 107
Воробьев К. Я. Указ. соч. С. 82.
- 108
Шумков И. Ростовское огородничество // Сельское хозяйство и
лесоводство. 1888. № 10. С. 134.
- 109
Воробьев К. Я. Указ. соч. С. 82.
- 110
Воробьев К. Я. Указ. соч. С. 82–84.
- 111
Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства
государственных имуществ. СПб., 1859. Вып. 2. С. 97.
- 112
Титов А. А. Указ. соч. С. 532–534.
- 113
Бахтиаров А. А. Огородничество в Москве и Петербурге // Плодоводство.
1896. № 1. С. 41.
- 114
Кичунов Н. И. Указ. соч. С. 532–534.
- 115
Бахтиаров А. А. Цены на овощи и плоды в Петербурге // Плодоводство.
1898. № 12. С. 1019.
- 116
Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга. Т. 1. СПб.,
1994. С. 245.
- 117
Бахтиаров А. А. О петербургских огородах // Плодоводство. 1898. № 7.
С. 553–554.
- 118
Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства
государственных имуществ. Вып. 2. СПб., 1859. С. 10.
- 119
Титов А. А. Указ. соч. С. 81–82.
- 120
Бахтиаров А. А. О петербургских огородах // Плодоводство. 1898. № 7.
С. 553–554.
- 121
Воробьев К. Я. Указ. соч. С. 83–84.
- 122
Давыдов В. Село Поречье-Рыбное // Ярославские губернские ведомости.
1862. № 67. С. 2.
- 123
Воробьев К. Я. Указ. соч. С. 85–86.
- 124
Федоров В. А. Указ. соч. С. 57.
- 125
Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства
государственных имуществ. Вып. 2. СПб., 1859.
- 126
Титов А. А. Указ. соч. С. 233, 241, 243.
- 127
Сборник статистических сведений по Тверской губернии. Том VI.
Старицкий уезд. Тверь. 1889. С. 112.
- 128
Ср.: «Ярославцы – красавцы, белотельцы, песенники, запевалы, чистюли,
конфетчики...Спаса на воротах продали» и «Пошехонцы – на сосну лазали Москву
смотреть; ноги под столом перепутали». См.: Пословицы русского народа /
Сборник В. Даля. Т. 1, М., 1984. С. 264.
- 129
Отхожие промыслы крестьян ярославской губернии... С. 6.
- 130
Груздев С. И. Труд и борьба швейников в Петербурге. 1905–1916 гг. Д.,
1929. С. 16.
- 131
Олюлина Е. И. Портновские промыслы в Москве и в деревнях Московской и
Рязанской губерний: Материалы к истории домашней промышленности в России.
М., 1914. С. 15.

- Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
132
- Бочагов А. Д. Петербургская дума в биографиях ее представителей.
1904–1910. СПб., 1904. С. 2.
133
- Трубецкой В. Записки кирасира. М., 1991. С. 158. Некролог Фокину см.:
Угличская мысль. 1912, № 23.
134
- Барон Игрек. Указ. соч. С. 3.
135
- Груздев С. И. Труд и борьба швейников в Петербурге. Д., 1929. С. 16.
136
- Груздев С. И. Труд и борьба швейников в Петербурге. Л., 1929. С. 8.
137
- Витковский И. 10 лет службы одного приказчика в трех крупнейших
фирмах Петербурга. СПб., 1913. С. 44.
138
- Листок союза портных и скорняков. 1906. № 3. С. 6.
139
- Рабочий-портной. Об учениках / / листок для рабочих портных, портных
и скорняков. 1906. № 2. С. 5.
140
- Рабочий-портной. Об учениках // Листок для рабочих портных, портных и
скорняков. 1906. № 2. С. 6.
141
- Катун А. И. За 25 лет: Рекламный сборник дамского портного. СПб.,
1912. С. 7.
142
- Воробьев К. Я. Указ. соч. С. 73.
143
- Шидловский. Г. «Правдист» Войнов Иван Авксентьевич. Л., 1927. С. 11.
144
- Дерунов С. Пошехонские портные // Вестник Ярославского земства. 1880.
№ 3. С. 17–18.
145
- Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. СПб., 1875. Вып.
III. С. 95–96.
146
- Высочков Д. В. Отход в Петербург ярославских крестьян. С. 6–9.
147
- Виды внутренней торговли в Петербурге. СПб., 1868. С. 109.
148
- Воробьев К. А. Указ. соч. С. 6–9.
149
- Интересно, что когда в июне 1895 г. в Данилове произошел страшный
пожар, даниловцы собрали несколько десятков тысяч рублей на погорельцев за
неделю, так сильны были их позиции в строительстве и трактирном промысле.
150
- Туган-Бареевский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М.,
1938. С. 42–43.
151
- Крижиболоцкий Я. Костромская губерния. СПб., 1861. С. 188–189.
152
- Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г. Вып. III. СПб., 1875.
С. 95–96.
153
- Список населенных мест Костромской губернии (по сведениям 1907 года).
Кострома, 1908. С. 1–242; Сборник статистических сведений по Костромской
губернии. Т. 1: Нерехтский уезд. Вып. 1. Кострома, 1901.
154
- Соловьев А. И. Питерщики-галичане. Кострома. 1923. С. 18.
155
- Казаринов Л. Отхожие промыслы Чухломского уезда. – Труды Чухломского
отделения Костромского научного общества. Чухлома. 1926. Вып. 3. С. 9.
156
- Жбанков Д. Н. Бабыя сторона. Кострома. 1896. С. 1.
157
- Воспоминания рабочего Некрасова // Сборник материалов по истории
союза строителей. Д., 1926. С. 30.
158
- Воробьев К. Я. Указ. соч. С. 44.
159

- Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
Соловьев А. Н. Указ. соч. С. 5. Ср. также воспоминания А. П.
Чапыгина, бывшего в детстве учеником кровельщика и маляра: Чапыгин А. Жизнь
моя // Чапыгин А. П. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. Л., 1968. С. 372–415.
160
Жбанков Д. Н. Указ. соч. С. 33–34.
161
Жбанков Д. Н. Указ. соч. С. 52.
162
На рубеже двух миров: Из воспоминаний В. Д. Орлова // Ярославский
архив. Историко-краеведческий сборник. М.; СПб., 1996. С. 135.
163
Соловьев А. Н. Указ. соч. С. 2.
164
Соловьев А. Н. Указ. соч. С. 8
165
Жбанков Д. Н. Указ. соч. С. 52.
166
Воспоминания рабочего Некрасова // Сборник материалов по истории
союза строителей. Д., 1926. С. 30.
167
Воробьев К. Я. Указ. соч. С. 52.
168
Сборник статистических сведений по Тверской губернии. Новоторжский
уезд. Тверь. 1889. Т. II. С. 157–161.
169
Петербургские артели маляров // Ведомости С.-Петербургской Городской
полиции. 1872. № 224. С. 1–2.
170
Воспоминания рабочего Некрасова // Сборник материалов по истории
союза строителей. Л., 1926. С. 307.
171
Воробьев К. Я. Указ. соч. С. 53.
172
Куломзин А. Н. Указ. соч. С. 18.
173
Город Санкт-Петербург с точки зрения медицинской полиции. СПб., 1897.
С. 589.
174
Куломзин А. Н. Указ. соч. С. 21.
175
Сборник материалов по истории союза строителей. Д., 1926. С. 60.
176
Соловьев А. Н. Указ. соч. С. 10.
177
Там же. С. 12.
178
Виды внутренней торговли. С. 136.
179
Животов Н. Н. На извозчичьих козлах // Язвы Петербурга: Составление
Д. Я. Дурье. Д., 1990. С. 91.
180
Сборник статистических сведений по Тверской губернии. Т. II.
Новоторжский уезд. Тверь. 1889. С. 157–161.
181
Статистический обзор калужской губернии за 1897 год. Калуга. 1898. С.
44–45.
182
Статистическое описание калужской губернии. Т. III. Перемышльский
уезд. Калуга. 1899. С. 143.
183
Статистическое описание калужской губернии. Т. VI. Вып. II. Калуга.
1912. С. 103.
184
Статистическое описание калужской губернии. Т. I. Козельский уезд.
Вып. II. Калуга. 1890. С. 607.
185
Город Санкт-Петербург с точки зрения медицинской полиции. СПб., 1897.
С. 101.
186
Животов Н. Н. Указ. соч. С. 96.
187

- Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
Статистическое описание Калужской губернии. Т. I. Козельский уезд.
Выпуск II. Калуга. 1890. С. 609.
188
Там же.
189
Сборник статистических сведений по Тверской губернии. Т. II.
Новоторжский уезд. Тверь. 1889. С. 157–161.
190
Весь Петербург на 1909 год. Адресная и справочная книга г.
С.-Петербурга. СПб., 1909. I паг. С. 1199, II паг. С. 358.
Статистическое описание Калужской губернии. Т. I. Козельский уезд.
Вып. II. Калуга. 1890. С. 607.
191
Животов Н. Н. Указ. соч. С. 97.
192
Там же.
193
Животов Н. Н. Указ. соч. С. 107.
194
Статистическое описание Калужской губернии. Т. I. Козельский уезд.
Вып. II. Калуга. 1890. С. 609.
195
Голос извозчика. 1906. № 2. С. 2.
196
Генеральные соображения по Тверской губернии. Извлечения из
подробного и камерального описания по городам и уездам 1783–1784 гг. Тверь.
1873. С. 39–51.
197
Сборник статистических сведений по Тверской губернии. Том V.
Калязинский уезд. Тверь. 1889. С. 151.
198
Сборник статистических сведений по Тверской губернии. Том V.
Калязинский уезд. Тверь. 1889. С. 148–149.
199
Там же С. 153; Там же. Том VIII. Кашинский уезд. Тверь. 1895. С. 154;
Там же. Том IX. Корчевский уезд. Москва. 1899. С. 87.
200
Сборник статистических сведений по Тверской губернии. Том IV.
Старицкий уезд. Тверь. 1890. С. 55.
201
Там же. Том II. Новоторжский уезд. Тверь. 1889. С. 157–159.
202
Сборник статистических сведений по Тверской губернии. Том II.
Новоторжский уезд. Тверь. 1889. С. 161.
203
Засосов Д. А., Пызин В. И. Указ. соч. С. 89.
204
Сборник статистических сведений по Тверской губернии. Т. XII.
Ос-ташковский уезд. Вып. 1. М., 1896. С. 133.
205
Бахтияров А. А. На столичных окраинах // Язвы Петербурга. Сборник
газетного фельетона конца XIX – начала XX вв. / Составление, подготовка
текстов, вступительная статья и комментарий Л. Я. Лурье. 1990. С. 65.
206
См. также: Засосов Д. А., Пызин В. И. Указ. соч. С. 6, 79.
207
Сборник статистических сведений по Тверской губернии. Т. XII.
Осташковский уезд. Вып. 1. М., 1896. С. 134.
208
Очерки истории Ленинграда. Т. 2. М.-Л. 1957. С. 127.
Там же. Т. 3. М.-Л., 1956. С. 61–62.
209
Покровский В. Санкт-Петербург // Энциклопедический словарь Ф.
Брокгауза и И. Ефрона. Дополнительный том II. С. 584.
210
Рихтер Д. Нева // Там же. Т. XX. С. 792–794.
211
Сборник статистических сведений по Тверской губернии. Т. VI. Бежецкий
уезд. М., 1891. С. 84.
212
Сборник статистических сведений по Тверской губернии. Т. VII.

- Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
Зубцовский уезд. Тверь. 1891. С. 96–98.
213
- Там же. Т. II. Новоторжский уезд. Тверь. 1889. С. 157–161.
214
- Сборник статистических сведений по Тверской губернии. Т. XII.
Осташковский уезд. Вып. 1. М., 1896. С. 132.
215
- Там же. Т. IV. Старицкий уезд. Тверь. 1890. С. 50–52.
216
- Сборник статистических сведений по Тверской губернии. Т. IV.
Старицкий уезд. Тверь. 1890. С. 53–54.
217
- Географический и статистический словарь Российской империи. Т. III.
СПб., 1867. С. 293.
218
- Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. III.
СПб., 1895. С. 71–75.
Ленин В. И. Развитие капитализма в России. М., 1938. С. 244–245.
219
- Артели петербургских точильщиков // Ведомости С.-Петербургской
Городской Полиции. 1872. № 173. С. 1–2.
220
- Кириллов Л. А. Обзор ярославской губернии. Вып. 2. Отхожие промыслы
крестьян ярославской губернии. Ярославль. 1896. С. 143.
221
- Справочная книга о лицах Петербургского купечества и других званий,
акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших сословные
свидетельства по 1-й и 20-й гильдиям, промысловые свидетельства 1-го и 2-го
разрядов на торговые предприятия, 1–5-го разрядов на промышленные
предприятия, 2-го и 3-го на личные промысловые занятия на 1865...1916 год.
СПб. – Пг. 1865–1916.
222
- Цит. по: Генкин Л. Б. Помещичьи крестьяне ярославской и костромской
губернии перед реформой и во время реформы 1861 года // Ученые записки
ярославского государственного педагогического института. 1947. Вып. 12
(22). С. 120.
223
- Ярославское благотворительное общество в Петербурге. СПб., 1898. С.
14–17.
224
- Скульский А. Центры производства главнейших видов кустарной
промышленности // Вестник ярославского земства. 1875. № 37–38. С. 54.
225
- Бахтиаров А. Брюхо Петербурга. СПб. С. 226; ср. также Головщиков К.
Ярославская губерния. Историко-этнографический очерк. Ярославль. 1888.
226
- Генкин Л. Б. Указ. соч. С. 109; Вискочков Л. В. Отход в Петербург
ярославских крестьян в первой половине XIX века – Верхнее Поволжье в период
разложения феодализма. Ярославль. 1978. С. 7. Юхнева И. В. Этнический
состав и этносоциальная структура Петербурга. Л., 1984. С. 143–147.
227
- Взаимопомощь ярославцев // Петербургский листок. 1897. № 357
(29/XII). С. 2.
228
- Ярославское благотворительное общество в Петербурге. СПб., 1898.
228
- Эндер В. Юбилейный справочник журнала «Плодоводство». СПб., 1914. С.
44.
229
- Б-ов А. Д. Петербургская дума в биографиях ее представителей.
1904–1910. СПб., 1904. С. 124.
230
- 10-летие ярославского благотворительного общества // Петербургский
листок. 1907, 29 декабря. С. 4.
231
- Отчет ярославского благотворительного общества в Санкт-Петербурге за
1913 год. СПб., 1914.
Краткие сведения о монастырях и церквях ярославской епархии.
Ярославль. 1908. С. 213.
См. также: Вестник ярославского земства. 1904. № 12. II. С. 34.
232
- «Члены общества почти все читатели «Петербургского листка» – писали

- Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
составители приветствия ЯБО в адресе по случаю юбилея Н. А. Скроботова.
См.: Петербургский листок. 1909. № 334. С. 3.
233
- Список членов Ярославского благотворительного общества в
С.-Петербурге за 1911 г. // Отчет Ярославского благотворительного общества
в С.-Петербурге за 1911 г. СПб., 1912. С. 48–76.
Весь Петербург на 1911 г. СПб., 1911.
234
- Отчет общества вспомоществования уроженцев г. Углича. СПб., 1905. С.
6.
235
- Петербургский листок. 1901. № 150. С. 3.
236
- Там же.
237
- Цит. по: Сказ о Санкт-Петербурге. Л., 1991. С. 124, 127. См. также:
Язвы Петербургской стороны. Вып. 1–3. СПб., 1907–1908.
238
- Краткая история города Углича (с рисунками) / Составил почетный
гражданин Л. Ф. Соловьев. СПб., 1895. С. 75, 97.
239
- Волков И. А. К земляку ярославцу. СПб., 1902. С. 14.
Ср. также: «Общество угличан мы относим к области начинаний и не
считаем существующим... организационная работа шла сверху (из слоев
интеллигентных и буржуазных) и организация делалась по шаблону, не считаясь
с понятиями, духовным и материальным положением тех, кого думала
организовать. Непосредственно угличан общество насчитывает десяток-другой»
– Сборник «Угличанина». Углич. 1908. С. 63.
240
- Голос Углича. 1911. № 1. С. 2.
241
- Голос Углича. 1911. № 8. С. 2.
242
- Угличская мысль. 1912. № 1. С. 3; Голос Углича. 1911. № 1. С. 1.
243
- См., например: сообщение о 15-м благотворительном семейнотанцевальном
вечере общества, где дамам за лучшие танцы вручали цветы, а кавалерам –
«котильонные ордена» – Вечер угличан // Петербургский листок. 1916. № 277;
См. также: Среди угличан // Петербургский листок. 1912, 21 декабря. С. 5.
244
- Устав Мышкинского благотворительного общества в Санкт-Петербурге.
СПб., 1904. С. 3.
245
- Открытие общества // Петербургский листок. 1901. № 72. С. 3.
246
- Отчет Костромского благотворительного общества в Петербурге за
1901 г. СПб., 1902. С. 2.
247
- Отчет Костромского благотворительного общества в Петербурге за
1901–1916 гг. СПб., 1902–1917.
248
- Ср.: «Организацию похорон брало на себя похоронное бюро. Обычно
обращались в похоронное бюро Шумилова на Владимирском, 7, привлекавшее
внимание публики траурной черной вывеской с золотыми буквами» – Д. Засосов,
В. Пызин. Указ. соч. С. 32.
249
- Памяти Дмитрия Лаврентьевича Парфенова. Пг., 1915. С. 3–31.
250
- Ананьич Б. В. Банкирские дома в России. 1860–1814. Л., 1991. С.
30–31, 140–142.
251
- См. подробнее: Петербургский листок. 1909. № 261. С. 4.
252
- Отчет Тверского благотворительного общества в Петербурге за
1902–1903 гг. СПб., 1903. С. 3.
253
- Он принадлежал к партии «стародумцев» и подвергался резким нападкам
печати как «главный поставщик севрюги для своего знаменитого тестя» (за
городской счет) – Накануне городских выборов // Петербургский листок. 1912,
15 ноября. С. 13.
254
- Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой
губернии. Петрозаводск. 1905. С. 90–156.
255

- Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
 Отчет общества олончан в Санкт-Петербурге за 1908–1909 гг. С. 3.
 253
 Там же. С. 4–6.
 254
 Наши фавориты-второразрядники // Петербургский листок. 1906. № 313.
 С. 3.
 255
 Отчет о деятельности благотворительного общества рязанцев в
 Петербурге за 1907–1912 гг. СПб., 1912.
 256
 Собрание рязанцев // Петербургский листок. 1912, 17 декабря. С. 3.
 257
 Отчет о деятельности общества вспомоществования волгожанам в
 С.-Петербурге за время с 1 января 1903 по 1 января 1906 гг. СПб., 1906.
 Отчет о деятельности общества вспомоществования волгожанам в
 С.-Петербурге за время с 1 января 1916 по 1 января 1917. Пг., 1917.
 258
 Отчет Владимирского благотворительного общества в г. С.-Петербурге за
 1903–1907 гг. СПб., 1908. С. 4.
 259
 Отчет Владимирского благотворительного общества в г. С.-Петербурге за
 1908–1909 гг. СПб., 1910. С. 4.
 260
 Отчет общества новгородцев в Петрограде за 1914 г. СПб., 1915. С.
 1–34.
 261
 Материалы по статистике труда. Вып. 5. Пг., 1919. С. 59.
 262
 См. подробнее: Л. Я. Лурье, А. М. Хитров. Крестьянские землячества в
 Петербурге: ярославские «питерщики» // Невский архив: Историко-краеведческий
 сборник. СПб., 1995. Вып. 2. С. 307–354.
 Л. Я. Лурье. «Питерщики». Как крестьянин находил себе работу в
 Петербурге // Мониторинг социально-экономической ситуации и состояния рынка
 труда С.-Петербурга. 1995. № 2. С. 37–41.
 Л. Я. Лурье. Земляческие связи и профессиональная мобильность
 петербургских рабочих конца XIX – начала XX века // Мониторинг
 социально-экономической ситуации и состояния рынка труда С.-Петербурга.
 1996. № 2. С. 21–27.
 Л. Я. Лурье, В. Г. Тарантаев. Крестьянские землячества в Петербурге
 // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. СПб., 1996. Вып. 3. С.
 389–433.
 263
 Очерки истории Ленинграда. М.–Л., 1956. Т. 2. С. 185.
 264
 Мурзинцева С. В. Изучение формирования состава рабочих Трубочного
 завода по данным паспортных книг // Рабочие России в эпоху капитализма:
 Сравнительный порайонный анализ. Ростов-на-Дону, 1972. С. 37.
 265
 Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А. История Путиловского завода.
 М.–Л., 1939. Т. 1. С. 31.
 266
 РГИА. Ф. 1326, оп. 32.
 267
 Ленский Б. Отхожие неземледельческие промыслы в России //
 Отечественные записки. 1877. № 12, С. 210, 213.
 268
 Иванов Л. М. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование
 пролетариата в России – Рабочий класс и рабочее движение в России. М.,
 1966.
 269
 Крузе Э. Э. Петербургские рабочие в 1912–1914 гг. М.–Л., 1961. С.
 144. С. Н. Семанов. Петербургские рабочие накануне первой русской
 революции. М.–Л., 1966. С. 43.
 270
 Иванова Н. А. Структура рабочего класса России, 1910–1914. М., 1987.
 С. 119–128.
 271
 Рашин А. Демобилизация промышленного труда в Петроградской губернии
 за 1917 и 1918 гг. // Материалы по статистике труда Северной области. 1919.
 Вып. 5. С. 55.
 272

- Питершики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
Там же. С. 55.
273
19. Материалы по статистике труда Северной области. Пг., 1918. Вып. 1. С.
274
Крузе Э. Э. Указ. соч. С. 76.
275
Семанов С. Н. Указ. соч. С. 32–34.
276
М. и О. Цифры и факты из переписи С.-Петербурга в 1900 г. // Русская
мысль. 1902, февраль. Паг. II. С. 74–91.
277
Осипович А. Трудовые землячества. Спб., 1907. С. 4.
278
М. и О. Цифры и факты из переписи С.-Петербурга в 1900 г. // Русская
мысль. 1902, февраль. Паг. II. С. 74.
279
Лурье Л. Я. Земляческие связи и профессиональная мобильность
петербургских рабочих конца XIX – начала XX вв. // Мониторинг
социально-экономической ситуации и состояния рынка труда С.-Петербурга.
1996, № 2. С. 21.
280
Купер С. Война. 1914–1917 годы на заводе «Красная заря». М.-Л., 1935.
С. 80.
281
Медведев А. Александровский завод в прошлом столетии // Безруких П.
Е. Столетний гигант. Л., 1929. С. 86.
282
Шаповалов А. С. В борьбе за социализм. М., 1934. С. 21.
283
Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А. История Путиловского завода.
М.-Л., 1939. Т. 1. С. 31.
284
Там же. С. 41.
285
Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А. История Путиловского завода.
М.-Л., 1939. Т. 1. С. 66.
286
Тимофеев П. Очерки заводской жизни // Русское богатство. 1905. № 9.
С. 21–24.
287
118. Становление рабочего класса Петербурга 1860–1890 гг. Л., 1896. С.
288
129. Становление рабочего класса Петербурга 1860–1890 гг. Л., 1896. С.
289
Александров П. П. За Нарвской заставой. Воспоминания старого
рабочего. Л., 1963. С. 18–19.
290
От подковы до эскалатора. История ордена Трудового красного знамени
машиностроительного завода имени И. Е. Котлякова, рассказанная участниками
событий. Л., 1972. С. 18.
291
Дрязгов Г. Записки комсомольца. М.-Л., 1930. С. 34. Ср. также: Тайми
А. Страницы пережитого. Петрозаводск. 1955. С. 23–36.
292
280–281. Становление рабочего класса Петербурга 1860–1890 гг. Л., 1896. С.
293
16–23. Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. М., 1940. С.
294
Тимофеев П. Очерки заводской жизни // Русское богатство. 1905. № 9.
II. С. 20–21.
295
Тимофеев П. Очерки заводской жизни // Русское богатство. 1905. № 9.
II. С. 26.
296
Буйко А. М. Путь рабочего. Воспоминания путиловца. Л., 1964. С. 18.
297

- Питершики. Русский капитализм. Первая попытка. Лев Я. Лурье filosoff.org
Тайми А. Указ. соч. С. 22.
298
Тимофеев П. Очерки заводской жизни // Русское богатство. 1905. Август – сентябрь. II. С. 25.
299
Юхнев Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984. С. 52–71.
300
Канатчиков С. Из истории моего бытия. М. 1932. С. 136, 142.
301
Тимофеев П. Очерки заводской жизни // Русское богатство, 1905. № 10. С. 72–77.
302
Смидович П. Рабочие массы в 90-х гг. М., 1930. С. 30.
303
Смидович П. Рабочие массы в 90-х гг. М., 1930. С. 72.
304
Смидович П. Рабочие массы в 90-х гг. М., 1930. С. 51.
305
Тимофеев П. Очерки заводской жизни // Русское богатство. 1903. № 8. С. 33–34.
306
Правда. 1913, 3 апреля. С. 6; 23 апреля, С. 3; 25 апреля, С. 3; 23 апреля, С. 4.
307
Подробнее см.: Л. Я. Лурье. Хулиганы старого Петербурга // Неприкосновенный запас. 2000. № 3. С. 77–88.
308
Хаимсон Л. Российское рабочее движение накануне Первой мировой войны // Рабочий класс капиталистической России. М., 1992. С. 60–61.
309
Горбунов В. В. Традиции народных кулачных боев в Петербурге в XVIII – начале XX вв. // Этнография Петербурга – Ленинграда, 3. СПб., 1994. С. 27–28.
310
Кузнецов Н. А. Мастеровщина. Из моей жизни. Л., 1927. С. 64, 66.
311
Попов И. В. Воспоминания. 1971. С. 20.
312
Буйко А. М. Указ. соч. С. 21.
313
Буйко А. Указ. соч. С. 23. См также: Г. Дрязгов. Записки комсомольца. М.-Л., 1930. С. 38.
Короткий В. Далекое прошлое // Первая русская революция. 1905 год. СПб., 2. Л., 1925. С. 46.
314
Михайлов И. К. Четверть века подпольщика. М., 1957. С. 15.
315
Там же. С. 77.
316
Азарьев А. Начало забастовки в 1905 г. на фабрике Воронина // Первая русская... С. 52. Ср.: Тайми А. Указ. соч. С. 23–24.
317
Канатчиков С. Указ. соч. С. 153.
318
Михайлов И. К. Указ. соч. С. 78.
319
Joan Neuberger. Hooliganism. Crime, Culture and Power in St. Petersburg, 1900–1914. University of California Press. Berkeley. 1993, 257 – 60, 268 – 71.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!